

Желтузясинка
дия

МАЖКОРА

Лия Мур

Глеб Соколовский — одно только его имя вызывает дрожь отвращения по всему телу. Я ненавижу его со школы. Он доставал меня, не давал прохода, издевался. Я думала, что, наконец, избавлюсь от зазнавшегося любимчика класса, когда поступлю в универ, но Глеб достал меня и тут. Вот только заносчивый мажор ещё не в курсе, что я больше не подхожу на роль козла отпущения.

И на этот раз я дам ему отпор!

Жемчужинка для Мажора
Лия Мур

Это невыносимо!

Повернувшись вполоборота, я кидаю свирепый взгляд на парня, сидящего на самом дальнем ряду аудитории. Глеб Соколовский. Собственной персоной. Наглый, самоуверенный, заносчивый мажор, считающий, что ему всё можно, потому что он сын мэра.

Так бы и придушила гада!

Вот уже полчаса с периодичностью в пять минут он кидает в мою спину импровизированные шарики из скомканной бумаги. И посмеивается вместе со своими друзьями, наблюдая, как у меня валит пар из ушей от бессильной злости, потому что под ногами уже целый «сугроб» образовался.

Но до конца лекции я всё равно ничего не смогу сделать. Мне только и остаётся, что терпеть и ждать, пока Виктор Сергеевич закончит свой заунывный монолог по вышмату и отпустит весь поток на следующие пары по расписанию.

Вот только... Одно дело терпеть Соколовского на общих лекциях, а другое — терпеть его со времён школы.

А я именно — терпела. Считала дни до выпуска, мечтая скорее переехать в город и избавиться от его противной рожи. Но, поступая на эконо фак на бюджет, я и не думала узнавать, кто же будет учиться со мной на одном потоке. Счастье от вида своей фамилии в заветном списке бюджетников совсем затмило мне разум. И я только после общего сбора первого сентября соизволила глянуть список на стенде и узнать фамилии своих однокурсников.

И то лишь после того, как лицезрела любимчика бывшей школы в одном ряду со мной... Словами не передать, как я была «рада»!

— Скворцова, п-с! — Раздаётся громкий шёпот с задних рядов. — Эй!

И я узнаю этот голос среди миллиардов других! Ибо он уже снится мне в кошмарах!

— Эй — зовут лошадей! — Яростно шепчу в ответ, не забыв наградить Соколовского самым злым взглядом из своего арсенала.

— А чего тогда откликаешься? — Ржёт брюнет и его смех подхватывают друзья.

Стараясь мысленно успокоиться, я отворачиваюсь. Делаю глубокий вдох и выдох, призывая себя и дальше слушать лекцию Виктора Сергеевича. Но какой там! Глебу хоть бы хны.

— Скворцова-а, — тянет он, продолжая одному ему известную игру.

А я всё ещё задаюсь вопросом, почему Соколовскому не надоела эта игра за столько лет. С самой старшей школы от него ни отдыху, ни продыху!

— Оглохла что ли? Дело есть вообще-то.

Я не реагирую. Смотрю в тетрадь и пытаюсь что-то конспектировать, но вышмат — не тот предмет, который можно интуитивно дописать и обобщить, поэтому с грустью понимаю, что придётся просить у кого-нибудь лекцию, чтобы переписать. Не говоря уже о том, что материал сегодняшней темы я явно не усвоила.

Теперь дополнительное время выделять...

— Арина, блин! — Громче, чем стоило бы, басит брюнет.

И тут даже Виктор Сергеевич, находящийся в преклонном возрасте и страдающий

плохим слухом, обращает внимание на мажористого недоумка.

— Глеб Соколовский, вы имеете что-то против дифференциалов? Или ваша формула не совпадает с моей? — Шамкает риторические вопросы тем же монотонным голосом Разумов.

Не успеваю я выдохнуть и расслабиться от того, что назойливый Соколовский, наконец, соизволит отстать от меня хотя бы до конца лекции, как парень басит в ответ:

— Нет-нет, Виктор Сергеевич, что вы, — сарказмит Глеб, явно считая себя умнее старенького профессора, — я всего лишь хотел попросить Арину дать переписать формулу, которую я не разглядел.

Вот дубина...

Сказать, что я в бешенстве — ничего не сказать. Это же теперь...

Я не успеваю додумать мысль, потому что она материализуется на моих глазах. А моим палачом выступает ни кто иной, как профессор Разумов.

— Что ж, тогда, думаю, госпожа Скворцова окажет любезность и даст не только переписать свою лекцию, но и в паре с вами отправится на отработку. Буду ждать общий доклад от вас двоих в следующую пятницу после пяти вечера.

Нет! Нет-нет-нет! Только не это!

— Виктор Сергеевич! — Пытаюсь возмутиться я, но профессор прерывает меня одним взмахом руки.

— Ничего не хочу слышать. Свои личные разборки нужно оставлять вне стен нашего альма-матер. — Мужчина хлопает в ладоши и объявляет: — Лекция окончена. Все свободны.

На меня обрушивается весь ужас происходящего. Я уже не просто в бешенстве. Мне хочется голыми руками придушить Соколовского. И, кажется, я знаю, где именно смогу выпустить пар!

Я хватаю сумку и, крепко сжав в руке лямку, закидываю в неё все свои принадлежности. Нужно успеть убраться из аудитории до того, как Соколовский спустится...

— Арина, — раздаётся внезапно очень близко. — Стой! — Глеб пытается перекричать общий гомон голосов, но куда там.

Я припускаю вперёд, стараясь обогнать тех, кто уже спускается по кафедре. И если у меня это получается очень хорошо благодаря гибкости и миниатюрному телосложению, то Глебу приходится тяжеловато с его комплекцией качка переростка.

— Арина! — Рычит мой личный преследователь. — А-а, — тянет, — чёрт с тобой! Всё равно следующей парой физра! Далеко не убежишь.

И он прав. Как же он чертовски прав! Мне безумно хотелось бы сбежать от него. Как в школьные времена. Но... Я уже не та девочка-трусиска. Больше я не позволю Соколовскому издеваться над собой и преследовать меня. Больше не стану терпеть его выходки!

Минувшее лето изменило всё. Я уже ощутила этот вкус. Вкус свободы. Успела узнать, каково это — жить, не ощущая тягостное присутствие того, кто у тебя в печёнках сидит. И если последний год я уже просто терпела, зная, что наши с Соколовским пути разойдутся, как в море корабли, то теперь... Теперь, зная что нам видеться, как минимум, пять лет подряд, пора поставить зазнавшегося мажора на место.

Даже если это будет тяжело.

А зная Соколовского — будет. Этот упёртый, как баран. Если что-то себе втемяшил в голову — не выбить, пока самому не надоест.

А значит, сделаю так, чтобы надоело. Сделаю всё, лишь бы Глеб, наконец, отстал от меня и оставил в покое.

Женская раздевалка встречает меня полной тишиной. Ещё никто не пришёл. Я первая.

Выдохнув, сажусь на ближайшую лавочку и кидаю сумку рядом с собой. Перевожу дух. Даю себе передышку перед рывком. Ибо знаю — на физкультуре будет хуже. Парень явно так просто не отстанет. Глебу что-то нужно, а это значит, что весь мир должен прыгать перед ним на задних лапках. И я в том числе. Так он считает.

Ладно, буду действовать по обстоятельствам.

Замотав волосы в дульку, иду в соседнюю комнату. Душ — как глоток свежего воздуха. Я даже специально выкручиваю смеситель так, чтобы вода была как можно прохладнее. Мне это сейчас очень нужно — остыть. На «холодную» голову лучше думается.

Закончив, кутаюсь в полотенце. Иду обратно, открываю шкафчик и достаю из сумки спортивную форму. На то, чтобы переодеться, у меня уходит от силы минут пять. Как только я заканчиваю, в раздевалку входят еще несколько девушек. Я их не знаю, потому что учебная неделя только началась.

«Первый день занятий, а у тебя уже горит причинное место, Арина», — проносится в голове, пока я собираю волосы у зеркала в высокий хвост.

Из отражения на меня смотрит пепельная блондинка. Я очень долго добивалась холодного белого оттенка, и теперь просто в восторге от собственного образа. В школе я ходила с длинной косой русых волос. За лето решила кардинально сменить образ на тот, что так давно хотелось.

И вот она я. Белые волосы до плеч. Яркие, серо-голубые глаза. Чуть курносый носик и пухлые губы, слегка подкрашенные розовым блеском. И чёрно-белый стиль одежды. На шее — неизменный кулон с жемчужинкой в виде капли.

Губы невольно посещает мимолётная мечтательная улыбка.

Я нашла эту цепочку у себя в шкафчике ещё в школе, когда училась в десятом классе. Отправитель пожелал остаться анонимным. Но ту записку я до сих пор храню у себя в шкапулке. Там было всего несколько строк, но они почему-то сильно запали мне в душу: «Твои глаза такие же прекрасные, как этот камень. Я бы вечно любовался тобой, словно драгоценностью и не расставался бы ни на миг. Надеюсь, и ты будешь беречь его, словно драгоценность...»

Подписи не было. И я долго гадала, кто же это мог быть. Витька из параллельного класса, что пытался ухаживать за мной? Или Никита, с которым мы виделись пару раз на олимпиадах? Но всё было без толку. После этого тайный поклонник больше не проявлялся. И, хотя я и не теряла бдительности, ответа не было, потому что вычислить дарителя оказалось попросту невозможно.

С тех пор я и ношу кулон. Но больше уже как по привычке, чем по сентиментальным причинам.

Однажды, грешным делом я даже подумала, что кулон мог подкинуть мне Глеб. Но случившееся после этого событие окончательно выветрило из моей головы такие бредни, как Соколовский и способность чувствовать любовь к кому-то другому, а не к своему отражению в зеркале. Поэтому, если это и был Соколовский, то он явно сделал это по приколу.

А может вообще кулон попал ко мне по ошибке. К тому времени уже было неважно.

Ну и пусть, — решила я тогда. Жемчужина не виновата в том, что кто-то хотел подшутить или ошибся шкафчиком.

— Эй, долго собираешься тут стоять? — Прерывает мои мысли тонкий голосок.

Я, не оборачиваясь, продолжаю смотреть в зеркало. Позади меня стоит яркая брюнетка.

Её внешность достойна обложек модных журналов. Один только макияж чего стоит. Явно не простая студентка.

Пожав плечами и решив, что лишние проблемы мне ни к чему, молча отхожу в сторону. Стервозная брюнетка ещё раз смеряет меня неприязненным взглядом, но больше ничего не говорит. Только поджимает губы. Я же прячу сумку в шкафчик и, крепко зашнуровав кроссовки, выхожу в коридор, ведущий в спортзал.

Какие-то стервы мне нипочём. Спасибо Соколовскому и его «школе буллинга».

Да уж. Ну и мысли. Не думала, что хоть за что-то буду ему благодарна! Но, оказывается, что даже из негативного опыта можно выудить для себя что-то положительное.

В спортзале пахнет целой смесью запахов: спортивным инвентарём, резиной и потом. Помещение условно поделено на две части — женскую и мужскую. На первой находится площадка для волейбола, а на второй — для баскетбола.

Несколько парней, одетые в одинаковую форму красного цвета и различающуюся только номерами, уже разминаются на своей площадке. Тяжелый баскетбольный мяч то и дело стучит об пол, создавая громкий методичный звук, эхом отдающийся от стен и высокого потолка.

Я прохожу вперёд и мысленно радуюсь, что Соколовского не видно среди них. Пара начнётся через десять минут, а значит, можно позалипать в телефон и ни о чём не думать. Что я и делаю, обходя волейбольную площадку и усаживаясь на одну из лавочек, которые стоят вдоль стены.

Достаю из кармана спортивной кофты наушники. Втыкаю их в уши и включаю любимую музыку. Прикрываю глаза, опираюсь спиной об стену и расслабляюсь. Ненавязчивая мелодия жанра Wave уносит за собой, я абстрагируюсь от внешнего мира.

Вот только ненадолго...

— ...рина, — слышу, понимая, что у меня из уха нагло и бесцеремонно вырвали наушник. — Вообще-то сюда нельзя с телефоном. Их оставляют в раздевалке.

Я лениво приоткрываю глаза и кошусь на Соколовского. Вздыхаю.

— А ты у нас староста потока? Или дежурный по занудству? — Язвлю, всем видом пытаюсь показать, что мне плевать на него и на то, что он никак не желает оставить меня в покое.

Хотя внутри меня бьёт мелкой дрожью. Но, скорей уж по привычке, — нервное, — чем из-за страха перед этим обалдуюем.

— Могла просто сказать спасибо, — корчит слащавую улыбку мажор.

— Спасибо, — пожимаю плечами и собираюсь воткнуть наушник обратно, тем самым окончив нашу нежелательную беседу, но Глеб хватает меня за предплечье, мешая это сделать.

По телу проносится ток от того места, где пальцы парня касаются моей кожи. Я возмущенно смотрю на Соколовского, но слова так и застревают на полпути, где-то в районе горла. А всё потому, что впервые за длительный промежуток времени я оказываюсь с Глебом лицом к лицу.

Я уже говорила, что, несмотря на ужасный характер, внешностью парень не обделён?

Высокий рост, почти под два метра. Спортивное телосложение. Короткая стрижка густой тёмной шевелюры с зачёсанной вверх чёлкой. Глубокий взгляд янтарных глаз, на дне которых всегда прыгают бесята. Толстая линия чётко очерченных бровей. Прямой нос с едва заметной горбинкой — результат драк, в которых Глеб почти всегда принимал участие.

Квадратная челюсть и губы...

Я сглатываю, потому что чуть не допустила мысль, будто губы Соколовского могут быть красивыми.

Сердце отчего-то начинает стучать быстро-быстро. Я опускаю взгляд ниже, разрывая наш зрительный контакт. Замечаю, что за лето брюнет отрастил себе модную атрибутику всех парней: бороду и усы. Не слишком заметные, но делающие его старше.

Ухмыляюсь, собираясь сказать наглому мажору что-нибудь гадкое. Но ухмылка тут же меркнет, потому что Соколовский не ограничивается лапанием моей руки, а идёт дальше. Касается прядей моих теперь уже коротких волос и пропускает их между пальцами.

Окончательно офигев от его бесцеремонности, не сразу соображаю, что нужно откинуть его руку от себя. И это становится моей ошибкой. Глеб принимает это за негласное бессилие и невозможность устоять перед ним.

— Зачем отрезала волосы? — Он понижает голос и улыбается уголком рта. Взгляд при этом такой, словно парень ушёл в себя.

Такой... Что я не узнаю его. Я раньше не видела у Глеба подобных эмоций, поэтому мне трудно определить, что же прячется за этим выражением глаз.

Это потрясает меня. Настолько, что шок от увиденного, приводит меня в чувство.

— Тебя забыла спросить! — Шиплю, отмирая. Отбрасываю его руку от себя, будто скользкую змею, и отшатываюсь в сторону. — Захотела и отрезала.

Глеб тоже меняется в лице. А выражение его глаз становится привычным — наглоснисходительным. И я даже незаметно для себя выдыхаю от облегчения, понимая, что этот Соколовский мне привычен и знаком. С таким Соколовским я знаю, как себя вести.

А тот... Тот пугает до ужаса. До дрожи в коленках. До сухости во рту.

Надеюсь, что мне просто показалось...

Я поднимаюсь с лавочки, намереваясь пересечь от наглеца как можно дальше. Но парень окидывает меня неспешным похабным взглядом с ног до головы, возвращается обратно к моей груди и выдаёт на весь спортзал:

— Зачётные сиськи. До сих пор гадаю, какой размер. Третий? Четвёртый? — Брюнет наигранно причмокивает губами и показательно облизывает нижнюю губу. — Я бы тебя обкатал.

По залу проносится гогот. И я только сейчас замечаю, что у нашей небольшой сценки появились свидетели.

Молчи, Арина. Молчи. Прикуси язык! Не дай себе стать ещё большим посмешищем.

Но уговоры не помогают. Становится обидно до слёз. Я будто вернулась обратно в старшую школу. Будто ничего не изменилось с тех пор. Ни капельки...

Прикусываю губу, дабы не разреветься прилюдно, и крепко зажмуриваюсь. Мысленно считаю до пяти.

Один.

Два.

Три...

Но досчитать не успеваю. Глеб вмешивается со своим уставом даже в мои мысли.

— Застегнись. — Раздаётся тихий бас над ухом. И в следующую секунду мою спортивную кофту бесцеремонно хватают за «собачку» и застёгивают чуть ли не до самой шеи. — Дыши, — приказным тоном продолжает вещать этот... этот козёл! — Слишком поэтично — помирать в восемнадцать.

Именно в этот момент решает появиться физрук. Он оглашает спортзал спасительным свистом, а затем командует присутствующим студентам построиться, буквально отгораживая меня от пристального внимания сокурсников, которые стали свидетелями неприглядной сцены.

И временно от Соколовского, бросившего на меня предупреждающий взгляд янтарных глаз, не обещающий ничего хорошего, прежде чем лёгкой трусцой удалиться обратно на свою сторону спортзала.

Неделя выдалась тяжёлой.

Адаптация к новому коллективу и учебному распорядку дня вкупе с постоянными придирками и издёвками Соколовского вымотали не на шутку. И это только начало семестра. Страшно представить, что будет дальше...

Пары закончились час назад. Я сижу в библиотеке университета и лениво листаю книгу по вышмату. Завтра пятница. Разумов ждёт свой доклад. Я почти закончила его, осталось доработать детали.

Естественно, Глеб мне не помогал. Не царское это дело. Но я даже была рада такому исходу. Конечно, делать всё в одиночку было сложно, учитывая, что вышмат для меня подобен иностранному языку, но работать с Соколовским в паре — страшно и непродуктивно. Лучше уж сама.

Скину ему готовый доклад файлом в одну из социальных сетей, и пусть сам решает, будет готовиться или нет. Это его дело. Так или иначе, я ни в коем случае не стану искать с ним личной встречи. Перебьётся.

Или он на это и надеется? Считает, что я струшу перед Виктором Сергеевичем и побегу искать его ненаглядное величество? Что буду умолять подготовиться вместе?

Ещё чего! Разбежалась! Пусть и думать забудет. Может, в старшей школе я бы именно так и поступила, но не теперь.

Раздражённо фыркая вслух и хлопывая книгу по вышмату. Падающие через окно солнечные лучи освещают то, как от книги вверх взметнулись частички пыли. В воздухе стал сильнее чувствоваться ветхий запах. Учебник явно не новый и явно не первой свежести, зато верно послужил таким же прилежным студентам, как я.

Ладно, пора собираться домой. Вечереет, а мне еще целый час пилить на общественном транспорте.

Быстро чиркнув последние наброски в черновик, убираю тетрадь в сумку. Застёгиваю её и перекидываю лямку через плечо, чтобы было удобнее нести. Мимолётным взглядом прохожусь по ещё нескольким студентам, которые, как и я вынуждены были искать дополнительную информацию для отработок после пар. Их всего трое: две девушки и парень. Не так много. Из-за этого испытываю небольшое чувство несправедливости.

Почему именно мне в самом начале семестра уже приходится отрабатывать? Я вообще-то ничего не сделала!

Но поди докажи это Разумову, которому всё до фени. Делай доклад и точка. Кто прав, а кто виноват — разбирайтесь сами. Тотальная несправедливость!

Я не успеваю выйти из библиотеки. Я даже не успеваю дойти до стойки, за которой стоит библиотекарь — строгая, седая женщина с очками на крючковатом носу. Внутри меня всё леденеет, когда я вижу Соколовского на своём пути. Он стоит прямо в проходе между высоких полок и что-то ищет.

В проходе, который является единственным выходом из библиотеки.

Глеб нетипично хмур и задумчив, о чём свидетельствует глубокая морщинка между бровями. Его пальцы перебирают корешки книг на полке один за другим, и, кажется, что он действительно увлечён этим занятием. И, если бы не знакомое сосущее ощущение под ложечкой, я бы даже поверила в эту красивую, но дешёвую игру одного актёра.

Парень ещё не видит меня. Или же просто делает вид — пока не ясно. Но я решаю не испытывать судьбу и стараюсь слиться с книжными рядами. Мой план прост — быстро обойти его со спины, надеясь, что Глеб в кой-то веки взялся за мозги и пришёл сюда учиться.

На цыпочках, крепко сжимая от волнения лямку правой рукой, я двигаюсь вперёд. Мой взгляд пристально следит за Соколовским, улавливая малейшие изменения в его положении. И, когда парень собирается повернуться в мою сторону, я со скоростью звука шмыгаю вперед, намереваясь ускользнуть незамеченной.

Но не тут-то было.

Одним отточенным, резким движением Глеб выставляет назад свою длинную лапищу с зажатой книгой в ней, преграждая мне путь.

— Куда собралась, дорогуша? — Раздаётся глухой шёпот, и парень на пятках разворачивается ко мне и подходит чуть ближе, пряча от всевидящего взора библиотекаря.

И чуть ли не вжимая меня в книжный шкаф спиной.

— Домой, — решаю не вступать с ним в полемику, ибо бесполезно. Я всё равно ничего не докажу, а в библиотеку путь будет заказан — наказание от седой надсмотрщицы за нарушение правил.

— А ты ничего не забыла? — Таким же непринуждённым шёпотом басит брюнет.

Я скрещиваю руки на груди. Поднимаю глаза, перестав делать вид, что разговариваю с его распахнутой на две верхние пуговицы рубашкой. И испепеляю Глеба взглядом.

— Напомнишь? — Нагло отвечаю вопросом на вопрос.

Раньше я бы ни за что бы так не сделала. Опустила бы взгляд и молчала до тех пор, пока Соколовскому не надоест. Поэтому брови парня тут же взлетают вверх из-за того, что их хозяин явно прифигел от моей наглости.

— С памятью проблемы, седовласая? Завтра Разумову доклад нести.

— Ну, так неси. Это не мои проблемы, где ты его достанешь.

Я говорю, а сама ужасаюсь тому, что несу. Мой план отослать вечером готовый доклад Глебу в мессенджер на глазах рассыпается в щепки и летит в тартары. А виной тому тьма, что начинает сгущаться в янтарной радужке. И я уже не так уверена в том, что творю, но отчаянно решаю идти до конца.

— Напрашиваешься? — Парень угрожающе понижает голос, выставляет руку над моей головой, нависая ещё сильнее. — У тебя за лето совсем мозги отсохли? Забыла, что бывает, когда ты становишься непослушной?

На мгновение, в моих глазах мелькает страх. И я не успеваю его скрыть, поэтому приходится наблюдать, как на лице мажора расцветает понятливая ухмылка.

— Вижу, что прекрасно помнишь, детка. — Второй рукой Глеб наигранно ласково проводит тыльной стороной ладони по моему лицу. — Мне ничего не стоит повторить всё. Видимо, я стал слишком мягким по отношению к тебе в последнее время.

Внутри всё сжимается от страха. Дыхание спирает в груди, и я не могу сделать полноценный вдох. Ладони потеют, становятся влажными и холодными. Лёгкая дрожь сотрясает тело, когда в голове проносятся картины прошлого.

Он прав. Я помню. Такое невозможно забыть, хотя я много раз пыталась стереть тот день из памяти. Выжечь его вместе со страхом. Вот только всё всегда возвращалось на круги своя. И я продолжала молчать и терпеть.

Первое время я не рассказывала учителям и родителям о том, что Глеб меня достаёт. Но

он никогда и не переходил черту, чтобы ему можно было за что-то предъявить всерьёз. Все в школе знали о том, что Арина Скворцова и Глеб Соколовский терпеть друг друга не могут. Кто-то поддерживал Глеба, а кто-то — меня.

Но однажды мне надоело терпеть всё это. Я попросту устала. На носу были выпускные экзамены, и я решила рассказать обо всём родителям, чтобы они поговорили с родителями Глеба и те как-то приструнили своего сына.

Вот только всё пошло не по плану... И я до сих пор жалею, что вообще открыла рот и пожаловалась родителям.

С тех пор в наши разборки с Соколовским я никого не вмешиваю.

— Ну, так что? — Глеб верно расценивает моё молчание. А посему продолжает самодовольно ухмыляться.

Мне хочется стереть эту противную ухмылку с его лица, но я лишь бессильно шиплю:

— Пошёл ты к чёрту, Соколовский! Делай, что хочешь! Ненавижу тебя!

Пусть запугивает. Я не отступлюсь от изначального плана.

Воспользовавшись его временным замешательством, ныряю ему под руку, и чуть ли не бегом покидаю библиотеку. Пожилая работница ворчит мне вслед, но я не обращаю внимания. Заветная дверь так близко.

Уже схватившись за ручку, я не удерживаюсь, оборачиваюсь, чтобы посмотреть, бежит ли Соколовский следом. И удивляюсь, когда понимаю — он до сих пор стоит там, у книжного шкафа, даже не сдвинувшись с места.

Переклинило что ли? Отлично! Так ему и надо. Успею добежать до автобусной остановки!

Вопреки ожиданиям, никто за мной не гнался по пустынным коридорам университета. Никто не поджидал меня во дворике. А на автобусной остановке не было ни одного знакомого мне лица.

Я облегчённо выдыхаю, прижимая к груди сумку. Но окончательно успокаиваюсь лишь тогда, когда сажусь в автобус. Сейчас общественный транспорт кажется мне самой надёжной защитой — вокруг много людей и, как минимум, Глеба нет в этом автобусе. И огромный жирный плюс, — Соколовский не знает мой новый адрес.

Нервозность после пережитого остаётся. Я смотрю в окно и невольно боюсь увидеть, как мой личный кошмар преследует меня на машине. Воображение рисует картины возможного развития событий — одно страшнее другого. Ехать до съёмной квартиры чуть больше получаса. Поэтому я втыкаю наушники в уши и абстрагируюсь от всего. Закрываю глаза, лишь бы ни о чём не думать.

Спустя время, сквозь негромкую расслабляющую мелодию, звучащую в наушниках, слышу, как монотонный роботизированный голос объявляет мою остановку. Поднимаюсь с места и едва успеваю протиснуться сквозь толпу в проходе, чтобы в последний момент выскочить из автобуса.

На улице повечерело окончательно. Солнце село за горизонт и всё вокруг окрасилось в мрачные, унылые тона. А тот район, в котором я живу, вообще отличается постоянными проблемами с уличным освещением. Фонари горят через раз. Некоторые мигают, создавая ещё более гнетущую атмосферу.

За всё время это первый раз, когда я возвращаюсь домой после захода солнца. Мне страшно. По спине от волнения стекает капля пота. Я крепче вцепляюсь в свою сумку, словно она может защитить меня в случае чего. Но ничего иного мне и не остаётся.

Собравшись с духом, быстрым шагом иду по аллее. Мне навстречу идут редкие прохожие. Я опускаю глаза в пол, стараясь привлекать как можно меньше внимания. Смотря себе под ноги, молюсь, чтобы эти десять минут до дома не стоили мне очень дорого.

Соколовский! Всё как обычно из-за него! Все проблемы в моей жизни из-за него! Если бы он не задержал меня в библиотеке, я бы еще засветло успела добраться до дома.

Костеря Глеба на чём свет стоит, я, наконец, сворачиваю и захожу во дворик своей многоэтажки. Тут ещё темнее, чем там, где я шла раньше. Тени сгущаются в углах домов, построенных буквой «П». А нужный мне подъезд как раз в самом дальнем конце.

Я поднимаю голову и вглядываюсь в темноту детской площадки, расположенной посреди дворика. И, к своему ужасу, обнаруживаю там четыре тени, явно мужского пола, потому что даже сквозь наушники доносится их басистый смех. Я плохо вижу, что они делают, да и мне это не интересно. Главное, чтобы они и дальше продолжили этим заниматься, а я благополучно добралась до своей квартиры.

Оставлять группу парней за спиной страшно, но у меня нет выбора. Я ускоряюсь, видя свет от подъездной лампы впереди. Она освещает небольшую светлую дорожку передо мной. И я иду на неё, как на спасительный свет в конце тоннеля.

И, когда до заветной цели остаётся чуть больше двухсот метров, кто-то грубо хватает меня за шиворот, словно котёнка. Дёргает назад с такой силой, что я чуть не заваливаюсь на спину, едва успеваю выровняться и придать телу вертикальное положение.

— Оглохла что ли, шваль?! — Меня обдаёт парами алкоголя и запахом нечищенных зубов.

Наушники, которые выдрала эта особь мужского пола, падают в лужу, которая не высохла после вчерашнего дождя. На краю сознания проносится сухая констатация факта — купить новые я смогу только в следующем месяце. И то не факт.

— Ты чё такая охреневшая, а? — Мужик или парень, в темноте не понять, продолжает удерживать меня за воротник джинсовой куртки.

Я отстранённо замечаю, что остальные потихоньку подтягиваются к своему главарю. Они пьют дешёвый алкоголь прямо с горла бутылки и гнусно смеются, поглядывая на меня. А я, видимо, в таком шоке, что даже испугаться не успеваю. Просто наблюдаю за происходящим, словно это происходит не со мной.

— Ты чё не отвечаешь, мразь? — Встряхивает меня, будто котёнка, громила.

Я не знаю, что ответить, лишь испуганно смотрю на него. Тело впало в какой-то ступор, и я не могу даже заставить себя пошевелиться.

— Гордая, видать, — бросает второй из их компании, подходя ближе. — Научить надо, чтобы всех уважала и отвечала, когда задают вопросы.

Его смех подхватывают остальные. А я никак не могу понять, что в этом всё смешного. Но самое главное — что мне делать? Как выбраться?

Может, позвать на помощь?

Я раскрываю рот, чтобы закричать, но не успеваю. Громила, что держит меня, второй рукой затыкает мне рот.

— Помогите, Серый. Кажись, до неё дошло, наконец, что мы тут шутки с ней шутить не собираемся. Да, блондиночка? — Он оскаливается неровным рядом кривых зубов.

Так называемый «Серый» подходит ко мне и обхватывает со спины, неприлично прижимаясь. Удерживая меня на месте в цепком кольце рук.

— Специально так покрасилась, сто пудов! — Лыбится третий из-за спины громилы. —

Внимания не хватает, вот и привлекает его своей белобрысой башкой.

— Ну, раз не хватает, давайте окажем этой невоспитанной твари любезность. — Довольно продолжает скалиться главарь.

Мой мозг отказывается работать. Я понимаю, что нужно что-то срочно сделать. Хотя бы попытаться вырваться и сбежать, бросив все вещи на пол. Но тело всё ещё в ступоре. А в голове пустота. Лишь сердце бешено колотится, разгоняя адреналин по сосудам, который сейчас работает против меня, делая тело ватным.

— Отпустите эту дуру. — Вдруг раздаётся в отдалении. — Ещё заразитесь чем-то вроде бешенства или беспросветного идиотизма.

Я не вижу говорившего. Но этот голос... Тот самый, который я узнаю в любом состоянии.

Никогда в жизни я ещё не была так рада появлению Глеба Соколовского, несмотря на слова. Никогда! Но сейчас, его появление придало мне сил и надежду. Надежду на то, что я выберусь из этой передрыги благополучно.

Компания гопников разворачивается и иронично смотрит на Соколовского. Кажется, его вид совсем не впечатлил их. Что не удивляет, ведь мажор следит за модой и носит дорогушие, но странные по фасону шмотки.

— Чё, твоя подружка что ли? Ну, так забирай, чё. Мы не держим. — Говорит главный, явно издеваясь. Убирает руку от моего рта и всем корпусом разворачивается к брюнету, которого я до сих пор не вижу.

По дворику снова разносится хриплый смех пьяной компашки. Я оглядываюсь вокруг и с ужасом понимаю, что за всё время во дворике не появилось ни одного человека. Все будто вымерли. Или спрятали головы в песок, решая не связываться...

Если бы Глеб не появился, они бы меня...

Я с ужасом сглатываю, боясь даже подумать, что бы они со мной сделали.

— Она? Подружка? Херню не неси. — Выдаёт презрительно мажор.

— А чего тогда впрягаешься? Хочешь, будешь пятым, мы не против. — Главарь делает паузу, скорей всего, рассматривая Глеба и прикидывая уровень проблем, которые он может им доставить. — Ну, или вали, если проблем не хочешь, мажорчик. — Милостиво делает Соколовскому одолжение.

— Ой, да сделайте с ней что хотите. Может, мозги появятся после этого и она поймёт, что не стоит шляться одной по пустым подворотням. — Зло бросает Глеб.

Я обмираю, хотя до воспалённого сознания не сразу доходит смысл брошенной Соколовским фразы.

Конечно, я знала, что Глеб может быть неприятным человеком. Глумливой скотиной — да. Но не мразью...

Внезапно приходит понимание — если не помогу себе сама, то никто точно не поможет. Максимум помощи от моего личного кошмара — это произвольно отвлечь внимание гопников. Что он и сделал.

Я вынырываю из ступора, будто со дна глубокого озера. С трудом и словно на последнем издыхании.

Это мой единственный шанс.

Резко дёргаюсь, пытаюсь высвободиться из крепкой хватки Серого. И у меня получается. Сама не понимаю, каким чудом, но не медлю. Ныряю ближе к земле, уворачиваясь, когда Серый осознает, что потерял добычу, и пытается ухватить меня снова.

Всё происходит, как в замедленной съемке.

Я вижу, как Серый промахивается, выпрямляюсь и со всех ног, задыхаясь от нехватки воздуха, несусь к подъезду. Не оглядываюсь. Судорожно достаю ключи из кармана и прикладываю чип к домофону. Распахиваю подъездную дверь и влетаю внутрь, плотно закрывая её за собой. И только после этого чувствую себя в относительной безопасности.

Мне плевать, как Глеб будет выкручиваться. После его слов, что-то во мне умерло.

Наверное, небольшая вера в то, что этот человек не такой плохой, каким хочет казаться.

Глава 3

Поднимаюсь на седьмой этаж по лестнице — лифт как обычно не работает. Этажка старая. Но ноги, после пережитого, идут медленно, будто по вязкому болоту. Заплетаются. Я цепляюсь за перила. Оседаю. Адреналин схлынул, а вместе с ним ушли ступор и последние силы, поддерживающие меня в вертикальном положении.

Паника и страх обрушиваются на меня, как бурный водопад на голову — одним мощным потоком. Я сажусь прямо на бетонную ступеньку третьего этажа. Подтягиваю к себе колени, утыкаюсь в них лбом и разражаюсь тихим плачем. Мне хочется исчезнуть из этого гадкого мира хотя бы на пару часов.

Не знаю, сколько я так сижу и плачу. Минуту? Полчаса? Это становится абсолютно неважным, когда сквозь небольшое приоткрытое окно лестничной клетки помимо свежего ветерка до слуха доносятся звуки драки.

Я перестаю плакать. Судорожно всхлипываю и зачем-то поднимаюсь. Как сомнамбула подхожу к окну. Дворик всё также непрогляден из-за отсутствия нормального освещения, но глаза, привыкшие к темноте, различают смутные силуэты. Они двигаются хаотично — не разберёшь, кто дерётся.

Но голоса... Эти голоса теперь присоединятся к главному кошмару моей жизни и будут сниться чуть ли не каждую ночь. Я уверена. Забыть такое я смогу не сразу.

На мгновение мелькает мысль: а что если среди дерущихся пьяных гопников, которые не поделили что-то между собой, Соколовский?

Я содрогаюсь. Какое мне вообще дело до этого?

Хочу отмахнуться. Уйти. Сделать вид, что мне нет дела до того, избьют Глеба за его длинный язык или нет.

Я даже делаю несколько шагов вверх по лестнице. Но с рыком, с ненавистью к собственной совести, останавливаюсь. Достāju смартфон, чудесным образом оказавшийся в правом кармане джинс, и набираю номер полиции. Сообщаю о драке, называю адрес. И облегчённо выдыхаю, когда слышу:

— Вызов принят. Патруль уже в пути.

Я не буду уподобляться Глебу. Он заслужил, не спорю. Но я — не такая, как он. Посидит сутки в обезьяннике, ничего с ним не будет. Может, как он сказал, у самого мозга на место встанут.

Утираю слёзы рукавом джинсовой куртки. В голове пусто. И, наверное, я сошла с ума, но я не могу заставить себя уйти с лестничной площадки. Взор всё также прикован к злополучному дворику, откуда доносился уже злой, ироничный гогот гопоты.

Похоже, Соколовский проигрывал. Если он там вообще был, а не ушёл благополучно восвояси.

Представив Глеба, лежащего на земле, избитого, с кровоподтёками и синяками, чувствую, как внутри назревает протест. Я ненавижу себя за это. Ненавижу, что несмотря ни на что, не могу желать ему зла. Поэтому, надеюсь, что брюнета нет среди дерущихся. И до самого приезда полиции вглядываюсь в темноту, пытаюсь узнать, нет ли там Глеба.

Машина с мигалками появляется неожиданно не только для пьяных гопников, но и для меня. Я вздрагиваю от звука сирен, и выныриваю из вязкого потока собственных мыслей. С усердием вглядываюсь во дворик, освещенный светом фар, и с ужасом понимаю, что

оказалась права.

Глеб лежит на земле, окруженный гопниками, как стаей шакалов. Его одежда грязная и изорванная. И, похоже, его били ногами...

Завидев ментов, гопота матерится и бросается в разные стороны, кто куда, оставляя Соколовского валяться на земле. В итоге, те, кого действительно нужно было наказать, просто скрываются в тёмных подворотнях. Глебу придётся отдуваться за всех.

Эта мысль душит.

Он всё же помог мне. Пусть и своеобразно... Ты не можешь его оставить вот так Арина...

Я не даю себе времени на раздумья. На дрожащих ногах несусь вниз. Открываю тяжёлую подъездную дверь и за пару секунд преодолеваю эти злосчастные двести метров, которые не смогла дойти до подъезда, не отыскав проблем на свою блондинистую голову.

Полицейские только останавливают машину перед Глебом, который поднимается с земли, когда я оказываюсь рядом с ним. Фары ослепляют меня, поэтому я лишь слышу, как открываются и захлопываются двери полицейской машины.

— Твоих рук дело? — Тихо спрашивает Соколовский, намекая на полицию.

Я протягиваю ему руку, чтобы помочь встать, но он её игнорирует, глядя на ту, как на ядовитую змею, которая может ужалить в любой момент. Его губа разбита. Кровь небольшой струйкой стекает по подбородку.

Заметив мой взгляд, он быстро утирает её, но делает только хуже, размазывая красную жидкость по лицу.

Я сглатываю, потому что меня слегка мутит. Но, кроме разбитой губы и грязной одежды, не нахожу на парне иных видимых повреждений. Видимо, по лицу его ударили один раз и, судя по всему, он упал. А после...

Тряхнув головой, отбрасываю всякие мысли о насилии.

— Арина? — Настойчиво шипит Глеб, склоняясь ко мне ближе. — Ты? — Презрительно кивает в сторону ментов.

Я понуро опускаю голову.

— Я хотела, как лучше... — Мямлю неповоротливым языком.

— А получилось, как всегда! — Низко рычит брюнет и, приобняв меня за талию, притягивает к себе.

Я не успеваю удивиться такому повороту событий, потому что Глеб разворачивает нас к служителям закона и ослепительно скалится во все тридцать два.

— Здравия желаю, — первым здоровается с мужчинами в форме.

— Здравствуйте, здравствуйте. — Один из них оглядывает нас суровым, строгим взглядом, от которого я вся внутренне подбираюсь. И напрягаюсь.

Он мне совсем не нравится. Но ведь эти люди приехали сюда, чтобы нам помочь?

На вид полицейским около тридцати. Совсем молодые. Но их взгляд не сулит ничего хорошего. С каждой минутой мне всё сильнее становится не по себе, и я невольно прижимаюсь к боку Соколовского поближе.

Как там говорят? Свой тюремщик ближе к телу?

Я едва успеваю подавить нервный, ироничный смешок от собственных мыслей.

— Кто из вас звонил в полицию? — Задаёт вопрос тот, что постарше. Обращается он в основном к Глебу.

А вот второй скользит по мне таким же взглядом, каким недавно смотрел на меня

главарь тех гопников. Нехорошим. Масляным.

— Я звонил. — Уверенно отвечает брюнет. — Перед тем, как ввязаться в вынужденную драку.

Я удивлённо кошусь на него, наверняка, выдавая нас с головой, но ничего не могу с собой поделать.

Глеб... покрывает меня? Что происходит с этим миром?

— То есть, вы добровольно признаёте, что были участником. — Не спрашивает, утверждает тот полицейский, что старше.

— Ой, да давай просто закроем их, пусть посидят в изоляторе. Вызов был? Был. Другие участники драки сбежали, не искать же. А отчёт писать надо... — Ухмыляется второй, всё не сводя с меня взгляда.

— Но как? — Вырывается у меня. Я совсем не понимаю, что происходит, почему нас хотят упечь за решётку? — За что? Мы ведь жертвы нападавших!

— Их это не волнует, Жемчужинка, — быстро шепчет мне на ухо Глеб. — Они поймали нас. Так что помолчи, пожалуйста.

Это неуместно, но... Моё сердце внезапно обмирает от того, как брюнет назвал меня.

Я поднимаю глаза на Соколовского и смотрю на него так, будто вижу впервые. Будто передо мной вовсе не мажор, что издевался надо мной столько лет, а кто-то другой. С этим Глебом не страшно. Не омерзительно от его теплых, согревающих объятий. От его руки, лежащей на моей талии под курткой.

— Будете шептаться, статью за хулиганство припишем. — Бросает один из них. — Сами в машину сядете или придётся волоком тащить?

— Ну, что вы так сразу, — заискивающим тоном говорит брюнет. Но я чувствую, что он нервничает. Его пальцы, покоящиеся на моём животе, сильно впиваются в кожу. — Может, договоримся? Кому нужны эти проблемы? Скажете, что во дворе никого не нашли.

С этими словами, свободной рукой Глеб достаёт из внутреннего кармана кожаной куртки, наверняка дорожущего лэйбла, портмонэ и выуживает из него золотую карточку. Глаза ментов загораются алчным светом.

Но тот, что старше, видимо, научен лучше.

— Подкупить нас хочешь? — Сводит брови на переносице и скрещивает руки на груди, расставив ноги на ширине плеч.

— Отблагодарить, — поправляет его Глеб. — Хорошие люди приехали на вызов. Помогли нам спугнуть чертей. За помощь полагается благодарить.

Оба полицейский заметно расслабляются и довольно ухмыляются.

— Двадцатка каждому. За каждого. — Выразительно и с намёком понижает голос полицейский.

Соколовский пожимает плечами.

— Как скажете, господа.

Далее, не отпуская меня от себя, брюнет переводит деньги на счёт этим двоим, и они, наконец, уезжают. Но перед этим они на прощание иронично салютуют нам. Явно глумясь и издеваясь над моей тупостью.

А я ведь действительно не знала, что наши служители закона... такие!

Стоит машине скрыться за поворотом, Соколовский шарахается от меня и очень протяжно вздыхает. Глубоко. С чувством. Будто его сильно достало всё, что связано со мной.

— Прости, — вырывается, прежде чем я успеваю подумать.

— И почему ты такая идиотка? — Он трёт переносицу указательным и большим пальцами. — Почему от тебя столько проблем?

Вопросы явно риторического характера, поэтому я угрюмо молчу. Внутри все чувства смешались, и я больше не могу однозначно относиться к Соколовскому. По крайней мере, точно не сегодня.

Возможно, завтра я буду ненавидеть Глеба ещё больше. Но... не сегодня. Я слишком устала от всего. Слишком.

— Ну, что, седая девочка-проблема, веди меня к себе домой.

Что?

Я зависаю от того, что меня даже не соизволили спросить. Прозвучало, как приказ.

— А не слишком ли ты обнаглел, Соколовский? — Ошарашено произношу я. А у самой сердце трепыхается в груди, как крылья колибри, стоит представить мажора в своей захолустной совдеповской квартирке.

И стыдно, и... А что «и»?

Я вновь зависаю, не находя ответа.

— Вот и вся твоя благодарность. Что и следовало от тебя ожидать, — презрительно фыркает парень.

— Это неправда! Я благодарна тебе! — Протестую, сжав руки в кулаки.

— Тогда давай уже зайдём хотя бы в подъезд! Ты думаешь, эти черти далеко ушли? — Пугающе низко говорит брюнет, и я содрогаюсь от одной только мысли, что те гопники могут вернуться.

Он прав...

— Пошли, — бурчу я, неосознанно хватая Глеба за руку.

Так проще идти в темноте. И дело вовсе не в том, что мне на самом деле страшно до мороза по коже.

Если Глеб и был изначально против моего самовольства, по итогу он ничего не говорит, покорно следуя за мной. Лишь губы поджаты и взгляд янтарных глаз, направленных на меня, сверкает из-под густых чёрных ресниц.

Мы молча заходим в подъезд и так же молча поднимаемся на седьмой этаж. И лишь оказавшись у дверей собственной квартиры, я облегченно выдыхаю, понимая, что дышала через раз, пока мы шли.

Выпустив руку брюнета из своего захвата, достаю ключи дрожащими руками. Не с первого раза попадаю в замочную скважину, но, в конце концов, дверь поддается.

Соколовский, глядя на всё это, лишь пренебрежительно фыркает себе под нос. Даже язвительные комментарии оставляет при себе.

Да уж, сегодня с ним явно что-то не так.

— Проходи. — Киваю на вход.

— Ты меня, как кота, первым запускаешь что ли?

Я удивлённо кошусь на Глеба, не понимая его настроение от слова «совсем».

Это он сейчас что, пошутил? Без сарказма? Без издёвки? Без злобы? Просто пошутил?

Треш...

— Как пушечное мясо, — мрачно выдаю я и впихиваю его в прихожую, быстро закрывая за нами дверь.

Если вечно бдящая бабуля по имени Афанасия Никифоровна заметит, что я посреди ночи привела к себе парня, мне не сдобровать. Сначала она позвонит арендодательнице,

жалуясь на меня, на чём свет стоит. Та в свою очередь — родителям. Круг замкнётся. И в итоге мне достанется — будь здоров. Потому что поверят точно не мне.

— Чего пихаешься? — Возмущается Глеб, проходя вперёд на пару шагов дальше, чем нужно, и пачкая своими мажористыми кедами мне коридор.

— Куда по чистому! — Хватаю его обратно за порванную и некогда белую кофту и тяну на себя.

Получается, как в плохом кино.

Глеб не удерживается на ногах от неожиданности, заваливается на меня. Я с ужасом смотрю на тушу, которая вот-вот меня раздавит, так же, как кролик на удава — даже не пытаюсь избежать столкновения. Всё равно уворачиваться некуда.

Но Соколовский каким-то чудесным образом в самый последний момент успевает поймать равновесие. И помогает ему в этом входная дверь, в которую он упёрся руками по обе стороны от моей головы. Непострадавшей, слава всем богам.

Мы так и застываем друг напротив друга. Лицом к лицу. Я сглатываю, а Глеб тяжело и рвано дышит.

Не найдя ничего лучше, пишу тоненьким голосом:

— Тебе плохо?

Янтарные глаза прожигают меня, от чего в районе груди и живота становится жарко. Очень. Мне хочется отодвинуться, но я понимаю, что если шелохнусь, наша шаткая «конструкция» упадёт.

— Видать сильно об голову приложили, — хрипит парень, — раз я о таком думаю.

— О... чём?

Но вместо ответа брюнет пожирает взглядом мои губы. И мне становится предельно ясно о чём.

Я сначала бледнею. Потом краснею. Меня кидает то в жар, то в холод. Я, как и Соколовский, начинаю тяжело дышать, потому что воздуха в коридоре перестаёт хватать.

Нужно срочно открыть окно! Душно... Как же душно!

— Ты не мог бы... — Я упираюсь ладонями в плечи Глеба, ощущая себя максимально неловко. И странно.

Я не могу разобрать то, что чувствую прямо сейчас.

Соколовский делает очень глубокий, тяжелый вдох и прикрывает глаза, с силой сжимая веки.

— Это что? Малина? — Спрашивает неожиданно.

— Малина? — Переспрашиваю. А потом до меня доходит. — Ты про шампунь? — Хлопаю глазами, мечтая, чтобы парень поскорее отодвинулся. Но он, как специально, не торопится.

Наверняка назло.

— Шампунь. Господи, — хрипло смеётся брюнет и, наконец, отодвигаясь, выравнивается. Закрывает лицо рукой и продолжает беззвучно сотрясаться от смеха.

— Что? — Не выдерживаю я. — Что происходит, Глеб?

— Глеб? Ты назвала меня по имени? — Его брови взлетают вверх. Похоже, парень в тотальном шоке.

Впрочем, как и я.

Я игнорирую его вопрос, смущаясь ещё больше. Хотя казалось бы — куда ещё больше?

— Причём тут мой шампунь? — С нажимом повторяю я.

Соколовский стоит на расстоянии двух шагов от меня, и разом постепенно возвращается на круги своя. Что радует.

— Притом, что это — дешёвка. — Припечатывает он и скидывает кеды. — Жесть, Скворцова. Я, конечно, знал, что ты не покупаешься в дорогих бутиках, но не настолько же!

— Ты сейчас вылетишь из квартиры, я тебе это обещаю! — Злясь на себя за то, что мне становится стыдно от его слов, уже жалею, что не оставила мажора на улице.

И что я творю? Боже... А главное, зачем?!

Ответов нет, поэтому я просто яростно смотрю на парня. Включаю свет в прихожей, чтобы он оценил. Но вместо этого упираюсь взглядом в большую ссадину с кровоподтёком на скуле и болячку на губе, которая вновь стала кровоточить после того, как этот шкаф поржал надо мной.

— Ванная там, — указываю на дверь справа по коридору.

— Благодарю, — язвит Глеб и скрывается за ней.

Только после этого я вздыхаю с облегчением, приваливаясь к стене. Но легче не становится, потому что в голове всплывает острый вопрос:

«И что мне теперь делать с главным врагом моей жизни, который, судя по всему, собирается остаться у меня ночевать?!»

— Сильно больно?

Любопытство — не порок. А уж тем более, если оно подкреплено врождённой жалостливостью...

Соколовский отрывает взгляд от зеркала в ванной и неодобрительно косится на меня, стоящую в дверях. Я неловко мнусь под его взором, но не уйду. Хотя придерживаю дверь, чтобы закрыть и уйти, если встречу привычные ненависть и злость, исходящие от Глеба.

Вот только, кроме неодобрения, я не нахожу в янтарных глазах ничего другого.

— Я разрешал тебе входить? — Цедит парень, однако, его голос не источает яд, как обычно это бывает.

Он уставший.

Я игнорирую вопрос, и, набравшись смелости, вхожу внутрь своей же ванной. Присутствие Глеба на фоне обшарпанной краски и старого кафеля на стенах смотрится до дикости чуждо.

— Давай, помогу. — Не спрашиваю, ощущая себя более уверенной на своей территории.

Открываю шкафчик и достаю из него коробочку с медикаментами первой необходимости. Открываю перекись водорода и смачиваю ей ватку. Во вторую руку беру полотенце и смачиваю его под проточной водой, чтобы смыть с лица Соколовского грязь.

И всё это под внимательным взглядом медовых глаз.

— Ты тоже что ли головой приложилась, пока убежала от той шпаны?

— А ты можешь просто помолчать? — Хмурюсь я недовольно и, напирая на Глеба, вынуждаю его усесться на стиральную машинку, стоящую у стены.

Я подхожу ближе, держа ватку с перекисью так, будто собираюсь ими защищаться.

— Мне не нужна твоя помощь. — Отмахивается брюнет и отворачивает голову, напоминая маленького и вредного мальчишку.

— Мне твоя тоже не нужна была. — Нагло вру, упрямо глядя на него. — А быть у тебя в долгу — последнее, чего я бы хотела в этом мире. Так что, не дёргайся, пожалуйста. И будем в расчёте.

— Несоизмеримая плата за мою помощь, как считаешь? — Фыркает мажор, скрещивая руки на груди. Однако не сопротивляется, когда я подхожу ближе, практически в упор, и начинаю обрабатывать ссадины на его лице. Лишь изредка кривится и шипит от боли.

— Считаю, что нужно было научиться драться получше, — пожимаю плечами, стараясь не отвлекаться.

— Я тебе Рембо, что ли? — Возмущенно выдыхает Глеб, отдёргиваясь от моей руки, когда я собираюсь обработать последнюю длинную царапину, идущую вдоль нижней челюсти. И смотрит на меня так, будто я своими словами нанесла ему личное оскорбление. — Ну, ушатал бы я двоих. От силы — троих. И то при колоссальном везении. Четвёртый бы подошёл сзади, тюкнул меня по темечку и всё. Гейм овер.

Представшая перед глазами картина почему-то смешит, а не ужасает. Не сдержавшись, тихонько смеюсь. Качаю головой и, наконец, завершаю обрабатывать последнюю царапину, воспользовавшись тем, что Соколовский на мгновение подвис, наблюдая за тем, как я хихикаю над ним.

— Чего смешного, седоволосая? — Скрестив руки на груди, парень расставляет ноги

ещё шире, и я оказываюсь прямо посередине. — Я из-за тебя, между прочим, потратил все деньги, на которые планировал развлечься на выходных.

Я вновь пожимаю плечами, выкидывая использованную ватку в мусор.

— Это мелочь по сравнению с тем, какой ущерб ты нанёс моей семье, всего лишь пожаловавшись на меня своему отцу. Хотя, если кого и следовало наказывать, то только тебя.

Я не хотела его упрекать. Не хотела вспоминать прошлое. Не хотела, чтобы Соколовский знал, что его гнилой поступок до сих пор ранит меня в самое сердце. Но слова вырвались сами собой, а забирать их обратно уже поздно.

Но парень не отвечает. Только желваки на скулах играют — он явно злится.

Какое-то время мы проводим в молчании. Я пользуюсь этим и прикладываю холодное полотенце к кровоподтёку под глазом, который с каждой минутой становится всё страшнее и страшнее, расплываясь.

— Чтобы ты знала, Скворцова, я не горжусь тем поступком, — вдруг цедит сквозь зубы мажор. Но при этом его взгляд направлен в стену.

— Это что, завуалированное извинение? — Хмыкаю я, всё больше замечая, что в этом большом юношеском теле прячет маленький мальчишка.

— Считай, как хочешь, — бурчит Соколовский, этим самым прекращая наш странный диалог. Весь его вид говорит о том, что он не намерен вести дальнейшие переговоры.

Я невольно улыбаюсь, где-то на краю подсознания ужасаясь тому, что улыбаюсь в присутствие Глеба. Но сегодня ведь необычный день, правда? А значит, привычные правила отменяются. Завтра всё снова будет, как прежде. А пока мы просто однокурсники. Просто парень и девушка, давно знающие друг друга.

Мы стоим вплотную друг к другу. Жар, что исходит от парня, приятный. Согревающий. И я инстинктивно тянусь к нему, потому что никак не могу отогреться после произошедшего во дворе.

Тем больше обрушивается на меня осознание того, что я творю.

Это же Глеб Соколовский! Арина... Что ты делаешь? Стоишь так близко к своему злейшему врагу! Более того, ваши бёдра соприкасаются, и ни ты, ни он не против происходящего. Никто из вас двоих не шарахается в сторону от отвращения!

Ужасая сама себя, я передаю полотенце Глебу в руки. Буквально впихиваю махровую ткань удивлённо хлопающему ресницами брюнету, и вылетаю из ванной так, словно за мной гонятся черти.

Да-да, те самые...

Я скрываюсь в своей комнатухе. Падаю на разложенный диван, заменяющий мне кровать, и бездумно смотрю в потолок. Сердце шарахает о грудную клетку, отдаваясь в ушах, как после сильнейшего испуга. Я дышу часто-часто, пытаюсь выровнять дыхание и успокоиться. А недавно мёрзшее тело бросает в жар до самых кончиков пальцев.

Что со мной происходит? Почему я так странно реагирую на Глеба?

Обхватив себя руками, ложусь на бок и сворачиваюсь в клубочек. Молюсь всем богам на свете, чтобы Соколовский не выбрал именно этот момент, чтобы выйти из ванной. И с облегчением слышу характерный шум воды, когда включают душ.

Он моется.

У меня есть около десяти-двадцати минут передышки, а после начнётся новый круг моего личного ада.

Жаль только, что на тот момент я мало осознавала, сколь жестоким будет очередной круг...

Придя в себя минут через десять, я топаю в коридор, чтобы выудить из сумки, брошенной на обувную полку, доклад. По пути надеваю розовые пушистые тапочки, чтобы босые ноги опять не замёрзли. Беру папку и шагаю обратно в зал-спальню своей однушки.

Беды бедами, а завтрашнюю отработку у Разумова никто не отменял.

Я усаживаюсь на раскладной диван и начинаю вчитываться в доклад. Но проходит пять минут, а информация никак не хочет лезть в голову. Я читаю абзац, и мне приходится перечитывать его снова и снова, потому что я не могу понять, о чём только что прочитала. Не говоря уже о том, что формулы нужно выучить наизусть.

Пережитый стресс даёт о себе знать, и я чувствую, как слипаются глаза. Мозг не работает, потому что меня клонит в сон. Я даже кушать не хочу, хотя последний раз ела в обед.

Краем сознания отмечаю, что вода в ванной больше не шумит. Да и вообще Глеб подозрительно притих. Вроде и выйти должен, но свет продолжает гореть, а в ванной ни звука.

Отложив доклад в сторону, поднимаюсь с дивана и выхожу в коридор.

Не знаю, что именно я хотела сделать, потому что все мысли разлетаются, словно воробьи с ветки, которых спугнула кошка. Большая такая. Чёрная.

Я замираю прямо посреди коридора, неприлично вылупившись на Соколовского, который именно в этот момент решает выйти из ванной. В одном полотенце вокруг бёдер! Причём в моём полотенце!

С волос брюнета на широкие мощные плечи стекают капли воды. Они продолжают свой путь вниз по накачанному рельефному торсу и скрываются за полотенцем. Там же, где скрывается провокационная дорожка волос на животе парня.

Я сглатываю. Во рту сухо, как в пустыне. Щеки горят от стыда.

Это первый раз, когда я вижу полуобнажённого парня вживую. Фильмы и сериалы не считаются! А Глеб, как назло, сложен практически идеально.

— Чего уставилась? Ты не на выставке. — Мрачно заявляет мажор, тоже застыв у дверей ванной. — У тебя есть нормальный гель для душа? Я не хочу вонять так же, как и ты — дешёвкой.

От возмущения давлюсь очередным вдохом, напрочь позабыв о всяком смущении. Руки непроизвольно сжимаются в кулаки. Хочется ему врезать за обидные слова, но я усилием воли заставляю себя оставаться на месте.

Ну, вот, привычный Глеб Соколовский вернулся. И получаса не прошло.

Вот только что-то неприятно, протестующе сжимается внутри меня при этой мысли.

Неужели я хочу, чтобы Глеб мне... нравился? Был другим со мной?

Господи, бред какой!

Я трясую головой из стороны в сторону, как кошка, которая случайно попала в воду, пытаюсь выкинуть бредовые мысли. Не осознавая, что делаю это на глазах у Соколовского, который счёл махи головой за мой отрицательный ответ.

— Ну, да. А чего я ещё ожидал от захолустной квартирки и Скворцовой? — негромко бурчит себе под нос мажор.

Небрежно придерживая край полотенца на бёдрах, он обходит застывшую в коридоре меня, направляясь в зал, который одновременно служит мне спальней. По-хозяйски

придирчивым взглядом осматривает мою комнату. Сканирует статуэтку египетской кошки на полочке, слегка кривясь.

В итоге его взгляд останавливается на диване. В янтарных глазах сквозит неподдельный интерес.

На этот моменте мой порядком потрепанный стрессом и шоком организм решает выйти из ступора. Я, чеканя каждый шаг, иду в зал с твёрдым намерением поставить зазнавшегося мажора на место и, наконец, вытурить его из квартиры.

Но доклад, который оказывается в лапах Соколовского, пока я преодолевала небольшое расстояние между нами, заставляет меня остановиться.

— Положи на место. — Требовательно говорю я. Не прошу, а именно приказываю.

Глеб игнорирует мои слова, будто бы он один в комнате, а мой голос — не более чем комариный писк.

— Интересный доклад. — Кивает одобрительно головой, быстро пробегаясь по формулам на листе и строчками с пояснениями к ним. — Признаюсь, Скворцова, я ожидал от тебя худшего, но ты смогла меня удивить. Разумов будет завтра в экстазе от твоего доклада.

Брюнет переводит на меня задумчивый взгляд янтарных глаз, и, пока я мнусь в нерешительности, недовольно цокает языком.

— Так не пойдёт. — Выдаёт он, в конце концов.

— Что не пойдёт? — Хлопаю глазами, наверняка подтверждая этим, что блондинка я теперь не только по цвету волос.

— Сложи два плюс два, Жемчужинка, — снова называет меня этим странным прозвищем, от которого у меня по коже невольно проносятся мурашки, — ты, как оказалось, девочка не глупая. — И, спустя паузу, с сомнением оглядев меня, добавляет. — Наверное. Я пока ещё не уверен точно.

— Да как ты смеешь! — Взрываюсь я. — Оденься уже и вали домой! — Выпаливаю, приближаясь к Соколовскому.

Тянусь рукой, чтобы отобрать свой доклад, но Глеб слишком резвый. И слишком высокий. Ему достаточно просто вытянуть руку вверх и всё — я не достану доклад даже в прыжке.

Что он, собственно, и делает, с насмешкой глядя на меня сверху вниз.

— Мне понравился твой доклад, так что завтра мы расскажем именно его. Мой можно отправлять в топку. — С досадой на лице выдаёт парень, продолжая удерживать в плену мою кропотливую недельную работу по вышмату.

— Я не собираюсь отдавать тебе свои труды! — Пыхчу, словно ёж, от бессилия что-либо сделать.

— А я не собираюсь тебя спрашивать. Считай это платой за твоё спасение, хомячка.

Хо... Хомячка?!

Я взрываюсь. Наверное, даже искры из глаз сыпятся, когда я выдаю:

— Быстро вернул доклад и пошёл вон! — Рычу, стоя к нему близко.

Опасно близко.

Но я, во что бы то ни стало, намерена вернуть свой доклад и вытурить Соколовского из дома. После такого уж точно! Чаша моего безграничного терпения переполнилась.

— Ой-ой-ой, какие мы страшные, — продолжает дразниться мажор, встряхивая листами доклада в руке. Ещё раз напоминая, что мне не достать желанный объект.

Но я всё же решаю попытаться счастья.

Не обращая внимания на возмущения Глеба, я опираюсь рукой о выступающую костяшку на боку парня, совсем недалеко от обёрнутого полотенца. Отталкиваюсь ногами об пол и прыгаю, изо всех сил вытягивая вторую руку вверх.

Мне не хватает какой-то пары миллиметров до желанной цели. А вот полотенцу, служащему последней обороной между обнажённым Глебом и моей дикой стеснительностью, хватает одного моего неаккуратного движения рукой.

И оно слетает на пол, оседая у ног bruneta полукругом.

Глеб Соколовский

И как я до такого докатился?

Стою в захолустной совковой квартирке со старыми, обшарпанными обоями. Голый. А рядом даже не одна из сексапильных красоток, которые меня обычно окружают, а Скворцова!

Скворцова, мать вашу!

Но отчего-то сердце, при виде застывшей, покрасневшей от стыда и смущения, блондинки, со всей дури шаршит по рёбрам. Дыхание становится рваным. А в горле пересыхает от одного только взгляда на сис... на губы девчонки, которые она бесконтрольно облизывает, пытаюсь смотреть куда угодно, но не мне между ног.

Эта мысль тешит самолюбие. Судя по всему, хомячке точно понравилось то, что она успела увидеть, пусть и мельком.

На губах расплывается самодовольная ухмылка, а в голове мгновенно зреет план, который кажется гениальнейшим — я решаю добить ситуацию до конца. Потому что думаю я сейчас совсем другой «головой».

Тело реагирует на ситуацию логичным способом — возбуждением. И, если до этого Скворцова была растеряна и не знала, куда деть себя и свой взгляд, то теперь она с широкими, как два блюдца, глазами, смотрит на мою восставшую физиологию.

Но, как бы мне не хотелось себе польстить, увы, смотрит с первобытным ужасом во взгляде.

Я даже не успеваю отпустить привычную язвительную шуточку, как замечаю, что девчонка собирается закричать. И мой основной план — власть подразнить Скворцову, равно как и запасной план — поднять полотенце и прикрыться, летят к чертям.

Вместо этого приходится броситься к ведьме и закрыть ей рот рукой свободной рукой. Во второй я всё также продолжаю удерживать доклад на расстоянии. Чтобы не отобрала под шумок.

Сейчас — это единственное, благодаря чему я могу отыгаться на Арине за её побег из библиотеки и посыл меня во всем известном направлении. Да и должок за спасение нужно взыскать. Хотя это несоизмеримо, учитывая, что придётся неделю с фонарём под глазом ходить. Да и рёбра уже начинают ныть...

Вскрик выходит приглушённым. Я пристально смотрю девчонке в глаза, словно пытаюсь загипнотизировать:

— Успокойся, седовласая, — и быстро добавляю, заметив уже знакомый мне ужас в её глазах, который почему-то отзывается неприятным чувством в груди, — никто тебя трогать не собирается. Это просто полотенце, которое упало. И упало из-за тебя, прошу заметить! Я сейчас его подниму и прикроюсь. Хорошо? — Говорю медленно, как с ребёнком. А в голове красной бегущей строкой мигает — «опасность!».

Я заигрался. Слишком сильно заигрался. Настолько, что сам уже не понимаю, где играю, а где испытываю реальные желания и эмоции к девчонке.

Скворцова вроде успокаивается. Взгляд серо-голубых, как у ведьмы, глаз перестаёт быть чуть ли не безумным, постепенно проясняясь.

— Всё? Договорились? — Уточняю на всякий случай, прежде чем отлепить свою лапу

от мягких губ, которыми она касается внутренней стороны моей ладони. И которые будоражат кровь в венах. Настолько, что тяжело себя констрировать.

Арина неуверенно кивает, и я медленно, с каким-то тянущим, потаённым сожалением убираю руку от её рта.

Чёрт, и чего я так реагирую? Это же Скворцова.

Наверное, из-за того, что по разным причинам у меня вынужденное недельное воздержание, в голову лезет всякое... Даже на хомячку готов накинуться. Нужно скорее закругляться. Иначе этот ведьмин взгляд меня до добра не доведёт.

Как уже однажды в старших классах дошёл до того, что я чуть было не решил, будто у меня есть чувства к мелкой занозе в моей заднице. К отраве моей жизни, которая никак не хочет отпустить.

Подняв полотенце с пола, прикрываю им своё достоинство. Но сбившееся дыхание не возвращается в норму, потому что девчонка смотрит на меня невинным взглядом оленёнка Бэмби. И всё это снизу вверх, хлопая неприлично длинными чёрными ресницами, контрастирующими с её белыми волосами.

Невероятная смесь, сражающая наповал любую оборону. А я всё же в первую очередь мужик и уже потом Глеб Соколовский, которого с самой старшей школы до зубовного скрежета раздражает эта мелкая зараза с непокорным взглядом.

В мыслях проносится нецензурная, отборная брань. Хочется ругнуться, но вместо этого я вымещаю раздражение привычным мне способом — язвлю:

— Чего вылупилась? Будто ни разу мужской член не видела, — поджимаю губы, с силой сжимая челюсти, потому что доклад в руках уже не спасает от желания повалить девчонку на диван и...

Округлые щёчки Скворцовой раздуваются от возмущения. Она раскрывает и смыкает свои пухлые губки, в попытке найти, что мне ответить, чем сильно усугубляет и без того тяжёлую ситуацию.

Контроль, Глеб, контроль. Холодные воды водопада... Нет. Ледяные воды водопада!

Так и не найдя, что ответить, девчонка со всего размаху лупит меня по груди и пулей вылетает из комнаты.

Я облегченно выдыхаю, ощущая испарину на лбу.

Уф, ещё немного и я бы...

Я бы что? Разложил Скворцову на её стареньком диванчике? Впился бы в её невыносимо притягательные пухлые губки? Сорвал, наконец-то, эту белую маечку, под которой прячутся внушительные буфера, и смаковал вид?

Ля-я...

Кидаю доклад обратно на диван и падаю рядом на пятую точку. Роняю голову в ладони, с силой проводя ими по лицу и волосам.

Что я творю? Что я вообще тут делаю? Надо валить, а не играть в дурацкие игры, в которые я постоянно играю, ходя по лезвию ножа. Играю с огнём в прямом смысле этого слова.

А ведь сегодня всё началось с того, что девчонка от меня сбежала. Это выбесило. Захотелось догнать. Выследить. Наказать. Проучить!

В итоге невинное любопытство привело к тому, что я какого-то хрена ввязался в драку с отморозками. Спас бестолковую хомячку, которая будто ни разу фильмов не смотрела, и не знает, что по ночам опасно шляться одной.

Особенно с таким вызывающим цветом на башке! И чем её свой родной цвет волос не устраивал? Нормальные золотистые косы были, которые я бы с удовольствием намотал на кулак...

Так, стоп. Опять всё сводится к плотским удовольствиям. Нужно срочно найти горячую цыпочку на ночь и расслабиться. Выпустить пар.

А для начала перестать дразнить Скворцову и одеться. Сфотать её доклад, сделать копию и вынудить завтра рассказывать его вместе. Тяжко признавать, но то, что я накалякал, и докладом назвать нельзя. Скорее — конспектом школьника. Позорище.

И это ещё один дополнительный пункт, из-за которого девчонка бесит. Выискалась тут умница и красавица. Если бы ещё сейчас сказала, что и правда не видела мужской член, и вообще девственница — сдох бы со смеху!

Видел неделю назад, как сиськами трясла на физре. Все пацаны слюной изошлись, пока она строила из себя мисс невинность в этой проклятой белой маечке с небольшим декольте и кофтой нараспашку!

С этими мыслями я фотаю доклад Скворцовой на свой смартфон и иду в ванную за одеждой, чтобы одеться и смыться, наконец, из этой обители совдепа и совращения оголодавшего меня.

И без того слишком много времени потратил на девчонку. А с ней нельзя надолго задерживаться в четырёх стенах — ибо чревато. Потом век не отмоюсь.

В первую очередь от ненависти к себе за то, что прикоснулся к тому, что поклялся ни за что не трогать. В первую очередь из-за гадкого чувства вины и совести, которая где-то на краю сознания вот уже почти год как нашёптывает, что я поступил с семьёй Скворцовой, как полный мудака.

***

Стоит ли говорить, что я пулей вылетаю из комнаты после того, как узрела то, что приличные девушки не должны видеть, как минимум, до свадьбы?

Увиденное потрясает меня настолько, что я теряю не только дар речи, но и все мысли. Они разбегаются, как тараканы на кухне, когда включаешь свет. И я уже вообще ничего толком не понимаю.

Слишком много потрясений на сегодня. Слишком...

Я влетаю на кухню, подобно тем самым испуганным тараканам, плотно прикрывая за собой дверь. Старинные часы, висящие на стене, мерно тикают. Их ритм действует успокаивающе, пока я, привалившись всем телом к двери, пытаюсь утихомирить собственное сердцебиение, отдающее в районе горла.

Если он сейчас войдёт сюда или начнёт ломиться, я его ударю!

Мои руки трясутся, словно я алкоголик со стажем. Под ложечкой сосёт и меня слегка подташнивает. Воздуха не хватает, и я решаюсь отойти от облюбованной двери, чтобы распахнуть окно настежь.

Свежий ветерок, радостно залетевший на кухню, остужает мои разгорячённые щеки и уши. На какие-то мгновения я залипаю в темноту перед собой и пропускаю момент, когда Глеб входит на кухню.

— Я... это...

Он мнётся у двери, не решаясь приблизиться ко мне ближе, чем на пять метров. Брюнет выглядит нетипично: янтарные глаза лихорадочно блестят, волосы взъерошены, и, кажется, что он смущён не меньше меня.

Но, хвала небесам, Соколовский одетый!

При виде парня на своей кухне, в его, пусть и рваных, но модных шмотках, закусываю губу. Глеб прав, он вообще не вписывается в ту жизнь, в которой я живу. Обычную жизнь среднестатистического человека. Парень, словно из другого мира. Того самого «лухари» из мемов.

— Думаю, тебе пора, — не своим голосом каркаю я, подсознательно страшась того, что Соколовский решит приблизиться.

Нет, я не боялась, что он что-то со мной сделает против воли, несмотря на наши непростые взаимоотношения. Этот страх был глубже. И я пока не понимала, чего страшусь на самом деле.

Да и, честно говоря, разбираться в этом нет никакого желания. Единственное, чего я сейчас хочу — чтобы Глеб убрался восвояси. А я, наконец, смогла принять ванну, смыв с себя этот отвратительный день.

— Твой доклад, — продолжает мяться брюнет, и у меня происходит когнитивный диссонанс от его поведения. Такое ощущение, что в его базовых настройках произошла поломка.

— Что с ним? — Непонимающе хмурюсь и пытаюсь подогнать парня к нужным мыслям. Он ведь хочет что-то сказать.

Глеб тяжело вздыхает. В его глазах мелькает раздражение. И впервые я замечаю, что это раздражение направлено не на меня, а на себя самого.

Ого, наш мажор оказался не таким нарциссом, каким я его всегда считала!

— Я его отфотал. Завтра будем рассказывать вместе.

Наш диалог напоминает неловкое общение двух подростков, и я ловлю кринж с этого, незаметно передёргиваясь.

— Хорошо, — соглашаюсь, лишь бы он быстрее покинул пределы моей квартиры.

Неправильный для моего мира. Невписывающийся. Ему здесь не место. И уж тем более Соколовский не должен вести себя... вот так!

До Глеба не сразу доходит, что я соглашаюсь на его условие. Он пару раз заторможено моргает. И поднимает на меня взгляд медовых глаз.

— Хорошо?

— Хорошо.

И дополнительно киваю, чтобы уж точно было понятно.

Похоже, Соколовский действительно сломался.

Хочется пошутить или съязвить на эту тему, но я лишь закусываю губу, когда понимаю, что шутка моя не будет жалиющей. Слова, что должны были вылететь из моего рта — дружеская насмешка.

Это неправильно. Наши эмоции неправильные. Всё происходящее неправильное!

Я зябко обхватываю себя руками. Закрываюсь. Отвожу взгляд от Соколовского и смотрю в стену. На обои с синими цветочками. Разбежавшиеся тараканы в голове, почувствовав, что «свет гаснет», начинают потихоньку вылезать из своих укрытий, заваливая меня предположениями, которые звучат одно хуже другого.

Неужели один поступок Глеба может так кардинально поменять моё мнение о нём? Я либо слишком наивная, либо непроглядная дуручка!

Злясь на себя за мягкотелость, кусаю щёку изнутри, лишь бы не ляпнуть ничего лишнего в присутствии ненавистного мажора, который с каждой минутой проведённой в моём доме,

начинает казаться не таким уж и гадом.

Глеб не торопится уходить, поэтому я собираю крохи самообладания в кулак и направляю на парня злой взгляд.

— Проводишь?

Намёк он понял, но зачем-то продолжает гнуть линию со странным и нетипичным для себя поведением.

Или это его очередная шуточка? Уловка? Новый прикол, который он будет рассказывать друзьям за кружкой пива в баре для богатеньких?

Точно!

Боже, какая же я идиотка! Беспросветная! Беспроглядная!

Продолжая ругать себя, на чём свет стоит, огрызаюсь вслух:

— Выход ты и сам найдешь. Не маленький, — зачем-то добавляю я, пытаюсь ужалить парня. На мою попытку он лишь устало закатывает глаза.

— Тогда до завтра, — говорит он и разворачивается, чтобы уйти.

— До завтра. — Мрачно бубню я, внезапно осознавая, на что подписалась.

И это осознание накатывает, как волна цунами, сметая всё на своём пути.

Это же ещё один день с Глебом Соколовским в относительной близости. Это же с ним снова надо будет не просто разговаривать, но ещё и работать в паре.

Боже...

Глеб не торопится. Он будто чего-то ждёт. Что я что-то сделаю или скажу — не знаю. Но я продолжаю стоять на месте и молчать. Поэтому ему ничего не остаётся, кроме как уйти.

Парень недовольно поджимает губы, последний раз кидает на меня предупреждающий взгляд янтарных глаз и уходит. Его едва слышные шаги раздаются в коридоре. Входная дверь открывается и негромко закрывается.

И только после этого я делаю полноценный вдох полной грудью. После чего считаю до трёх и иду следом, чтобы закрыть дверь за ночным гостем, молясь о том, чтобы Афанасии Никифоровне спалось крепким сном в своей уютной кровати.

День не задался с самого утра.

Всё началось с того, что я проспала. Опоздала на первую пару. Заработала отработку, потому что принципиальный преподаватель не захотел пускать меня. В итоге мне пришлось тусоваться полтора часа в холле на подоконнике, слыша голос препода, доносящийся из аудитории, и конспектируя хотя бы то, что я могла расслышать.

Затем в столовой какой-то неуклюжий студент с другого факультета поскользнулся и опрокинул содержимое своего подноса на меня и ещё на парочку так же везунчиков. Пришлось пропустить обед и вместо этого идти ополаскиваться и переодеваться. Благо сегодня по расписанию последней стоит физкультура и у меня с собой была форма.

Я думала, что на этом трешовый день закончится, но нет. Оказывается, всё только начиналось.

Третьей парой, как и в прошлую пятницу, стоит лекция у профессора Разумова, поэтому я, вынуждено одетая в спортивную форму, поднимаюсь на кафедру и занимаю свободное место в среднем ряду. Своей одеждой привлекаю внимание парней, сидящих на последних рядах и пришедших явно чисто для галочки.

Сначала они начинают активно шушукаться, кидая на меня беззастенчивые косые взгляды. А затем переходят к более громким комментариям:

— Эй, блондиночка, — обращается ко мне один из трёх парней. — Блондиночка-а-а, — слащаво тянет незнакомый однокурсник.

Он высок, хорошо одет и сложен. Лицо у парня слишком смазливое, но не отталкивающее. Но вот голубые глаза, несмотря на улыбку на лице, источают такой лёд, что меня пробирает внутренняя дрожь.

Я знаю этот взгляд. Любитель поиздеваться над слабым полом и тем, кто слабее него самого. Тот, кто считает себя хищником, на деле являясь обычным трусом. Обычный зарвавшийся богатенький мальчик, привыкший получать всё, что захочет. И неважно, что это — вещь или человек.

Я поднимаю глаза и кидая на него предупреждающий взгляд, не собираясь связываться, и продолжаю раскладывать канцелярские принадлежности перед собой. За последние сутки произошло столько всего, что организм уже никак не реагирует на новый раздражитель, предпочитая махнуть на всё рукой.

Тем более до начала лекции около десяти минут, а Виктор Сергеевич приходит, как минимум минут за пять. И эти недолюди вынужденно отвянут от меня сами собой.

— Я же не гордый, сам могу подойти. — Произносит так громко, чтобы я услышала.

Парочка студентов замечает нашу перепалку, но предпочитает никак не вмешиваться. Они отворачиваются, делая вид, что заняты подготовкой к лекции или беседой с друзьями.

Я вся напрягаюсь, ощущая, как каменеет каждая мышца.

Конечно, благодаря Соколовскому я привыкла к таким задирам и поддёркам, но сейчас моя нервная система похожа на натянутую струну, которая вот-вот порвётся. И, боюсь, если этот парень продолжит, я могу сорваться. И тогда точно что-то произойдёт.

Хорошо, если это будут просто слёзы...

И, кстати... А где сам Соколовский?

Я невольно начинаю искать его глазами, быстро пробегаясь взглядом по кафедре, но

нигде не вижу его. Похоже, Глеб либо прогуливает, либо опаздывает. Впрочем, как обычно.

Проходит около пары минут. Я уже решаю, что парень всё же понял намёк и оставил меня в покое. Но мои надежды не оправдываются, и рядом со мной плюхается голубоглазый шатен. Опирается одной рукой о письменную подставку, а вторую без спроса кладёт мне на плечи.

— Ну, привет. — Лыбится во все тридцать два белых зуба.

Точно ещё один мажор. Слишком хорошо одет — его «лук» так и кричит о своей брендовости. А лёгкий, ненавязчивый парфюм от популярной компании, которую невозможно не узнать, лишь подтверждает мои догадки.

Я резко дёргаюсь в сторону от него, стряхиваю наглую лапу однокурсника.

Последнее время слишком много мажоров на один квадратный метр моей жизни.

— Держи руки при себе, а не то...

Парень не даёт мне договорить, перебивая:

— Не то что? Тот мажорчик мне их оторвёт?

— Что? — Теряюсь я, не понимая, о ком и о чём парень говорит.

— Я про сыночка мэра Соколовского. — Услужливо поясняет незнакомый мне парень. Однако руки свои в этот раз держит при себе. Хотя взгляд холодных, льдисто-голубых глаз горит недовольством и раздражением. — Он тебя застолбил что ли? Ты только перед ним ноги раздвигаешь?

— Ч-чего?.. — Заторможено говорю я.

— Давай, познакомимся поближе, красотка? Меня зовут Демьян. Означает — покоритель, — стреляет в меня глазами.

И в этом сальном взгляде такой жирный намёк, что мне хочется сходить и ещё раз помыться. Желательно с грубой мочалкой, чтобы оттереть этот липкий и неприятный взгляд со своей кожи.

Я передёргиваюсь от отвращения, но парень не желает затыкаться. Он будто намеренно меня провоцирует. Или он просто мудака, каких только отыскать. Что вероятнее всего.

— Ну, так что? Обслужишь меня сегодня вечерком? Покатаю в дорогой тачке. Буду ласков. Даже цацку подарю, какую захочешь. А то Соколовский, смотрю, вообще не хочет тратиться на тебя. Ни единой побрякушки, кроме хреновой бижутерии тебе не подогнал, — говорит Демьян и тянет свои руки к моему кулону.

От его слов и действий внутри происходит взрыв. Да такой мощности, что волна злости захлёстывает каждую клеточку. Дальше я не думаю. Просто делаю.

Замахиваюсь и со всей силы залепляю пощёчину смазливому красавчику. И этот звон внезапно становится неким катализатором, который «выключает» все окружающие звуки. Студенты, понимая, что что-то случилось, поворачивают головы в нашу сторону и окончательно умолкают.

Лицо парня искажается от злобы. Он хватается за то место, куда я его ударила, второй рукой сжимая ворот моей спортивной куртки, и рывком притягивает меня к себе. Его лицо близко, но от страха, только сейчас понимая, что натворила, я леденею. Забываю, что нужно хотя бы попытаться отстраниться.

Все мои мысли сейчас занимает лишь одна фраза, набатом бьющая по вискам:

«Мне конец!»

— Ты за это заплатишь, дешевка! Я ведь по-хорошему хотел. — Подтверждает мои мысли Демьян. — И моли бога, чтобы ты смогла меня ублажи... — Шипит он. Но его фраза

резко обрывается, и я вдруг понимаю, что кто-то решил вмешаться и помочь мне.

А в следующую секунду всё пропадает — и руки, удерживающие мой ворот, и неприятное смазливое лицо мажора.

«Мой спаситель одним ловким движением выкрутил руку, которой Демьян держал меня за ворот, вынуждая последнего выпустить меня из захвата», — понимаю отстранённо.

А затем Демьяна вытаскивают в проход между кафедрами, бросая того прямо на ступеньки спиной.

— Да ты охренел?! — Орёт не своим голосом шатен. — Ты знаешь, какие проблемы тебя теперь ждут? Пададь! Да...

Я не слушаю Демьяна и его пустые угрозы дальше. словно в прострации, поднимаю глаза на парня, что пришёл на помощь. Звуки доносятся до меня, как через вату, и я вижу перед собой лишь его. Того, кто впервые в моей жизни, решил за меня вступить, хотя был не обязан. Того, кто...

Последующее утверждение перебивает другая мысль, пронёсшаяся вспышкой в сознании:

«Он не первый. Вчера тебя спас Глеб.»

Чувствую укол совести за свою неблагодарность. Но тот, кто оттащил Демьяна от меня, и сейчас, склонившись, нависает над гадким мажором, не Глеб.

Парень высокий, худощавый, но при этом жилистый. Волосы короткие, русые с золотистым оттенком. одет простенько — в обычную чёрную футболку, облегающую его торс, с бомбером поверх, и потёртые синие джинсы. Его профиль чёткий, с заострёнными скулами и прямым лбом и носом. Глаза незнакомого мне парня разглядеть не удаётся, поэтому их цвет остаётся загадкой.

Поза двух парней недвусмысленная. Все понимают, что назревает драка. Тот, кто вмешался, раздражён и явно не собирается спускать Демьяну с рук то, что он собирался повернуть, да ещё и на публику, ведь мажор говорил достаточно громко. Чтобы услышали, если не все, то многие.

Демьян продолжает осыпать отборной руганью моего защитника, но тому хоть бы что. Лишь желваки играют на скулах парня, выдавая, что он едва держит себя в руках, чтобы не ударить моего обидчика за его язык без костей.

— Извинись, — доносится до меня низкий, вибрирующий баритон.

На фоне высокого голоса Демьяна, покрывающего парня благим матом, фраза звучит особенно угрожающе. И отчего-то громче, чем все остальные звуки на фоне, несмотря на то, что весь поток начал шushукаться, как только незнакомый парень вступился за меня.

— Извиняться будешь ты, когда я встану, гнида! — Паритует мажор, собираясь подняться с прохода. Но незнакомец грубо припечатывает его обратно, схватив за грудки.

— Я сказал, извинись перед девушкой, мразь.

Демьян ошалело смотрит сначала на руки парня, а затем на него самого. Вскидывает брови, словно не может поверить своим ушам и глазам, и начинает дико гоготать.

— Ты прикалываешь или чё? — Говорит отсмеявшись. — Думаешь, бессмертный?

Тут уже на помощь мажору приходят его дружки, которые только сейчас пришли в себя и поняли, что друга нужно спасать, а не тарашиться на назревающую драку вместе со всеми остальными.

Хотя, судя по виду этих двоих, вмешиваться — последнее, что им хочется.

— Э, слышь, руки от Демьяна убери. — Пихает моего спасителя в плечо один из

дружков мажора — тот что выше и крепче. Второй же просто бычится, стоя за спиной товарища. Но при этом никто не спешит оттащить парня от Демьяна.

Мой непрощеный защитник напрочь игнорирует всех. Смотрит лишь на Демьяна. И с каждой минутой его взгляд свирепеет больше и больше. А желваки играют чаще.

Я хоть и хочу вмешаться и остановить происходящий абсурд, но понимаю, что встречать между двумя сцепившимися мужиками — дело изначально провальное и бесполезное. Они пока отношения не выяснят, никакой альтруист не поможет. Только достанется.

Ситуация с каждой секундой накаляется сильнее. Напряжение повисает в воздухе и кажется, его можно резать ножом — настолько плотное. Время тянется бесконечно долго. Я чувствую, как у меня от волнения по спине вниз стекает капелька пота.

Не знаю, чем бы всё это закончилось, если бы на пороге лекционного зала не объявился Разумов.

Сдвинув свои седые косматые брови на переносице, он громогласно выдаёт на весь лекционный зал:

— А, ну, брейк, петухи. Ишь, устроили тут! - Его по-военному суровый голос эхом отлетает от стен. — Считаю до трёх. И чтобы все по местам расселись! Иначе никому зачёта в конце семестра не видать, как своих ушей!

Угроза Виктора Сергеевича действует на всех, как ушат ледяной воды. Студенты суеются, пытаясь успеть вернуться на своё место, пока профессор громко ведёт обратный отсчёт. Мой спаситель же что-то шепчет на ухо Демьяну, прежде чем отойти от него и усесться рядом со мной.

Я удивленно смотрю на парня, но он игнорирует меня и делает вид, что это его место и он сидел тут с самого начала семестра. Хотя, по сути, ни за кем из студентов места не закреплены, на каждой лекции все рассаживаются по-разному.

— С-спасибо, — с запинкой выдаю я, краснея.

Парень кивает, давая понять, что услышал меня. На его лице появляется лёгкая полуулыбка.

— Стас, — кратко представляется он и невозмутимо достаёт тетрадь и ручку, готовясь записывать лекцию.

— Так, орлы, — Разумов, закончив считать, останавливает не успевших занять свои места мажоров, — на выход. Увидимся на зачётной неделе, и чтобы я вас больше не видел на своих лекциях. — И, видя, что парни застыли и не спешат выполнять его указание, добавляет громче. — Бегом!

Мажоры нехотя собирают вещи и плетутся на выход. Более не обращая внимания на провинившихся парней, Виктор Сергеевич невозмутимо подходит к кафедре и начинает раскладывать на ней свои вещи, готовясь к лекции.

Демьян спускается последним. Чуть замедляясь у прохода, в котором сидим я и Стас, бросает на нас угрожающий взгляд, шепча одними губами:

— Ещё не вечер. Вы оба пожалеете.

Стас тоже замечает это. Пренебрежительно закатывает глаза и бросает тихое:

— Мудаки.

Я же мечтаю провалиться сквозь землю.

Только этого не хватало! Мало мне Соколовского, ещё один мажор на голову свалился! И как мне теперь отбиваться от нападков обоих? Я же с ума сойду! Не прошло и недели, а я нажила себе ещё одного врага, причём Демьян точно будет похуже Глеба.

Проще перевестись в другой университет. Семестр только начался, может, пока не поздно...

Видимо, на моём лице мелькает что-то эдакое, потому что Стас оборачивается ко мне и пристально смотрит в глаза. Его радужка насыщенно синяя, как небо, когда он ободряюще шепчет:

— Не переживай, Демьян и его псы безобидные. Лают, но не кусают. Мои одногруппники. Так что забей. Ничего они тебе не сделают. Максимум, будут также тявкать с задних рядов.

Парень выражается кратко, но ёмко. Его голос звучит низко. Уверенно. И я невольно заражаюсь этой уверенностью, с благодарностью глядя на Стаса. Теплая улыбка расцветает на моём лице. Его слова дарят небольшое, но облегчение.

— Спасибо. — Повторяю ещё раз. И собираюсь представиться в ответ, но Разумов начинает лекцию и мне приходится замолчать.

Провоцировать и без того разозлённого профессора — себе дороже. Мне вечером ему ещё отработку сдавать. А привлекать к себе лишнее внимание не хочется. Поэтому я принимаюсь старательно записывать лекцию.

А ещё, всё оставшееся время отмахиваюсь от странного, не проходящего ощущения жжения между лопаток.

— Ты, я смотрю, без приключений и дня прожить не можешь, да, Скворцова? — Раздаётся надо мной и Стасом в самый разгар нашей весёлой беседы.

К слову, Станислав Краснов оказался не только рыцарем в сияющих доспехах, но и приятным собеседником, с которым можно обсудить, что угодно. Мы этим и занимались, хохоча над забавной историей из жизни Стаса, когда над нами грозной тенью навис Глеб.

Первым голову поднимает мой новый знакомый, потому что мне и смотреть не нужно — я знаю все пятьдесят оттенков этого голоса. Мой личный сорт мучений.

— Это кто? Твой знакомый? — Уточняет Стас, опуская взгляд обратно на меня.

Я киваю. И едва удерживаюсь от печального вздоха.

С Красновым я почти забыла о своём личном сталкере. Почти.

— А ты кто? Её рыцарь в сияющих доспехах? — Парирует Глеб и нагло втискивается между мной и Стасом. Буквально отпихивает последнего, разваливаясь на скамейке. — Прости, но эта роль уже занята.

Я удивленно округляю глаза.

Что это сейчас было? Глеб вот ни разу не рыцарь в сияющих доспехах. Подумаешь, один раз случайно решил вмешаться и спасти меня от отморожков. Может, вчера ретроградный меркурий был в своём пике, или что-то вроде того? Кто его знает...

— И где ты был, когда ей нужна была помощь? — Резонно подмечает Стас, сжимая губы в тонкую линию.

Несмотря на то, что Краснова некрасиво подвинули с пригретого около меня местечка, он не спешит кидаться на Соколовского. Весьма предусмотрительно с его стороны, я ведь не обозначила, в каких именно мы отношениях.

Смотрю на Глеба, понимая, что мне тоже любопытно услышать его ответ. Под глазом мажора расплылась некрасивая гематома, слегка портящая его образ неотразимого красавца. Моя внутренняя мстительность довольно потирает руки, в то время как совесть хочет предложить ему купить мазь от синяков в аптеке.

Я затыкаю свою совесть. Пусть топает лесом. Жалеть Соколовского — последнее, что я буду делать в этой жизни. Не после всего того, что он делал.

— Ты мне не мамочка, чтобы я перед тобой отчитывался. — Корчит гримасу брюнет. — И вообще, потеряйся и чтобы я тебя больше не видел рядом с ней. — Кивает на меня подбородком.

А вот теперь на лицо Стаса ложится тень. Ему явно не нравится, как Соколовский с ним разговаривает. Краснов опирается предплечьями на свои ноги и выглядывает из-за мажора, который всячески пытается помешать нашему зрительному контакту.

— Арина? — И смотрит так. Пронзает невыносимо синим взглядом, в котором застыл немой вопрос.

Я понуро киваю. Мне стыдно перед Стасом. На языке так и вертится: «Он мой личный палач и с этим ничего не сделаешь». Особенно сегодня, когда нам нужно сдавать отработку Разумову. А я обещала Глебу вчера. Он спас меня. Нужно отдать долг.

— Слышал? Потеряйся, — довольно лыбится Соколовский.

Мне так сильно хочется стереть эту противную улыбочку от уха до уха, что аж руки чешутся. Вместо этого виновато смотрю на Стаса. Он поднимается со скамьи, явно

испытывая желание уйти подальше от Глеба. Не потому, что тот ему сказал, а просто... Просто с Глебом тяжело находиться рядом, если ты не входишь в круг его лизоблюдов.

— Спасибо тебе ещё раз, — робко улыбаюсь парню, который за последний час стал мне кем-то вроде хорошего приятеля. — Увидимся? — Последняя фраза звучит вопросительно. Я не уверена, что после такого Краснов захочет со мной общаться.

— Конечно, — кивает Стас, а на его лице внезапно появляется довольная улыбка. Искренняя. Тёплая. И, самое главное, настоящая.

— У тебя со слухом проблемы? — Вклинивается Глеб. Его приклеенная ухмылочка слетает с лица в одно мгновение. — Я, кажется, по-русски изъясняюсь. Или хочешь, чтобы проблемы со зрением тоже появились?

— Кто ты такой, чтобы ей указывать? — Похоже, терпение у Стаса не безграничное. Его голос понижается на несколько тонов. — Если Арина хочет со мной увидеться, мы увидимся. И не тебе это решать.

— Повтори! — Вибрирующе рычит Соколовский, намереваясь подняться и сцепиться с Красновым.

Я пугаюсь того, что эти двое подерутся, и делаю то, что первым приходит в голову.

— Глеб! — Пихаю мажора в плечо, возмущаясь. — Прекрати! Давай хотя бы не сегодня? Пожалуйста! И без того тошно!

Фокус внимания брюнета резко смещается. Глеб окидывает меня злым прищуром. Сканирует своим янтарным взглядом, как мне кажется, невыносимо долго. Затем неприлично цокает языком и расслабленно откидывается на спинку скамьи. Так, что одна его рука оказывается за моей спиной.

— Уговорила. — Парень прикрывает глаза и касается пальцами моего затылка. Мурашки испуганно пробегают по моей спине, пока я пытаюсь незаметно отстраниться. — Две драки подряд даже мои тренированные рёбра не выдержат. Да и второй фингал на лице будет не эстетично смотреться, согласен.

Стас окидывает нашу парочку скептическим взглядом и, прежде чем уйти, произносит хмурое:

— Нужна будет помощь, зови.

— Обязательно! — С энтузиазмом отвечаю я. — Ещё раз спасибо.

Стас уходит. Его долговязая фигура скрывается среди толпы парней, разыгрывающих мяч на баскетбольной площадке.

— Меня ты так не благодарила вчера. — Сухо ворчит Соколовский и возвращается в нормальное положение. — Что случилось на лекции у Разумова? — Резко переводит тему.

— Уже ничего, — не желая ничем делиться с ним, отвечаю более грубо, чем планировала.

— Я всё равно узнаю.

— Узнавай, — пожимаю плечами как можно безразличнее. — Пара скоро начнётся. Тебе пора на свою сторону спортзала. Встретимся в библиотеке. — Тараторю кратко. Поднимаюсь, чтобы уйти, но Глеб хватает меня за запястье и рывком возвращает на место.

— Куда собралась? Я тебя ещё не отпускал, большезада.

Пока я пытаюсь прийти в себя после того, как услышала новое нелестное прозвище, Соколовский подсаживается ближе. Обхватывает меня за талию и прижимает к своему боку. Наши лица оказываются так близко, что дыхание перехватывает. Я попадаю в плен янтарных глаз, забывая, что хотела ответить.

— Арина, — низко, рокочуще произносит моё имя Глеб, а у меня внутри все внутренности скручиваются в узел.

Он очень редко называет меня по имени. Если вообще ни разу до этого момента. В основном все эти чёртовы прозвища вылетают из его рта. Поэтому сердце делает кульбит и на мгновение замирает.

Даже мелькает странная, словно чужеродная, мысль, попросить Соколовского повторить. Послушать, как буквы перекатываются на его языке, будоража кровь.

— Кто разрешил тебе хват... — Я пытаюсь возмутиться, но брюнет подносит вторую руку к моим губам и кладёт указательный палец мне на губы.

— Т-ш-ш, помолчи и слушай меня внимательно. — Лицо мажора — непроницаемая маска. Понять по нему что-то сложно. Зато в глазах плещется раскалённая лава. — Если я ещё раз увижу этого смертника возле тебя, ему несдобровать. Ты всё поняла, седовласая? Помнишь, что бывает с теми, кто зарится на то, что принадлежит мне?

Я помню... Хорошо помню.

Поэтому сглатываю и утвердительно киваю. Хоть Краснов и может за себя постоять, но кто знает Глеба? На что может пойти этот мажор и как далеко зайдёт в своём порыве, чтобы лишний раз напомнить мне, кто здесь главный?

— Вот и умничка. Хорошая девочка, — довольно щурится брюнет. Его взгляд на доли секунд задерживается на моих губах. Словно... Словно он хочет меня поцеловать. Но это бред! — А теперь застёгивай кофту по самое горло и беги заниматься спортом, а то ненароком упадёшь и раздавишь кого-нибудь своим весом.

Меня передёргивает. В глазах застывают жгучие слёзы обиды.

За что он так со мной? Что я ему сделала? Почему я?

Но мне приходится встать и сделать то, что он сказал. Лишние проблемы мне ни к чему. И, похоже что на дружбе с Красновым придётся поставить жирный крест... Я не хочу, чтобы Глеб навредил единственному человеку в этой толпе, который решил мне помочь.

***

Совместная подготовка к отработке оканчивается полным провалом. Время неумолимо близится к тому, что нужно топтать к Разумову в кабинет и презентовать доклад, а мы с Соколовским никак не можем договориться.

Мне хочется волосы на голове рвать от того, насколько мы разные. Насколько у нас разные точки зрения на все, абсолютно все вещи.

— Это провал. Тотальный, — с губ слетает стон полный досады и отчаяния. — Давай попросим сдать отработку по отдельности? Как и готовились?

Я сижу за столом в библиотеке, запустив руки в волосы. Напротив сидит Глеб. И вид у него мало чем отличается от моего. Такой же отчаявшийся и преисполнившийся.

— Да он скорее влепит нам вторую отработку, чем разрешит каждому свой доклад рассказать! Он же предельно ясно сказал нам, чтобы мы вместе ему отработку сдавали. Один доклад на двоих. — Прекратив испепелять полку с книгами по вышмату, брюнет переводит раздражённый взгляд на меня. — И если бы не ты, твоё долбаное упрямство и бегство, мы бы были готовы, птичка! — Шипит он тихо, чтобы не привлечь внимание библиотекаря.

— Хочешь сказать, это я во всём виновата? — Ощериваюсь в ответ. — Если бы ты по-человечески ко мне относился, то всё было бы иначе.

— Если бы да кабы! — Огрызается Глеб и откидывается на спинку стула. Прикрывает лицо ладонью. — Поздняк метаться. Надо работать с тем, что имеем.

— Я за то, чтобы попробовать сдать в одиночку. Включить дурака и сделать вид, что неправильно его поняли. Всё-таки мы первокурсники. Вторая неделя учёбы. — Закусываю губу, чувствуя, как от отчаяния и страха, что всё прогорит, щемит в груди.

— Не зря перекрасилась, — язвительно фыркает Соколовский, глядя на меня из-под «козырька».

Ощущая неистовое желание придушить парня на месте, хватаю конспекты и доклад, кидаю их в сумку и направляюсь к выходу.

Перед смертью не надышишься. Будь, что будет.

Глеб нагоняет меня на лестнице. Я с суровой миной на лице топаю на третий этаж, где находится кабинет Разумова. В голове пульсирует мысль, что я, во что бы то ни стало, сдам сегодняшнюю отработку. С Соколовским или без него. Тянуть за собой тонущий балласт, который не может согласиться со мной даже в мелочи, — занятие для клинических идиотов. Но не для меня.

Кабинет, несмотря на то, что всего лишь вторая неделя учёбы, кишит студентами. Я застываю в дверях от удивления и осознания, что Виктор Сергеевич — один из тех принципиальных преподавателей, с которыми лучше не связываться. А в идеале — получить автомат, не пропуская ни единой лекции.

А я уже вляпалась по самые уши.

Чёрт!

Соколовский, который нёсся следом, врывается в мою спину. От неожиданности я пошатываюсь и уже лечу носом вниз, целоваться с полом. Но в последний момент Глеб хватается за шиворот и возвращает в вертикальное положение.

— Бедовая, — низко басит мажор. Хватает меня за широкий рукав джинсовки, будто ему противно взять меня за руку, и, таким образом, тащит за собой к последней парте.

— Эй,пусти! — Вырываюсь, так и не дойдя до цели Соколовского. — Я не собираюсь там сидеть. Первой сдам отработку и свалю. А ты делай, что хочешь. Хоть до вечера прячься за чужими спинами.

Прежде чем ответить, брюнет оглядывается по сторонам. Но я, кажется, уже начинаю привыкать к тому, что мы с Глебом постоянно привлекаем чужое внимание. Поэтому уже не реагирую, сосредоточившись на том, что не собираюсь уступить Соколовскому.

Я сделаю по-своему!

Что-то разглядев в моём взгляде, парень выставляет руки перед собой. Ухмыляется и выдаёт ироничное:

— Валяй.

Мне не нравится его «всезнающая» улыбочка, но я не намерена отступать. Возможно, Арина, которая училась в старшей школе и боялась Соколовского, так и поступила бы. Позволила Глебу увести её на последнюю парту и сделал бы то, что он говорит.

Но не я. То время прошло. Я теперь другая.

Уверенная в собственном успехе, возвращаюсь к пустующим первым партам и сажусь на ближайшую. И как раз вовремя — в аудитории появляется сам профессор. С присущей ему суровостью и вечной складкой между бровей, он здоровается со студентами. Тишину мгновенно ловят все. Мы поднимаемся с мест, приветствуя Разумова, и только по его команде садимся обратно.

— Даю вам пять минут на повторение и начинаем отработку. — Не отрываясь от раскладывания каких-то листов на своём рабочем столе, говорит Виктор Сергеевич.

Студенты, и я в том числе, принимаются усердно повторять материал. Пять минут проходят быстро. Но мне и не нужно много времени, я не пинала баклуши всю неделю, а готовилась. Как и положено студентке, претендующей на стипендию в следующем семестре.

Поэтому, когда профессор поднимает взгляд и ищет глазами свою первую жертву в толпе, я бесстрашно поднимаю руку. Несмотря на то, что у меня все внутренности завязались в узел от страха, а конечности онемели. Оказывается, это не так уж и просто, как казалось.

— Да, Скворцова, желаете первой сдать отработку? — Басит преподаватель и ищет глазами ещё кого-то.

Я киваю. И с ужасом понимаю, что Разумов не только запомнил мою фамилию из тысячи других студентов, но и, похоже, помнит про то, что я должна была рассказывать доклад не одна.

Это плохо... Это о-очень плохо.

Горло сдавливают спазм, а сердце колотится так, что мне кажется, я в обморок упаду от нехватки воздуха. Руки сотрясает мелкая дрожь.

Мне не хочется затягивать с этой досадной оплошностью. Это вообще произошло не по моей вине! Мне очень нужна стипендия. Я с самого начала планировала быть тише воды, ниже травы. Планировала учиться, как и положено будущим стипендиатам — на отлично.

Но из-за Соколовского, который постоянно портит мне не только все планы, но и жизнь, всё пошло псу под хвост!

— А где ваш, — Разумов делает небольшую паузу, подбирая верное определение роли Соколовского в нашем вынужденном тандеме, — напарник?

— Я здесь. — Подаёт голос виновник торжества и поднимается с места.

— Почему сидите порознь? — Задаёт резонный вопрос профессор. — Вы же мне вместе должны были отработку сдавать. Один доклад на двоих. — Спокойно басит мужчина.

После его слов я окончательно леденею.

Всё пропало. Это конец.

— Всё так, Виктор Сергеевич. — Рапортует Глеб, словно он в армии, а не в университете.

— Тогда пересядьте поближе к своей напарнице, молодой человек. — Преподаватель смотрит на нас двоих смеющимся взглядом. И у меня появляется небольшая надежда на то, что мой план выгорит.

Если он не настолько суров, как кажется, то всё пройдёт пучком. Мы объясним ему, что не смогли сработаться вместе и попросим рассказать доклады самостоятельно. Каждый свой.

Соколовский садится рядом со мной. Складывает перед собой руки в замок. И чего-то ждёт. Его губы подрагивают так, будто он едва сдерживает улыбку.

И чего смешного, не понимаю?!

У меня чуть ли пар из ушей не валит от беспечности мажора, что сидит рядом.

— Скворцова, ваш доклад, — просит Разумов, протягивая руку.

Я отдаю профессору свою работу. Тот быстро пробегает по нему глазами и одобрительно кивает в конце.

— Неплохо. Хорошая работа. Теперь презентуйте.

Виктор Сергеевич расслабленно откидывается в кресле, поворачивается корпусом к доске и ждёт, пока мы с Соколовским встанем и начнём доклад.

Я мнусь. Глеб иронично косится на меня, ничего не предпринимая. Разумов ждёт. Другие отработчики — тоже.

— Мы готовили разные доклады, Виктор Сергеевич. — Решаюсь я. Внутри всё замирает в ожидании ответа.

— Вот как? — Вскидывает брови профессор. — Почему? — Интересуется всё в той же невозмутимой манере.

— Мы не сошлись во мнениях. — Разводит руками брюнет, всё же решая поучаствовать в беседе.

— То, что вы не сошлись во мнениях, мне было понятно ещё на лекции. Я просил вас подготовить общий, — он делает акцент на последнем слове, подтверждая то, что Глеб был прав, — доклад. Тем самым я был бы уверен, что вы сработаетесь со Скворцовой, и больше не будете отвлекать от лекции ни меня, ни себя, ни других.

Я удивленно таращусь на Разумова круглыми, как блюдца, глазами. И, кажется, что Соколовский, не меньше меня удивлён ответом преподавателя.

Возникает небольшая пауза. Кивая самому себе, словно и без того всё ясно, Виктор Сергеевич вздыхает и выносит нам приговор:

— Что ж, всё с вами ясно, молодые люди. На сегодня вы свободны. Жду вас через неделю с общим докладом. — И поправляет сам себя, выставив вверх указательный палец. — Пardon. С двумя общими докладами. Чтобы уж наверняка сработались.

— Это всё из-за тебя!

Я вылетаю из дверей альма-матер и всплёскиваю руками вверх. Мне всё равно, кто меня услышит в наступающих сумерках. Белка или сокурсник — всё одно. Злость, обида и досада бурлят в крови обжигающей смесью. И мне нужно выплеснуть их наружу. Больше не могу держать в себе.

— Ну да, конечно, из-за меня, — на удивление спокойным, но ироничным тоном отвечает Соколовский, неспешно плетущийся следом за мной. — Это же не я тебя предупреждал, что надо вместе рассказывать. Не я за тобой неделю бегал, чтобы доклад вместе составить.

Я оборачиваю и лицезрею, как мажор закатывает глаза. Он останавливается посреди дворика, скрещивает руки на груди и выжидающе смотрит на меня.

— Что?! — Выплёвываю я и тоже останавливаюсь.

Мне нужно на ком-то сорвать злость и Глеб подходящая цель. Если бы не он, всего бы этого не было. Я бы спокойно училась, завела бы дружбу с Красновым. Возможно, даже встречаться с ним начала. И стипендия бы у меня была к следующему семестру.

Всё бы было нормально! Даже отлично!

Но, видимо, в параллельной Вселенной.

— Пораскинь мозгами, блондиночка, — недовольно цокает брюнет. — Вдумайся в то, что я тебе только что сказал. И признай, что не права. — Произносит так, будто разжёвывает несмышленому ребёнку.

— Да ты... — Я аж задыхаюсь от возмущения. Из глаз грозятся посыпаться искры.

Прикрываю глаза. Сжимаю и разжимаю ладони, пытаюсь успокоиться. Остыть. Но получается плохо. Перед глазами красная пелена, а в крови — жажда убивать.

— Продолжай. — Янтарные глаза парня опасно сверкают в сгущающихся сумерках. Он опускает руки, после чего засовывает их в карманы широких штанов цвета хаки.

— Ты... — Произношу я, но в голове внезапно становится пусто. А на смену злости приходит жалость.

Мне становится так жалко саму себя, что я не могу сдержать поток слёз, и они тихим градом катятся по щекам. Я зло смаргиваю их, утираю тыльной стороной руки. И стараюсь не смотреть на Глеба.

Пошёл он!

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и быстрым шагом направляюсь в сторону автобусной остановки. Слёзы застилают глаза, но единственное, о чём я сейчас думаю — о том, что душу готова продать, лишь бы Соколовский не видел, как я плачу. Это моё самое твёрдое табу из имеющихся. Сколько бы Глеб ни издевался, сколько бы ни насмеялся, я ни разу не плакала при нём. И не собираюсь.

Точнее, не собиралась. Поэтому убежала на голых инстинктах.

Брюнет быстро нагоняет меня. Я едва успеваю миновать сто метров от кованой ограды университета, как мне на плечо ложится огромная лапища и разворачивает меня к парню лицом.

Я всё ещё продолжаю тихо плакать, поэтому не смотрю на Соколовского. Будто, если я на него не смотрю, то и он меня не увидит. Не увидит моих слёз.

— Арина, — очень тихо и хрипло произносит Глеб.

Это настолько неожиданно, что я поднимаю взгляд. Смотрю прямо в янтарные глаза своего преследователя. Своего худшего кошмара. Но вижу в них лишь раскаяние. И растерянность.

Это настолько дико и неправильно, что я злюсь на парня ещё больше. Стучу его кулачками по груди, вскрикивая:

— Да чего ты пристал ко мне? Сколько можно портить мне жизнь? Сколько, Глеб? — Всхлипываю я. — Если бы ты не отвлекал меня от лекции Разумова, меня бы тут вообще не было! Всё из-за тебя! Всё всегда из-за тебя!

Я продолжаю бить парня по каменной груди, но силы постепенно кончаются. Редкие прохожие обходят нас стороной, но я не замечаю их. Я вижу только его — своего палача. Он испортил мне всю жизнь. И продолжает её портить по сей день. В эту самую минуту. В эту секунду. И я не могу от него никуда деться. Не могу скрыться. Он не даёт мне и глотка свободы, не оставляет в покое.

— Ты можешь... просто... оставить меня в покое?! — Делаю судорожный вдох между всхлипами. — Пожалуйста! Пожалуйста... — Я поднимаю на него заплаканный, умоляющий взгляд. Смотрю снизу вверх.

Не знаю, чего я жду от Глеба, но чего-то жду. Замираю в ожидании.

Что-то мелькает в глазах Соколовского. Что-то, что я не в силах разобрать. Его лицо кривится в болезненной гримасе, словно ему тяжело видеть мои слёзы. Но это бред. А затем в одну секунду это выражение исчезает с его лица, будто его никогда и не существовало. Будто мне привиделось.

— Нет, — отвечает он твёрдо. Даже зло.

И хватает меня за плечи. Припечатывает к своей груди так сильно, что у меня весь воздух вышибает из лёгких. Сжимает в объятиях. Но опомнившись, всё же ослабляет немного хватку, и я делаю такой желанный вздох. И раздражаюсь новой порцией слёз.

Стою в его объятиях и даже не пытаюсь вырваться. Сил моих больше нет.

— Дурочка, — неожиданно хрипит брUNET. Его ручища ложится мне на макушку и начинает осторожно гладить по волосам. — Прекрати реветь. Весь макияж вон поплыл. Прохожих распугала.

Он говорит всё в той же своей идиотской манере, но его слова не звучат злобно или с примесью ненависти или раздражения, как это обычно бывает. Скорее, утешающе. Но, должно быть, я сошла с ума. Или он сошёл с ума. Одно из двух. Потому что так не бывает.

Глеб Соколовский, которого я знаю, никогда бы так не поступил. Он бы продолжал глумиться. Добил бы. Но никак не стоял бы со мной посреди тротуара, обнимая и поглаживая по голове, чтобы утешить.

Истерика потихоньку сходит на нет. Слёзы кончаются. Тепло парня и его запах действуют на меня до странного успокаивающе. И я ловлю себя на том, что уже сама прижимаюсь к мажору, в поисках большей ласки и утешения.

Осознание этого обухом ударяет по голове.

Что с нами происходит?

Глеб что-то улавливает в моём взгляде. Первым понимает. И не даёт мне додумать мысль, оформить её в нечто целостное, произнося:

— Пошли, до дома довезу. А то, смотрю, у тебя память, как у рыбки — три секунды. Уже забыла, что вчера произошло...

И, не давая мне вставить и слова, берёт за руку и тянет за собой в сторону университетской парковки, пользуясь моей растерянностью. Весь путь у нас занимает около двух минут. Мы идём вдоль полупустой в это время стоянки до тех пор, пока не останавливаемся у машины, название которой знаю даже я, хотя вообще в них не разбираюсь.

— У тебя есть машина? — Только и могу выдавить из себя, поражённо глядя на серебристый Порше.

В старшей школе у него не было машины по понятным причинам — возраст. Теперь же он студент первого курса. Летом Глебу исполнилось восемнадцать. И у него есть права, судя по всему.

Права и дорогущая машина.

Даже для Соколовского это слишком круто. Не успел выпуститься из школы и на тебе, сынок, автомобиль, на которую одна запчасть стоит, как полквартиры в средней черте города.

— Подарок отца на выпускной, — подтверждает мои мысли брюнет. Выпускает мою руку из своего захвата, затем достаёт из кармана ключи и нажимает на кнопку брелка, открывая машину. Обходит её и распахивает дверь с пассажирской стороны. — Прощу. — Кивает мне приглашающим жестом. — Только не привыкай.

Я неловко мнусь на месте, сомневаясь, стоит ли садиться в машину к своему злейшему врагу. Но перед глазами проносится картина, где этот «злейший враг» спасает меня от дворовой шпаны. Чаша весов перевешивает в пользу брюнета. Я решительно шагаю вперёд, и осторожно усаживаюсь внутрь Порше, стараясь ничего не задеть и не поцарапать.

Глеб, замечая это, давится смешком, но ничего не говорит. Обходит машину и садится на водительское место. В то время как я прижимаю сумку к груди в защитном жесте и прячу нос в вороте джинсовки.

Последнее, что мне сейчас хочется — общаться с Соколовским. Особенно после того, что произошло возле университета. Особенно ощущая, как после слёз моё лицо горит и, вероятно, некрасиво распухает, отекая. Особенно, чувствуя на себе его тяжёлый взгляд.

Порше мягко урчит, заводясь. Глеб трогается с места и на удивление профессионально выкруливает с парковки на проезжую часть. Пока наблюдаю за проезжающими машинами через лобовое стекло, успеваю удивиться тому, насколько аккуратно водит Соколовский. Мне почему-то казалось, что он будет гонять, как долбаный шумахер.

— Долго будешь прятаться? — Подначивает парень, и тянется, включая магнитола. По салону разливается тихая, ненавязчивая музыка в стиле «wave».

На улице окончательно вечерет. Вдоль трассы загораются огни, освещая нам путь. Мне не хочется отвечать, поэтому я делаю вид, что уснула. А сама, прячась за волосами, украдкой наблюдаю за мелькающими мимо неоновыми вывесками и огнями ночного города.

Глебу нельзя отвлекаться от дороги, потому что вечером очень оживлённое движение, как оказалось, поэтому он лишь шумно вдыхает и выдыхает, так и не дождавшись ответа.

Едем мы, по моим ощущениям, долго. Всё из-за пробки на съезде с главной трассы. В ней мы простояли, минимум, полчаса. За которые я и вправду успела задремать. Прошлой ночью плохо спалось из-за всего того, что случилось, и поэтому усталость внесла свои коррективы в моё состояние.

— Приехали, — басит парень.

Голос вырывает из дрёмы. Я пугаюсь и роняю сумку, не сразу понимая, где и с кем

нахожусь. Проснувшийся мозг быстро подкидывает мне картинки-воспоминания, которые восстанавливают события.

— Уже?

Оглядываюсь. Глеб каким-то чудом умудрился заехать прямо во двор. К самому подъезду.

— Не «уже», — кривится мажор, — а только! Ну, и пробки были на пути в ваше захолустье. Да я на бензин потратил больше, чем если бы дал тебе денег на такси.

— Так дал бы на такси, я не просила везти меня, — огрызаюсь я и сильно сжимаю веки. Они болят после слёз, да и лицо горит. Надо умыться холодной водой.

Я смотрю на парня. Его желваки играют, губы сжаты в тонкую линию. Руки с силой впиваются в руль. Так, что видна каждая костяшка, несмотря на то, что в салоне света недостаточно.

— Не за что, — выплёвывает брюнет.

А затем нагибается в мою сторону, поднимает упавшую на пол сумку и ставит мне её колени. Я в последний момент успеваю вжаться в кресло, чтобы он не коснулся меня. Но мажор не спешит отстраняться. Вместо этого он яростно обхватывает пальцами мой подбородок и заставляет посмотреть на него.

— Так сложно сказать спасибо?

Я смотрю в его злые глаза, и мне становится страшно. Хоть его пальцы не причиняют боли, но они жгут в том месте, где касаются кожи.

— Ты первый начал, — зачем-то оправдываюсь я, пытаюсь отстраниться. Но Соколовский не даёт мне этого сделать.

— Почему ты такая... — С запалом начинает он, и запинаясь на долю секунды, подбирая подходящее слово.

— Какая?

— Такая! — Словно не найдя подходящего эпитета, Глеб вкладывает все эмоции, бурлящие внутри него, в ответ.

— Какая?! — Требовательно переспрашиваю я, забывая про страх перед ним.

Золотистый взгляд мечется по моему лицу в поисках ответа, пока не застывает на губах. Он буквально прилипает к ним, не имея возможности отлипнуть. Брюнет прожигает глазами дыру в области моих губ. И их действительно начинает покалывать.

— Глеб? — Хмурюсь, вовсе теряя нить нашего спора. Суть претензий.

— М? — Заторможено переспрашивает мажор. И медленно начинает склоняться к моему лицу.

— Глеб! — Испуганно пишу я, впиваясь пальцами в мощное запястье парня. Пытаюсь оттолкнуть его, но у меня ничего не выходит. — Глеб! — Отчаянно повторяю я, когда между нашими губами остаются несколько жалких сантиметров.

Запах Соколовского окутывает меня. Проникает в нос, а затем и в лёгкие. Древесные нотки вперемешку с цитрусовыми затмевают запах, стоящий в салоне. Так приятно и маняще, что у меня возникает чуждое желание нюхать и нюхать этот запах. Склониться навстречу брюнету, уткнуться в его шею и вдохнуть неповторимый аромат ещё раз.

Мне хочется поддаться. Перестать сопротивляться.

— Арина, — тихо, словно гипнотизёр, шепчет моё имя Глеб. Чем усугубляет мои попытки прийти в себя.

Но отчаяние, единственно верным маяком, не даёт мне провалиться в омут янтарных

глаз с головой. Не даёт манящему запаху одурманить меня. Поэтому я, собрав все силы в кулак, всё же вырываюсь из хватки парня. С большим трудом, но отвоёвываю свободу.

И, не давая времени на раздумья ни себе, ни мажору, выскакиваю наружу в холодный сентябрьский вечер. Уличная прохлада выветривает из головы ненужные мысли. А из груди — чувства.

Я не оборачиваюсь, сбегая от Соколовского. Поэтому не могу видеть взгляд, которым он провожает меня. Но я ощущаю его до тех самых пор, пока за мной не закрывается дверь подъезда.

Долгожданные выходные не приносят радости. А начинается всё с того, что в субботу с самого утра трезвонит телефон. И, к сожалению, это не будильник, который я забыла отключить, а мама...

— Да? — Сонно хриплю я и прочищаю горло.

Глаза болят после вчерашних слёз. Разлепить их трудно. А солнечный свет, слепящий сквозь наспех задёрнутые вчера портьеры, лишь усугубляет мои и без того провальные попытки.

— Арина! — Без приветствий и предисловий начинает родительница. И по её тону можно сказать, что разговор, как и обычно, будет неприятным. — Ты что себе позволяешь?! — Громко возмущается в трубку мама.

Отношения с родителями у меня давно натянутые. Папа умер, когда мне было лет пять. С тех пор в нашем доме живёт отчим. И, хотя он и относился ко мне неплохо первое время, всё стало хуже после рождения общего ребёнка. После этого мама будто совсем забыла о моём существовании, полностью посвящая себя младшему брату. А обо мне она вспоминает только в такие вот моменты, если я что-то натворю.

Но ведь я ничего не натворила! Да и об отработке у Разумова она не могла узнать.

— Мам, я только глаза открыла, сомневаюсь, что я успела себе что-то позволить, — пытаюсь отшутиться и не лезть на рожон, хотя очень хочется.

— Нет, она мне ещё и дерзит! Забыла, кто тебя кормит, поит, одевает и обувает? Соблюдай субординацию!

Я устало вздыхаю. Какая-то полоса невезения последнюю неделю творится.

— И что я успела такого натворить? — Поджимаю губы и сажусь на кровать, скрестив ноги по-турецки. Мой тон становится показательно нейтральным и равнодушным, хотя на душе скребут кошки.

— Звонила Афанасия Никифоровна. Не зря мы с Олегом попросили её за тобой приглядывать!

А-а-а, так вот откуда ноги растут... Теперь всё ясно. Сейчас будет лекция на тему...

Интересно, если бы она узнала, что меня чуть не изнасиловали, а Глеб меня спас, изменилось ли её отношение ко мне? Или она бы сказала, что я сама виновата?

— Мам, Афанасия Никифоровна старенькая, мало ли что ей могло показаться. — Стараюсь, чтобы мой тон звучал, как можно спокойнее и безразличнее. Возможно, я ещё не до конца проснулась, потому что привычных мне волнения и тревоги во время разговора с родительницей не ощущаю.

— Не наговаривай на уважаемую женщину! И не переводи тему! Кого ты там к себе уже водишь посреди ночи?

— Никого. Один раз вернулась поздно, потому что готовилась, — чуть не оговариваюсь, но вовремя прикусываю язык и исправляюсь, — к домашнему заданию. Нужно было доклад подготовить.

И ведь почти не вру.

— Арина. — Требовательно понижает голос мама. — Если я узнаю, что ты уже во всю шляешься по мужикам, быстро вернёшься домой под наш с Олегом контроль. Наверное, зря мы так рано позволили тебе жить одной. — Она цокает языком в динамик. Слышится тихий

неразборчивый голос отчима. Не удивлена, наверное, он её и надоумил. — В общем, так, дорогая. Если будет ещё хоть одна жалоба, придет тётя Надя и будет жить с тобой вместе. Ты всё поняла?

Я аж задыхаюсь от возмущения и недоверия мамы. Надя — её сестра. Моя родная тётя. Но там такая тётя, что врагу не пожелаешь... Если она будет жить со мной, это будет нечто вроде надзора Сталина. Если не похуже. Шаг влево, шаг вправо — расстрел.

Оскорблённая и униженная, понуро шепчу:

— Да.

— Не слышу, Арина.

— Да! — Добавляю громче, но не так, чтобы она нашла ещё к чему придраться.

— И следи за успеваемостью. Этот семестр мы оплатим, а следующий только половину. Так что без стипендии можешь не рассчитывать на дальнейшую учёбу. Да и присматривай подработку. Никитке на следующий год нужно будет оплачивать кружки, он очень просился на футбол. Да и канцелярия подорожала...

Я понимаю намёк. Но сказать мне нечего. Мама ещё что-то продолжает говорить. Я её не слушаю, бездумно глядя в окно, за которым ярко светит солнце. Затем она переходит на разговор о том, как им замечательно живётся втроём с отчимом и Никитой, и я прощаюсь с ней под предлогом, что много домашнего задания нужно подготовить к понедельнику.

Ещё около часа я просто валяюсь в кровати, мучимая жалостью к себе. Но не плачу. И без того вчера наревелась.

Родители... Глеб... У них всё прекрасно в жизни, но почему-то им нравится портить мою жизнь...

Сворачиваюсь в клубок и прикрываю уставшие веки. Шумно сглатываю слёзы, комком подступившие к горлу.

Не хочу! Не буду плакать! Я со всем справлюсь, всё выдержу!

Найду подработку, в конце концов, а там что-нибудь придумаю. Возможно, со временем даже перееду в другую квартиру, чтобы отчим не кичился постоянно тем, что нашёл мне эту по дешёвке и что это его заслуга, и только благодаря ему я могу учиться в университете.

Сон к тому времени улетучивается. Разбитая, будто по мне танк проехался, плетусь на свою маленькую совдеповскую кухоньку. Ставлю чайник. Делаю пару бутербродов из того, что нашла в холодильнике. Не густо, но позавтракать сойдёт. Пока чайник кипит, заканчиваю утренние процедуры. Привожу себя в порядок.

Лениво жую завтрак, листая ленту в социальной сети. В рекомендациях, как обычно вылезает брюнетистая улыбающаяся рожа уже всем известного мажора. Думать о нём совсем не хочется, но Вселенная, словно издевается. Мол, куча общих друзей — не просто так. Возможно, вы знакомы!

К чёрту такие знакомства! Век бы не знала.

Не желая сидеть в четырёх стенах и предаваться унынию, решаю прогуляться до ближайшего торгового центра. Поднять себе настроение хотя бы тем, что погляжу одним глазком на красивые шмотки, да посмотрю, что сейчас в кинотеатре показывают. Там же перекушу чем-нибудь в фудкорте на последнем этаже.

С этими мыслями иду к себе в комнату. Надеваю короткий белый топ до талии, широкие джинсы с высокой посадкой, накидываю сверху кожаную куртку, и собираю волосы в хвост. Уже обуваясь, смотрю в зеркало, висящее в коридоре. Корчу недовольную гримасу от вида опухших глаз и решаю нанести макияж, чтобы скрыть покраснения.

Сентябрь радуется тёплой погодой. На улице тепло. Даже немного жарковато, особенно когда идёшь под прямыми лучами солнца. Оно, будто предчувствуя, что скоро во главе встанут плотные серые тучи, светит, как в последний раз.

Я щурюсь, радуясь теплу. Неспешно прогуливаюсь через парк, срезая путь до ТЦ. Вокруг шумно. Много людей выгуливают собак. Кто-то гуляет семьями. На детских площадках особенно оживлённо — детские крики слышны на большом расстоянии. Я смотрю на них и невольно завидую. Родители с их маленькими детьми кажутся такими счастливыми...

А я уже и не помню, когда в последний раз видела на мамином лице такую же тёплую улыбку в свою сторону.

Отмахнувшись от грустных мыслей, не желающих меня покидать, не замечаю, как добираюсь до пятиэтажного здания. И, стоит мне зайти внутрь, как я жалею о своём решении. Людей так много, что становится душно буквально за какие-то мгновения.

Я совсем забыла, что сегодня выходной.

Помявшись у входа, всё-таки решаю остаться. Я планировала в субботу полениться и отдохнуть. Посвятить день себе. Отвлечься. Иначе можно сойти с ума. Но утренний звонок внёс свои коррективы, и захотелось сбежать из дома.

Поднимаюсь по эскалатору. Иду вдоль витрин, рассматривая особо интересные фасоны на манекенах. В ноябре будет вечеринка в честь дня студента. А для первокурсников — посвящение. Университет проводит официальную часть днём, а вечером все соберутся на тусовку.

Я бы тоже хотела туда попасть. Но, к сожалению, более-менее приличное платье стоит несколько тысяч рублей. И мне ни за что не скопить такие деньги в течение месяца. Как бы сильно я не экономила и не откладывала. Родители присылают денег впритык. Мне итак едва хватает на то, чтобы до конца месяца нормально питаться.

За своими мыслями не сразу замечаю, что уже несколько минут стою возле витрины с красивым голубым платьем в пол и пристально рассматриваю его. Уже более осознанно окидываю платье придирчивым взглядом, но придаться не к чему. Оно идеально. И, как специально, моё отражение точь-в-точь ложится на отражение платья в стекле бутика.

— Присматриваешь платье к посвящению? — Раздаётся низкий бас за моей спиной.

К своей чести, я лишь на несколько мгновений задерживаю дыхание от лёгкого испуга. В остальном, остаюсь стоять так, будто меня не напугало появление Краснова.

— Кто ж так подкрадывается к людям, Стас?! — Разворачиваюсь и шутливо стучу его по плечу кулачком, резко выдыхая, чтобы снять напряжение в теле.

Стас, будучи верным самому себе, одет неброско. Простые тёмные джинсы и светлый пуловер, который обтягивает мускулистую фигуру парня, не оставляя места воображению. Я поспешно отвожу взгляд, считая, что разглядывать парня пристальнее неприлично.

Хотя, признаться, в глубине души очень хочется.

— Я не крался. Уже около пяти минут смотрю, как ты прожигаешь дыру в этом платье и ничего вокруг не замечаешь, — кивает подбородком на совершенство небесного цвета и выразительно на меня смотрит.

Я надуваю губы и обиженно гляжу на парня снизу вверх. В синих глазах пляшут смешинки, когда он отвечает.

— Ладно-ладно, прости, — примирительно поднимает руки вверх. — В следующий раз буду метров за пятьдесят выкрикивать твоё имя.

— О, боже, не нужно так утруждаться! — Округляю глаза в притворном ужасе.

Мы оба смеёмся и отходим в сторону к прозрачным перегородкам. Я облокачиваюсь на перекладину и смотрю вниз на фонтан в центре здания. Красно встаёт рядом, повторяя мою позу.

— Удивительно, насколько этот город тесный. Не ожидал тебя тут встретить, — поясняет он в ответ на мой вопросительный взгляд.

— Я не верю в совпадения. Ты либо следил за мной, либо сама судьба привела тебя на второй этаж к модным бутикам.

Парень неловко чешет затылок. На его лице появляется робкая улыбка, словно он немного стесняется.

— Да ладно? Следил?! — Переспрашиваю неверяще.

Но не успеваю я подумать, что Краснов — ещё один сталкер, подобный Соколовскому, как Стас оправдывается:

— Плохого же ты обо мне мнения, Арина. Я пришёл сюда с сестрой. Она тоже выбирает платье на посвящение. — Цокает языком парень. Слегка отклоняется от перегородки и смотрит на один из дорогих бутиков на этаже. — Она там, уже полчаса сидит в примерочной. Я вышел проветриться, ибо в глазах рябит уже. — Жалуется он, корча при этом забавную гримасу.

Я хихикаю, пряча смешок в кулак.

— Вы близнецы? — Озаряет догадка.

Мне интересно. Стас — мой сокурсник. А если его сестра выбирает платье на посвящение, то и она первокурсница.

— Не совсем, — на его симпатичном лице появляется тёплая улыбка. — Мы разнойцевые.

— Это как?

Я, конечно, мельком когда-то слышала данный термин, но не разбираюсь в этом.

— Мы не точная копия друг друга. Просто брат и сестра, родившиеся почти в одно время. — Поясняет Краснов.

Я собираюсь выдать нечто вроде «а-а-а», но тут из того самого бутика, на который Стас периодически поглядывает, высовывается тёмная макушка. На лице девушки недовольное выражение. В руках она держит стопку платьев и, судя по всему, собирается выдать гневную тираду, но брат её опережает.

— Сейчас вернусь, Поль. — Парень скалится во все тридцать два, демонстрируя ровный ряд белоснежных зубов. — Покажешь, что выбрала.

Сестра Краснова закатывает глаза, но заходит внутрь бутика, даже не замечая, что продавщицы напряжённо следят за каждым её движением, боясь, что она утащит все платья. Со стороны смотрится комично, но понять сотрудниц можно, люди разные бывают.

— Что ж, рада была увидеться, иди, тебя ждут. — Освобождаю Стаса от необходимости извиняться за то, что он должен уйти, оставив меня.

— Слушай, пошли с нами. — Внезапно предлагает он. Его синие глаза загораются воодушевлением. — Ты же тоже платье выбираешь.

Я кошусь на известный брендовый бутик, испытывая смешанные чувства. Вряд ли Стас хотел меня обидеть, но на душе становится неприятно.

— Боюсь, те платья мне не по карману.

Как и самое дешёвое приличное платье.

Я смущаюсь от неловкости ситуации. Уши пылают. Краснов, глядя на меня, открывает

рот, чтобы что-то сказать, но быстро его закрывает. Парню тоже становится неловко за то, что он выпалил не подумав.

— Всё в порядке, — натянуто улыбаюсь я. — Иди, увидимся в универе. — Машу ему рукой.

— Может, подождешь нас? Познакомлю тебя с Полиной. Вместе перекусим наверху? — Решает загладить собственную оплошность.

Мне становится приятно, поэтому я соглашаюсь.

— Хорошо, буду ждать вас там. Пока выпью кофе, а то плохо спалось ночью. — И для убедительности не сдерживаю подступающий зевок, прикрывая рот ладошкой.

— Тогда увидимся, Арина.

Синие глаза парня в последний раз проходятся по мне извиняющимся взглядом. Я киваю и смотрю вслед Стасу, когда тот быстрым шагом идёт к бутику, а затем скрывается в нём.

Про кофе я не врала, чтобы спровадить парня. Поэтому уже через несколько минут оказываюсь на последнем этаже торгового центра. Решаю шикануть, заказываю себе лавандовый раф. И уже спустя всего пять минут ожидания, сажусь за столик с невероятно пахнущим кофе.

Потягивая раф через трубочку, скрашиваю время ожидания Красновых тем, что читаю любовный роман. Поэтому не замечаю, как пролетает время. Равно как и появление самих брата и сестры.

— Привет, я — Полина, — сходу протягивает мне руку девушка, не дожидаясь, пока Краснов её представит. — Стас мне о тебе рассказывал. — Плюхается на стул рядом со мной.

Полина Краснова оказывается миловидной девушкой. Густая копна каштановых волос, синие глаза, как у брата, аккуратный курносый носик и пухлые губы. Одета по последнему писку моды — в белую блузку и кожаную юбку чуть выше колен. На плечи наброшена курточка оверсайз из тёмной джинсовой ткани. Шею обхватывает бархатный чёрный чокер с блестящим камнем по центру.

— Арина, — сбита с толку её напором, представляюсь в ответ и пожимаю хрупкую на вид ладошку.

— Рада знакомству! — Искренне улыбается Полина.

— Не обращай внимания, она всегда такая. — Машет рукой Стас, садясь напротив меня.

— Всегда такая классная? — Выгибает бровь шатенка, окидывая брата недовольным взглядом.

— Конечно, — отвечает Краснов, но в его голосе проскальзывают ироничные нотки.

— Выбрали платье? — Перевожу тему, чтобы эти двое не поругались ненароком.

— С горем пополам, — тихо подмечает парень, на что Полина шикает и тянется ко мне.

— Вот, смотри, правда круто смотрится?

Открытая галерея смартфона демонстрирует мне Краснову, облачённую в бордовое платье. Бархатная ткань струится вдоль тела девушки, выгодно подчёркивая её формы. Дорого-богато, как говорится. Оно очень идёт шатенке, и я делаю ей искренний комплимент.

— Невероятно красивое.

— Ты тоже платье выбирала? — Невозмутимо интересуется Полина, листая галерею и рассматривая свои фотографии в других платьях, будто ещё пока сомневается в выборе.

— Полина, — строго прерывает её Стас. — Не надоедай. Дай Арине время привыкнуть к тебе и твоей болтливости. Давайте лучше перекусим.

Девушка пожимает плечами, мол, что такого я сказала, но кивает.

— Что будешь? — Шатенка берёт в руки меню, лежащее на столе, и придирчиво рассматривает его, выбирая блюдо.

— Грибной крем-суп. — Без раздумий отвечаю я, зная меню этого заведения.

Стас и Полина ещё какое-то время выбирают блюда, а затем парень идёт к небольшому островку фудкорта и делает заказ.

Спустя пятнадцать минут мы кушаем заказанную еду и весело проводим время. Болтаем о том, кто как устроился в нашей альма-матер. Кто на какую специальность хочет отучить. И я окончательно расслабляюсь в их компании. Красновы оказываются приятными собеседниками, и я ловлю себя на мысли, что мне не хочется уходить, когда время неумолимо склоняется к вечеру.

Но повторять ошибки прошлого не хочется. Как и навязываться Красновым.

— Ребят, была рада провести с вами время, но мне пора. До дома топать около получаса. — Говорю я и поднимаюсь из-за стола.

— Мы тебя отвезём, не торопись, — дёргает меня за край кожанки Полина, усаживая обратно.

Я ещё пару раз пытаюсь возразить, но брат и сестра непреклонны.

В итоге, после длительных споров, мы идём на сеанс популярного фильма, который на сегодняшний день в прокате. Это оказывается романтическая комедия. И если мы с Полиной хохочем и наслаждаемся фильмом, то Стас весь сеанс угрюмо пялится в большой экран и периодически вздыхает.

Потом мы гуляем по ночному городу, едим мороженое и делимся забавными историями из детства. Конечно, у Красновых таких моментов оказывается больше, но я с радостью и теплом на сердце слушаю их.

А когда мы все ближе к полуночи устаём, брат и сестра, как и обещали, отвозят меня до дома. Мы обмениваемся номерами и прощаемся, договариваясь обязательно встретиться в понедельник после пар.

Мне тепло и радостно на душе. Паршивое утро быстро забывается. Поэтому я засыпаю, стоит голове коснуться подушки. И сны мне снятся яркие, красочные и добрые.

Глава 10

На следующее утро воскресенья я просыпаюсь сама, ближе к обеду. Но не успеваю даже почистить зубы, как слышу, что кто-то звонит в дверь. Подхожу к ней, предварительно смотрю в глазок, и вижу там парня из службы доставки, который наверняка ошибся адресом.

Открываю дверь, говорю, что ничего не заказывала, но парень всё равно уточняет:

— Вы же Арина Леонидовна Скворцова? Семьдесят седьмая квартира?

Я киваю. Парень показывает мне наклейку указательным пальцем. И каково же моё удивление, когда на белоснежной коробке, обтянутой голубой лентой, действительно оказывается мой адрес. На ней даже имя получателя указано: Арина Скворцова.

Я ошарашено принимаю коробку из рук доставщика.

— Спасибо, — благодарю парня.

В полном недоумении расписываюсь в документе о приёме, закрываю за собой дверь на замок и заморожено следую в свою комнату. А когда развязываю красивый бант и открываю крышку коробки, поражённо ахаю.

В белом картонном квадрате, блестящее покрытие которого переливается в свете солнечных лучей, лежит платье. То самое платье небесного цвета, которое я так пристально рассматривала в торговом центре вчера.

— Не может быть... — Шепчу вслух. И потрясённо провожу кончиками пальцев по дорожке атласной ткани.

Неужели Стас ещё вчера решил подарить мне это платье? Но оно же такое дорогое! Я буду век с ним расплачиваться!

Аккуратно вытаскиваю платье из коробки и кладу рядом на кровать. Ищу записку. Хоть какую-нибудь подсказку, кто отправитель, чтобы убедиться в своей, казалось бы, очевидной догадке. Но, кроме самого подарка и подкладки на дне, не нахожу ничего. Ни внутри, ни снаружи.

Стараясь не оставить ни одной зацепки, осторожно складываю платье обратно в коробку. И, от греха подальше, закрываю крышку. С силой зажмуриваюсь и около минуты борюсь с собой.

Нет, я не могу принять такой дорогой подарок. Нужно вернуть его Краснову. Мне очень хочется оставить платье, но я не хочу быть обязанной Стасу. Кто знает, чем потом придётся расплачиваться...

Я не хочу думать о плохом, но мысли о бескорыстности в двадцать первом веке, кажутся мне нереальными. Лучше перестраховаться.

И, так как я не знаю, где живут Красновы, решаю позвонить Стасу после обеда и попросить его встретиться где-нибудь на нейтральной территории. А то, боюсь, если я заявлюсь к Красновым домой, они обязательно пригласят в гости. Не хочу лишний раз ставить Стаса и Полину в неудобное положение. Они итак вчера весь вечер гуляли со мной, да ещё и до дома довели.

Закончив с утренними процедурами, рыскаю в холодильнике, но таммышь повесилась. При более тщательной проверке нахожу последнюю парочку яиц и немного молока. Для омлета вполне хватает, поэтому тут же приступаю к готовке.

Нужно будет ещё сбежать в продуктовый до встречи с Стасом.

С этими мыслями, я не спеша улетаю свой поздний завтрак. От скуки достаю телефон

и захожу в социальную сеть. Листаю ленту, смотрю забавные видео с котиками и мониторирую новостные посты. Не сразу замечаю, что значок сообщений показывает одно непрочитанное.

С интересом захожу в диалоги. И чуть ли не давлюсь омлетом, когда вижу знакомую аватарку улыбающегося мажора.

Этому что от меня надо?

Закатываю глаза к потолку и нехотя открываю чат.

«Привет, Кикимора белобрысая, не думай, что твой прошлый побег увенчался успехом, и ты от меня отделалась. Если тебе плевать на Разумова, то мне — нет. Я не хочу торчать в должниках у него до конца семестра. Так что выбирай, либо мы работаем сообща и на добровольной основе, либо я превращаю твою жизнь в ад.»

Я печально хмыкаю.

Можно подумать, до этого моя жизнь была сладкой, как мёд...

Поначалу решаю игнорировать Соколовского, но перечитав его сообщение раз десять, понимаю, что он прав. Пусть Глеб пишет в своей манере, угрожая, но на самом деле наши цели сходятся. Я тоже не горю желанием затягивать с отработкой у Разумова. Мне нужна стипендия. И, к сожалению, теперь успех её получения напрямую зависит от того, сработаемся мы с Соколовским или нет.

Поэтому мне жизненно необходимо научиться терпимости в его присутствии. Меня должна заботить лишь моя цель и ничего больше. Пусть делает и говорит, что хочет. Я даже не стану больше спорить, пусть готовит доклад так, как ему нравится. Главное — сдать Виктору Сергеевичу отработку.

И больше никогда. Ни под каким предлогом. Не связываться с Глебом.

Прежде чем ответить занозе в моей пятой точке, громко вдыхаю и выдыхаю.

Никаких эмоций, Арина. Только по факту!

«Хорошо. Начнём с понедельника. Встретимся в библиотеке после пар.»

Я уже собираюсь закрыть чат и выйти из соцсети, чтобы позвонить Краснову, но моё смс прочитывают чуть ли не мгновенно. Не проходит и минуты, как Глеб «печатает...».

«Не катит, детка. Каждая минута на счету. У нас с тобой проблемы с взаимопониманием, если ты не заметила.»

Далее Соколовский ради прикола присылает китайские символы.

Я невольно хихикаю над шуткой, но отвечаю холодное:

«Баянище. Прикол старый. Прямо, как ты.»

Отправляю. И тут же стону в голос.

— Бли-ин! Я же не должна реагировать и вовлекаться эмоционально! — Стучу себя по лбу. — Дура! Дура! Дура!

«Уж лучше быть старым и мудрым, нежели белобрысым и недалёким, как некоторые личности...»

От вспышки злости переворачиваю смартфон экраном вниз. И блокирую до кучи.

Пусть идёт лесом. Не буду отвечать!

Но пока я собираюсь в магазин за продуктами, телефон пиликает новыми уведомлениями раз десять. Поначалу я не реагирую, но когда второй раз чуть не выкальваю себе глаз тушью, решаю открыть чат и посмотреть, что его глебскому высочеству за вожжа под хвост попала.

«Что, уделал?»

«Не знаешь, что ответить? Ну, да, куда тебе там...»

«Ладно, проехали. Что ты там решила?»

«Скворцова?! Ответь!»

«Считаю до пяти...»

«И начинаю превращать твою жизнь в ад...»

«Вот уже начинаю считать!»

«Раз...»

«Два...»

«Три...»

«Ты что там вообще офигела?! Эликсир бессмертия откопала и выдула?»

Вопреки всему заливаюсь хохотом. Почему-то угрозы Соколовского в чате не выглядят такими же угрожающими, как в жизни. Скорее, забавными. И смешными.

Трясу головой, чтобы выкинуть дурные мысли. Что-то последнее время они слишком часто меня посещают.

«Что я должна была решить?»

«Я уже решил за тебя. Раньше надо было думать своей белобрысой головой!»

Прилетает ответ и собеседник выходит из чата. Его иконка становится оффлайн. Я смотрю на экран смартфона около минуты. Пытаюсь понять, что должна была решить, но потом просто пожимаю плечами, убираю телефон в карман и продолжаю краситься.

Сначала магазин и Стас, а потом всё остальное. Глеб потерпит до вечера. Перебесится и, наверняка, снова начнёт заваливать чат своими сообщениями.

Через десять минут выхожу из квартиры с небольшим рюкзаком, чтобы в него сложить продукты, и спускаюсь по лестнице, потому что лифты и я несовместимы. У меня есть небольшой внутренний страх застрять в нём, поэтому я предпочитаю лишний раз пробежаться по ступенькам, чем ехать в железной коробке.

Кто знает, сколько лет этой многоэтажке? А самое главное — технике.

На улице светит солнышко. Погода замечательная. Осень продолжает радовать теплом. Но листья на деревьях уже стремительно желтеют и начинают потихоньку опадать. Ветер безжалостно срывает новую порцию листочков и несёт их под ноги, усыпая аллеи жёлто-зелёным покровом.

Проголочным шагом топаю в ближайший супермаркет. А по дороге решаю позвонить Краснову.

Стас отвечает на звонок быстро, не проходит и трёх гудков:

— Привет!

— Привет, — начинаю и запинаясь, не зная, как правильно продолжить. Являясь истинным интровертом, я редко общаюсь с собеседником посредством звонков, отдавая предпочтение смскам. — Как дела?

Шаблонные вопросы всегда спасают!

— Отлично, — бодрым голосом заявляет Краснов. Но на фоне слышится шум голосов, будто он не дома. — Сама как?

— Тоже хорошо, — кусаю губу. И решаю перейти к главному без предисловий, потому что, чем быстрее начнёшь, тем быстрее закончишь. И вся эта неловкая ситуация останется позади. — Стас, слушай... Я очень благодарна тебе за подарок, правда, но это слишком. Я не могу его принять. Не мог бы ты сказать, где тебе будет удобно встретиться сегодня, я подъеду и верну тебе коробку?

Я тараторю быстро, не давая парню и шанса вставить хоть слово. И, как только

заканчиваю, резко втягиваю носом воздух, потому что потратила весь кислород на то, чтобы успеть выпалить все свои мысли до того, как Стас решит меня перебить.

Но ответ Краснова удивляет не меньше, чем платье, всё ещё лежащее дома на кровати.

— О чём ты, Арина? Какая коробка? Какой подарок? — Он издаёт нервный смешок. — Давай с самого начала и по порядку.

— Хочешь сказать, что не ты прислал мне вчерашнее голубое платье курьером? — С сомнением тяну я и хмурюсь.

В динамике повисает небольшая неловкая пауза.

— Нет. — Доносится чёткий ответ. — Ты смотрела отправителя?

Быть того не может! Он специально так говорит, чтобы я оставила подарок у себя. В тот момент кроме Стаса, никого не было рядом.

— Издеваешься? — Шутливо бросаю я и останавливаюсь посреди аллеи. — Ты же вчера сам поймал меня на разглядывании платья на витрине.

— Я помню, о каком платье ты говоришь, но я не покупал его. — Тон Стаса действительно источает замешательство, и я краснею. Мне становится неловко от того, что, возможно, Краснов не присылал мне платье, а я так настойчиво пытаюсь его в этом убедить.

— Ты уверен? — Предпринимаю последнюю попытку.

— Уверен, Арина. Я не покупал то платье. Да и при всём желании встретиться с тобой не смогу сегодня, потому что мы с семьёй отдыхаем за городом. — Извиняется парень. — Если хочешь, мы выясним, кто...

Я не успеваю дослушать, потому что внезапно кто-то выхватывает телефон из моей руки. Резко оборачиваюсь. Внутри меня всё привычно обмирает, когда я вижу Соколовского, который демонстративно завершает вызов и блокирует телефон.

— Аппарат абонента временно недоступен. Просьба не беспокоить его никогда! — Пародируя тонкий женский голосок, кривляется брюнет. Смотрит на меня пристально, но не с улыбкой, а раздражённо. Словно его что-то очень злит.

— Это уже переходит все границы! — Раздражённо отрезаю я и требовательно протягиваю руку, чтобы мажор вернул мне телефон. — Отдай!

Глеб вытягивает длинную лапищу с зажатым в ней телефоном вверх. Дразнится. Но я скрещиваю руки на груди и одариваю его выразительным взглядом.

— Ни. За. Что. Твой личный ад начинается прямо здесь и сейчас, Скворцова. Я предупреждал. Соколовский слов на ветер не бросает. — Цокает он и снова дёргает смартфоном, будто я котёнок, который должен среагировать на любимую игрушку.

— Что за детский сад, Глеб? — Уже спокойнее спрашиваю я и тру переносицу большим и указательным пальцами. — Я думала, что ты вырос из этих игр.

— Нужен обратно? — Стреляет глазами в мой телефон. — Забери. Борись за свои вещички, детка.

— Ни. За. Что. — Копирую его недавнюю фразу и тон. Но смартфон, покоясь в руке мажора, вдруг загорается. На экране высвечивается номер Стаса. Я подхожу ближе и настойчиво требую. — Отдай! Сейчас же.

Янтарные глаза парня искрятся злостью, когда и он замечает, что мне звонит Краснов. По его лицу словно судорога проходит.

— Видимо, кое-кто по-хорошему не понимает... — Угрожающе тянет Соколовский и проводит по экрану, принимая вызов.

Я испуганно округляю глаза. Меня переполняет шок от наглости брюнета. А ещё ловлю себя на мысли, что мне жутко не хочется, чтобы Стас подумал, будто я провожу свой выходной в компании Соколовского. Он ведь тогда точно решит, что между нами что-то есть.

— Верни сейчас же! — Рычу я и, за неимением иного выбора, начинаю прыгать, пытаюсь выхватить свой смартфон из лапы мажора.

Все попытки проваливаются на корню — парень ловко уворачивается от моих рук. Да ещё и каким-то невероятным образом успеваешь приложить смартфон к уху и пробасить:

— Я, кажется, предельно чётко изъяснился в тот раз. Если у тебя проблемы с пониманием, то я не гордый, повторю ещё раз. Правда, в ином формате. Тебе не понравится, — корчит снисходительную гримасу Глеб, как будто Краснов может его видеть.

— Мне кажется, это у тебя проблемы с пониманием. Ни с кем не можешь общий язык найти. — Пыхчу от усердия, продолжая пытаться отобрать свой старенький телефон.

Он точно не выдержит такого обращения! А новый мне не светит.

— Когда кажется, креститься надо, — беззлобно бросает мне мажор, после чего самым оборзевшим образом косится в вырез моего декольте. — К тому же, я легко могу найти общий язык с тобой, — плотоядно облизывается, вынуждая меня замереть от неожиданности.

И понимания.

Выражение лица парня меняется в мгновение ока — оно становится похабным. Янтарь глаз наполняется удовлетворением, что в купе с кривой ухмылочкой делает его похожим на кота, добравшегося до заветной рыбки.

А до меня лишь теперь доходит, почему он так на меня уставился... Вот для чего он хотел, чтобы я прыгала, отбирая смартфон!

Краска в секунду покрывает лицо. Оно пылает так, что меня всю обдаёт жаром. Волна, которая проходится по телу сверху вниз, сбивает дыхание. Воздуха не хватает, и я начинаю дышать чаще.

Мы вгрызаемся друг в друга взглядами, пока Стас продолжает что-то говорить по ту сторону динамика. Я, естественно, не могу ничего разобрать. Злюсь от бессилия, и делаю то, что могу — прячу вырез за скрещенными на груди руками. И отступаю на шаг назад.

Понимаю, что не в силах сделать хоть что-то, пока брюнет сам не захочет отдать мне телефон. А до тех пор, больше я не собираюсь идти у него на поводу.

— Ты закончил? — Скучающим тоном спрашивает Глеб у собеседника. Кивает, слушая новую тираду от Краснова. — Ну, так вот, парниша, я тебя предупредил. Больше такого снисхождения не жди. Хоть намёк на твоё участие в жизни Скворцовой и друзьями тебе будут только вороны на надгробии. И то не факт.

Не собираясь слушать, что Стас ответит ему, вновь бесцеремонно жмёт «отбой».

И возвращает телефон.

Я от неожиданности даже не сразу соображаю, что нужно протянуть руку в ответ. Запоздало спохватившись, вырываю свою электронику из лапы мажора и прячу в задний карман джинс. От наглых шаловливых ручонок подальше.

— Откуда у него твой номер? — Хмуро вопрошает брюнет, возвышаясь надо мной.

— Не твоего ума дело, — пытаюсь обойти парня, но он преграждает мне дорогу.

— Моего. Ещё как моего, Скворцова!

— С чего это вдруг? — Упираю кулаки в бока и смотрю на Глеба с вызовом в глазах.

— С того, что ты принадлежишь мне! — Шипит Соколовский, подходя ближе и склоняясь надо мной. Так, что наши лица практически соприкасаются носами.

— Не помню, чтобы записывалась к тебе в рабство! — Также яростно шиплю в ответ, тыча указательным пальцем в грудь брюнета.

— Сейчас вспомнишь, — бросает он.

А потом земля уходит из-под моих ног и уже в следующую секунду я, словно мешок картошки, повисаю на плече Глеба.

— Ты что вытворяешь? Отпусти! — Молочу кулаками по стальным мышцам спины, но сверху ногами делать это весьма проблематично. Да и, кажется, что брюнет даже не замечает, что я пытаюсь оказывать сопротивление.

Мельком отмечаю, как косятся на нас прохожие, и что заветный продуктовый становится всё дальше и дальше.

— Не дёргайся, а то ненароком ушибёшься ещё, припадочная, — хмыкает в ответ, и кладёт руку мне на попу, поглаживая. — Тоже зачёт, детка, — мурлычет вердикт голосом знатока.

Я, забывая обо всех прохожих вокруг, визжу, как поросёнок, которого тащат на заклятие.

— Я убью тебя, Глеб! Убью!

— Да-да-да, обязательно. Сразу после того, как я докажу, что ты принадлежишь мне. — Снисходительно произносит Соколовский и сворачивает куда-то.

А уже через минуту он сваливает меня внутрь своей машины на заднее сиденье.

— Глеб!

Я хочу выскочить наружу, но он шустро захлопывает дверь и нажимает на брелок, блокируя двери. Я дёргаю ручку, но дверь остаётся глуха к моим попыткам. Ищу пипку, которой могу открыть замок изнутри, но её нигде нет.

В отчаянии молочу по пластику, угрожая:

— Мне плевать, Соколовский, я разгрохаю стекло, если понадобится выйти! — Рычу, глядя на парня сквозь тонированные задние стёкла.

И вижу только ехидную, приторно сладкую ухмылочку на лице мажора. Он спокойно открывает водительскую дверь, быстро усаживается на сиденье и ещё раз нажимает на брелок, закрывая центральный замок.

— Попробуй. — Пожимает плечами и заводит машину. — Они бронированные.

***

— Куда ты меня везёшь?

Вот уже полчаса я мечусь на заднем сидении. И только сейчас Соколовский соизволил сделать музыку тише, и ответить мне.

— Домой.

— Мой дом в другой стороне, идиотина! — Шиплю, готовая вцепиться в лицо охамевшему мажору ногтями, если потребуется. Единственное, что меня останавливает — тогда мы оба улетим в кювет. А жизнь мне дорога.

— Мы едем ко мне домой, недалёкая, — в тон отвечает брюнет. И на мгновение кидает на меня взгляд через зеркало заднего вида. Солнечный свет отражается в его радужке, делая

её почти нереальной — золотистой, как у кота.

— К тебе? — Переспрашиваю заторможено. А затем обессилено заваливаюсь назад, в секунду теряя весь запал.

До мозга не сразу доходит весь смысл сказанного. Он будто не хочет принимать реальность.

Я у Соколовского дома? Я и Глеб в замкнутом пространстве? Одни? Снова?

Надеюсь, я ещё сплю сладким сном у себя в квартире, и первая половина воскресенья мне снится прямо сейчас. Иначе, это полный кошмар!

— Скворцова, я вот всё время теряюсь в догадках, умная ты или тупая... — Тон брюнета сочтётся иронией, но, заметив, что я странно притихла, он обрывает фразу на середине. — Эй, ты чего? Плохо, что ли? — Сначала мне кажется, что на его лице мелькает беспокойство за меня, но потом всё встаёт на свои места. — Химчистка дорогушая, не заблуй мне там всё. — Быстро добавляет он с уже неприкрытым беспокойством за свои мажорские чехлы. — Если нужно, я остановлюсь.

Мозг приходит в себя и цепляется за идею сбежать от Соколовского, как за единственную спасительную соломинку. Поэтому я начинаю старательно изображать человека, которого укачало.

Самое главное — выйти из машины, а дальше что-нибудь придумаю! Вокруг много людей, можно броситься к ним, попросить о помощи, сказать, что меня похитили против воли. Или пригрозить позвонить в полицию.

Точно! Можно же позвонить...

Я тянусь к заднему карману джинсов и с удивлением обнаруживаю, что там пусто. Неверяще хлопаю ресницами, стараясь скрыть изумление, меня ведь якобы укачало, и незаметно ещё несколько раз тщательно шарю по обоим карманам.

Во-от карманник недоделанный! Он даже успел стянуть мой телефон! Козёл! Гад! Скотина!

Костеря мажора про себя на чём свет стоит, старательно имитирую тошноту и зелёный фэйс. Парень всё чаще косится на меня в зеркало заднего вида, и, в конце концов, сдаётся. Сворачивает на обочину. Машина постепенно замедляется и тормозит.

И тут я понимаю, что план мой — полнейшая фигня. Потому что телефона нет, да и вокруг какой-то пустырь. Момент, когда мы успели съехать с главной трассы, я благополучно упустила, будучи занята совсем другим занятием — обещанием кары небесной на голову Соколовского.

Спешно выходя из машины, брюнет открывает дверцу и кивает мне наружу:

— Давай, на выход. Подыши свежим воздухом. Вон кусты, если что, — указывает на растительность неподалёку и корчит гримасу. — Не знал, что до кучи ты ещё и размазня. Тоже мне, барышня кисейная нашлась, — ворчит он пока я, с видом человека потерявшего всякую надежду, выбираюсь из Порше.

Его дедовское ворчание такое привычное, что мне даже огрызаться уже лень. Вместо этого я обречённо смотрю вокруг и вздыхаю: убеждаюсь, что бежать некуда, а звонить не с чего. Даже кричать бесполезно.

— И чего мы застыли? — Парень скрещивает мощные лапы на своей каменной груди. И смотрит так выразительно. С подозрением.

— Мне внезапно стало лучше. — Беззастенчиво вру. Но судя по подозрительному прищурю глаз, Соколовский изначально обо всём догадывался, вот и остановился именно в

таком месте.

— А меня терзают смутные сомнения, что тебя вообще не тошнило. Сбежать хотела? —
Попадает в точку. Я морщусь нос, но не отпираюсь.

— Зачем тогда пошёл у меня на поводу и остановился, если догадывался? — Парирую.

— На всякий случай, — бросает он и опирается бедром о машину. — Вдруг ты так мастерски скрываешь тошноту. Но теперь я понимаю, что актриса из тебя так себе.

Я пропускаю его очередной укол мимо ушей и шуюсь от ослепительного солнечного света, который светит прямо в глаза, отражаясь бликами на корпусе серебристого Порше.

— И что дальше? — Развожу руками и ещё раз окидываю взглядом пустынный пейзаж вокруг себя. — Что это всё значит?

— Что именно? — Непонимающе хмурится парень.

— Ты меня похитил. Везёшь непонятно куда. Телефон выкрал...

— Везу к себе домой. Телефон не крал, а предусмотрительно забрал, чтобы глупостей не натворила. — Отвечает одновременно со мной. Быстро. Чётко. Как заученную мантру.

Трасса практически пустая, если не брать в расчёт редкие авто, что проезжают мимо. В отличие от шумного и суетливого города, здесь довольно-таки тихо, словно за городом. Это заставляет остановить бесконечный поток мыслей на мгновение, и обдумать всё, никуда не торопясь.

Соколовский не мешает мне. Молчит, глядя на горизонт. Ждёт, пока я «надышусь свежим воздухом». Но меня давно мучает одна мысль, и я решаю озвучить её вслух:

— Почему ты не оставишь меня в покое, Глеб? — Мой тон вразрез нервному состоянию звучит весьма спокойно.

Парень ещё полминуты молчит. Но на его выразительной челюсти играют желваки, а янтарная радужка темнеет. Прежде чем ответить, он набирает полную грудь воздуха, будто ему неприятен весь этот разговор.

— Я уже сказал. Ты. Принадлежишь. Мне. Моя личная игрушка.

Несмотря на то, что его слова меня задевают, я давлю в себе всяческие эмоции, стараясь понять, что движет Глебом и зачем ему это всё.

— А если серьёзно? Ты больше не подросток, чтобы играть в эти игры. Может, пора прекратить доставать меня, словно тебе вечно пятнадцать?

— Арина... — Предупреждающе рычит Соколовский. Взгляд у него дикий, как у разъярённого хищника.

Это пугает до дрожи, но меня не остановить. Я намерена, во что бы то ни стало, получить ответ на свой вопрос. Есть же причина, почему он не оставляет меня в покое. Почему продолжает преследовать и издеваться.

Да даже сейчас он продолжает издеваться, говоря, что я, как вещь, могу кому-то принадлежать.

— Почему ты не можешь просто ответить? Это так тяжело? — Сощуриваюсь и копирую его позу, скрещивая руки на груди. — Или ты просто сталкер по жизни, а я просто первой подвернулась под руку, и ты заиклился на мне?

Мои волосы вдруг развеивает порыв ветра, и они на пару секунд закрывают обзор, поэтому я упускаю момент, когда Глеб оказывается близко. На расстоянии полуметра от меня.

— О, поверь, я пытался это всё прекратить. И не раз, — Отвечает он. А его голос звучит низко. Вибрирующе. Зло. Будто натянутая струна, что вот-вот порвётся. — И по сей день

пытаюсь, но это выше моих сил.

Глеб замолкает. Опускает взгляд куда-то в область моей ключицы и тянет ко мне руку. Пальцы Соколовского касаются прохладного камня, покоящегося в ложбинке, и начинают задумчиво его тереть.

Меня обдаёт жаром от такого простого касания брюнета к моей обнаженной коже. Я хочу отпрянуть. Вырвать украшение из его рук. Но могу только заморожено следить за тем, как меняется выражение лица Соколовского, словно жемчуг на моей шее обладает успокоительным эффектом.

— Почему ты его носишь? — Задаёт неожиданный вопрос. Его голос звучит вкрадчиво и впервые не давит.

И, если бы я не знала Глеба так хорошо, то сказала бы, что он произнёс фразу мягко, даже нежно.

— Потому что он мне дорог! — Не раздумываю над ответом ни секунды. Заявляю это с некой воинственностью, готовая бороться за дорогую мне вещь до конца.

Мажор отчего-то теряется и у меня получается выхватить кулон из его рук. Отойдя на пару шагов назад, кошусь на Соколовского волком. Но он не предпринимает попыток вновь вторгнуться в моё личное пространство, чем-то сбитый с толку. А затем Глеб вскидывается, его глаза округляются, брови взлетают вверх.

Похоже, он не ожидал услышать нечто подобное от меня.

— Почему?! — Его вопрос звучит требовательно. Глухо.

— Не твоё...

— Почему?! — Рычит Глеб и хватает меня за предплечья двумя руками. Встряхивает. — Ответь!

— Да что с тобой не так?! — Отчаянно выпаливаю, растерянно глядя на него. Молочу его руками, чтобы он отпустил меня, но парень выглядит, как наркоман со стажем, которому срочно нужна доза.

И тут меня озаряет просто невероятная догадка.

— Глеб, ты что, влюбился в меня?

Глава 12

Глеб Соколовский

Несколько часов назад...

Уже утро, а я до сих пор не могу глаз сомкнуть. Часы на стене заунывно тикают, показывая одиннадцать утра. Одиннадцать долбанных утра! Какого, мать его, вообще со мной творится?! Всю ночь не спал. Меня трясло, как грёбанного наркомана, которому нужна доза.

Доза в виде простого сообщения с текстом: «Спасибо, Глеб».

Вот только уже прошло чуть больше половины суток, а эта зараза неблагодарная, так мне ничего и не написала. Даже не прочитала моё сообщение!

Ей настолько весело было с четой Красновых? Или может, она до сих пор с ними?

Со Стасом?

Сучка...

Верчу яблочный смартфон в руках на манер спиннера, привалившись к спинке кровати. Меня лихорадит. Потряхивает от нетерпения. Из последних сил сдерживаюсь, чтобы не позвонить Арине. Не лишиться остатков гордости. Потому что последнее время со мной итак творится какой-то треш.

Треш, который я вообще не понимаю. Я уже сам себя не понимаю!

Всё началось с того, что вчера вечером я какого-то хрена решил купить Скворцовой платье, которое она пожирала взглядом в торговом центре. Что мной двигало — не знаю. Жалость это или ещё что... Но факт остаётся фактом. Я купил долбаное платье!

Я знаю, почему Арина не может себе позволить подобные покупки. Эта великая «бедность» и в школе-то ходила, словно серая мышь. Её родители, наверное, до сих пор перебиваются от зарплате к зарплате. Белобрысая даже дополнительный обед на переменах не покупала.

Зато строила из себя...

Помощь не принимала, и всегда вела себя так, будто имеет две виллы и яхту в придачу. Чем и бесила неимоверно.

И бесит до сих пор! Платье давным-давно должны были доставить! Неужели не открыла курьеру? Или отказалась и отправила подарок обратно?

От этой непредсказуемой можно ожидать чего угодно.

Жесть, время полдвенадцатого, а она со вчерашнего дня до сих пор ни разу не была онлайн! Чем, чёрт возьми, она там занимается? Или эта белобрысая ведьма вообще телефоном не пользуется?

Чтобы хоть как-то отвлечься, поднимаюсь с кровати и запрыгиваю на домашний тренажёр, креплённый к стене, и начинаю подтягиваться. Надеюсь, что физическая активность выветрит всю дурь из головы, а усталость сделает своё дело и я посплю.

Но час силовых занятий спортом и полчаса под горячим душем так и не помогают. Моё странное состояние напоминает зверя, мечущегося в клетке. Хотя, что мне мешает просто взять и приехать к Скворцовой домой? Я ведь знаю её адрес... с недавнего времени. И эта мысль никак не хочет выходить из головы.

Трясу головой, пытаюсь выбросить весь этот бред из головы. Но мозг, наверняка, издеваясь, подбрасывает картины недавнего прошлого.

Вчера произошёл ещё один казус. Казус, пошатнувший моё эго и о котором я бы очень хотел забыть. Стереть из памяти...

Я видел, что с Ариной опять тусовался этот рыцарь-недомерок. Но не мог остаться, потому что отец требовал меня срочно к себе. А послушаться его — чревато. Ещё тачки лишит, а я без неё, как без ног.

Да и на трению надо было. Тренер терпеть не может, когда его занятия пропускают или опаздывают. Потом подбирает такого противника, что после спарринга ещё час в себя приходишь в душе. Но в этот раз даже поймал себя на мысли, что чуть специально не опоздал, чтобы нарваться.

Благо, вовремя опомнился.

И вот он, гвоздь вчерашней программы!

Ночь обещала быть приятной. Я притащил домой сочную девицу, уже был готов отыметь её во всех позах, но когда вышел из душа и увидел эту беловолосую курицу, развалившуюся на моей кровати, в меня будто бес вселился.

Она оказалась так сильно похожа на Арину, что я был готов придушить сам себя голыми руками, не говоря уже о том, чтобы заниматься чем-нибудь расслабляющим и доставляющим удовольствие.

В итоге, у меня на неё не встал, и я остался без секса. Пришлось выпирать эту Алёну или Олю. А потом ещё до кучи не спал всю ночь. Спрашивается, какого лешего? Можно, конечно, списать всё на недотрах, но единственное, что меня волновало в тот момент — где носит Скворцову. Не у Стасика ли в гостях?

Рычу от досады. Время перевалило полдень. Заказываю доставку. Швыряю телефон на кровать, не желая пялиться в экран, словно Хатико ожидая, пока кое-кто ответит. Но стоит мне взять джойстик от приставки, как слышу пиликание — пришло уведомление.

Бросаюсь к «яблоку», как ненормальный, хватаю его в руки. Разблокирую. И всё ради того, чтобы увидеть «Ваш заказ оформлен, ожидайте».

Закатываю глаза и кидаю смартфон обратно на кровать экраном вниз.

Пошло всё нахрен! И эта зараза тоже! Какого меня вообще волнует, ответит она мне или нет?!

Трачу полчаса на приставку. Бездумно рублюсь в «Мортл Комбат», но и тут, словно в насмешку искусственный интеллект даёт мне по щам, заканчивая очередной раунд очередным «фаталити».

— Ля-я-я! — Швыряю джойстик сторону и роняю голову в ладони. С силой тру лицо, запускаю пальцы в волосы.

Что со мной? Что за ломка? Неужели и, правда, из-за этой жопастой сучки так выворачивает?

От этих выводов становится тошно. Я на грани, поэтому почти поддаюсь желанию, ломающему волю.

Может, хрен с ним, поехать и подкараулить? На крайняк, подняться и позвонить в дверь попроситься в гости?

Кринж...

Доставщик появляется у моей двери вовремя. Накидываюсь на еду, едва успев зайти обратно в спальню. Но пицца не приносит нужного удовлетворения, что злит ещё больше. И, когда бешенство достигает пика, и я уже готов вот-вот всё бросить и сорваться с места, слышу особый звук уведомления.

Я и забыл, что поставил на Скворцову определённый мелодичный писк, чтобы отличать её от других сообщений, которыми девушки заваливают мою личку. Оправдывал это тем, что хрена с два отвечу ей, если она начнёт мне писать сама, когда вспомнит, что нам нужно готовиться к отработке у Разумова.

Хотел помучить. Поиздеваться. Хотел посмотреть, как она будет упрашивать. А в итоге, кто над кем поиздевался...

В этот раз, наученный прошлым опытом, беру телефон в руки лениво, безо всяких ожиданий открываю мессенджер. И вижу ответ от Скворцовой.

Ответила!

Не помню, когда в последний раз был так счастлив... Точнее, заряжен энтузиазмом!

Я, будто наивный юнец, перекидываюсь с ней кусачими смсками. Но девчонка отвечает мне холодно. И долго. Мне приходится ждать по несколько минут, пока эта фифа соизволит мне ответить.

А потом вообще пропадает минут на двадцать.

Вот тут меня и загорается причинное место! В который раз за последние сутки...

Строчу ей гневные письма:

«Ладно, проехали. Что ты там решила?»

«Скворцова?! Ответь!»

Угрожаю:

«Считаю до пяти...»

«И начинаю превращать твою жизнь в ад...»

«Вот уже начинаю считать!»

«Раз...»

«Два...»

«Три...»

Но той хоть бы хны.

«Ты что там вообще офигела?! Эликсир бессмертия откопала и выдула?»

И лишь по истечению этих самых двадцати минут она, наконец, заходит в чат, чтобы ответить.

«Что я должна была решить?» — гласит краткое.

Никогда бы не подумал, что обычная человеческая тупость или невнимательность может так выбесить.

«Я уже решил за тебя. Раньше надо было думать своей белобрысой головой!» — гневно печатаю в ответ.

Не говорить же ей, что я уже всё решил часов пять назад.

Решение приходит за секунду. Щёлк и всё, я уже в коридоре, одетый, обутый и готовый ехать на другой конец города, чтобы высказать этой зазнайке всё в лицо. Всё, что о ней думаю! Об этой мягкотелой, туповатой, мелкой занозе в моей заднице! Занозе, которая никак не хочет выкорчёвываться из мыслей...

До многоэтажки белобрысой ведьмы я буквально долетаю, выжимая из Порше максимум. И плевать на штрафы, отец всё равно никогда не был и не будет мной доволен. Подумаешь, одним упрёком больше, одним меньше.

Прячу машину в самый дальний конец двора, чтобы ненароком не запалиться. Накидываю на голову капюшон лёгкой безрукавки, сую руки в карманы рваных джинсов, и топаю к подъезду Скворцовой. На ходу проигрываю в голове оправдания, какого фига я тут

делаю, потому что не задавать подобные вопросы Арина не может.

Но, начнём с того, что я и сам не особо понимаю, нахрена сюда примчался...

Видимо, сегодня мой день, потому что девчонка именно в этот момент выходит из подъезда, отсвечивая своей белобрысой макушкой. Я резко прячусь в тени раскидистого дерева, что стоит возле подобию детской игровой площадки и смотрю, куда эта мадам намылилась. А затем, следую за ней, держась немного на расстоянии. Но Арина, словно ничего вокруг не замечает, кусая губы и пялясь в свой смартфон.

Значит, всё-таки сидит в телефоне, а мне целенаправленно не отвечает!

Придушил бы гадину...

Я похожу ближе, когда замечаю, что Скворцова набирает чей-то номер. Прислушиваюсь, и меня почему-то сильно уязвляет то, что с её губ срывается уже знакомое мне имя рыцаря на белом коне.

Она звонит этому ушлёпку, а мне даже ответить нормально не соизволила!

— Стас, слушай... Я очень благодарна тебе за подарок, правда, но это слишком. Я не могу его принять. Не мог бы ты сказать, где тебе будет удобно встретиться сегодня, я подъеду и верну тебе коробку?

Чего? ЧЕГО?! Стас?! Она решила, что платье ей подогнал Стасик?!

Грудь жжёт. Разрывает от ярости. По венам струится чистое бешенство, когда я в пару шагов преодолеваю разделяющее нас с Ариной расстояние и вырываю у неё телефон из рук. Перед глазами красная пелена. Из рта вырывается нетипично тонким голоском:

— Аппарат абонента временно недоступен. Просьба не беспокоить его никогда! — Кривляюсь. Но такое чувство, будто я вот-вот задохнусь. Воздуха вообще не хватает. Хочется сжать этот старенький смартфон в кулаке и прекратить его муки.

А заодно и уничтожить номер этого прилипалы, который, видать, по-хорошему не сечёт.

— Это уже переходит все границы! — Протягивает руку девчонка. — Отдай!

На её лице такое забавное выражение, слишком серьёзное для данной ситуации. И мне в голову приходит коварный план, как я могу отвлечься. Купировать приступ ярости, бушующий в моей крови. Она даже не поймёт. А если и поймёт, то не сразу.

Вытягиваю руку с зажатым в ней телефоном вверх. Дразняще кручу им.

Давай, детка. Попрыгай, чтобы твои манящие полушария третьего размера подвигались вместе с тобой. Успокой меня.

Но девчонка не ведётся. Упрямо скрещивает руки на груди, и смотрит своим ведьминским взглядом снизу вверх, заставляя сглотнуть слюну, скопившуюся от внезапного прилива вожделения.

— Ни. За. Что. — Цежу не своим голосом. — Твой личный ад начинается прямо здесь и сейчас, Скворцова. Я предупреждал. Соколовский слов на ветер не бросает. — Бездумно дёргаю смартфоном, предпринимая вторую попытку провокации.

— Что за детский сад, Глеб? — Трёт переносицу. И опять не реагирует! Когда у белобрысой появились мозги?! — Я думала, что ты вырос из этих игр.

— Нужен обратно? Забери. Борись за свои вещички, детка.

Посмотрим, кто из нас двоих упрямее всего.

— Ни. За. Что. — Скворцова не сдаётся. Стоит на своём. А потом выражение её светло-голубых глаз меняется. Становится испуганным. Она даже решается сделать шаг навстречу. Приблизиться. — Отдай! Сейчас же.

Меня обуревают ярость в квадрате, когда я смотрю на экран телефона и понимаю почему. Чувствую, как по лицу проходит судорога.

Этот бессмертный точно напросился. Я от него живого места не оставлю...

— Видимо, кое-кто по-хорошему не понимает... — Принимаю вызов. На несколько секунд по ту сторону динамика повисает удивлённая тишина.

— Соколовский? — Всё-таки интересуется Стасик.

— Верни сейчас же! — Пищит белобрысая зараза. Но тихо. Наверняка, чтобы рыцарь не услышал. И, так не вовремя, начинает прыгать.

Почему именно сейчас, когда я готов откусить голову этому недомерку?!

Глаза намертво приклеиваются к груди Скворцовой. Зрачки двигаются в такт каждому мимолётному движению. Каждой вибрации. В области ширилки становится тесно, а мозг машет ручкой на прощание. На чистых рефлексах успеваю уклоняться от загребущих рук

— Я, кажется, предельно чётко изъяснился в тот раз. — Собираю крохи, оставшиеся от мозга, чтобы выдать нечто членораздельное. Члено... Ля-я! Соберись, Глеб! — Если у тебя проблемы с пониманием, то я не гордый, повторю ещё раз. Правда, в ином формате. Тебе не понравится, — фраза звучит не так угрожающе, как мне бы хотелось.

И виной тому трясущиеся сиськи Скворцовой!

— Мне кажется, это у тебя проблемы с пониманием! — Шипит эта ведьма. — Ни с кем не можешь общий язык найти. — Но я не реагирую на иные раздражители. Всем моим внимание завладели прелести девчонки.

— Не похоже, что между вами отношения. — До меня не сразу доходит, что ответ прилетает из динамика смартфона.

Я уже и забыл, что помимо меня, Арины и «двойняшек» незримо присутствует третье лицо.

— Когда кажется, креститься надо, — отвечаю не то Стасику, не то девчонке. — К тому же, я легко могу найти общий язык с тобой, — зачем ляпнул последнюю фразу — хрен его знает. Точнее, именно он и знает.

Я — пас.

— Соколовский, с тобой всё окей? Какой общий язык? — Звучит голос Краснова на фоне, но я пропускаю его мимо ушей.

Мысли узурпировали картинку восемнадцать плюс. А я и не против.

Ухмыляюсь, видя, как лицо белобрысой становится пунцовым от понимания. Видимо, у меня на лице всё написано. Что, как и где я хочу с ней сделать. Но ведьма не облегчает мне задачу — перестав прыгать, она дышит, будто загнанная лань, отчего её внушительная грудь маняще двигается.

Так. Моя остановочка... Если я сейчас же не отвлекусь, то случится что-то непоправимое.

Стасик приходит на помощь.

— Если Арина подтвердит, что вы встречаетесь, не стану вам мешать. Но если ты её запугиваешь или преследуешь, то уже я воспользуюсь твоими методами решения проблем.

Вау. Угрозы. От самого Краснова. Сына известного дипломата. Вот это честь!

Мысли мыслями, а реале язык не шевелится. Мозг оплавился настолько, что тело отказывается слушаться. Будто что-то почуяв, девчонка приходит мне и атрофированному рассудку на помощь — скрещивает руки на груди и отступает на шаг назад.

— Ты закончил?

О, получилось! Язык снова мне подвластен!

— Ещё нет, но...

Перебиваю Стасика, меня мало волнует, что он думает по поводу происходящего:

— Ну, так вот, парниша, я тебя предупредил. Больше такого снисхождения не жди. Хоть намёк на твоё участие в жизни Скворцовой и друзьями тебе будут только вороны на надгробии. И то не факт.

Жму «отбой». Краснов меня утомил. Да и отсутствие секса даёт о себе знать, настырно возвращая всё внимание к девчонке передо мной.

Отдаю телефон, замечая, что Скворцова прячет его в задний карман джинс. Зачем-то запоминаю эту информацию.

— Откуда у него твой номер? — Настало время допроса. Мне жутко не нравится, что Стасик числится в списке контактов Арины, но спалиться, что я видел её и Красновых вчера в торговом центре, отчего-то не хочу.

Решаю утаить то, что это я подарил ей платье.

— Не твоего ума дело, — пытается обогнуть меня, но я шагаю в бок, мешая ей это сделать.

— Моего. Ещё как моего, Скворцова! — Рычу. Угасшая было ярость, вновь начинает набирать обороты. Мне не просто не нравится, что она сливается с темы о Стасике, это приводит меня в бешенство.

Знать бы ещё почему...

— С чего это вдруг? — Смотрит с вызовом в глазах.

И внезапно, посреди замутнённого разума, проясняется чёткая мысль. Осознание настолько явное и примитивное, что вырывается наружу:

— С того, что ты принадлежишь мне!

Подхожу ближе. Склоняюсь над девчонкой. Ещё сам не понимаю, какого чёрта, но происходящее кажется мне до безумия правильным.

Вот-вот до меня дойдёт нечто важное!

— Не помню, чтобы записывалась к тебе в рабство! — Копируя мой тон, Арина шипит в ответ и тычет указательным пальцем мне в грудь.

Это прикосновение посылает жаркий импульс по всему телу. Распространяется со скоростью звука. Срывает дыхание. Заставляет сердце глухо тарабанить о грудную клетку.

— Сейчас вспомнишь, — говорю ей и перекидываю белобрысую через плечо. Инстинкт требует утащить добычу к себе в берлогу, так зачем противиться?

— Ты что вытворяешь? Отпусти! — Молотит своими микроулачками по спине, что заставляет лишь лениво ухмыльнуться.

Думает этим мне навредить? Наивная. Я с шестнадцати лет непрерывно тренируюсь.

— Не дёргайся, а то ненароком ушибёшься ещё, припадочная, — хмыкаю и по-хозяйски накрываю ещё одно мягкое полушарие девчонки рукой. Изучающе оглаживаю и легонько сжимаю в предвкушении. — Тоже зачёт, детка, — выдыхаю, ощущая, как меня кроет всего от возбуждения.

Скворцова издаёт звук, похожий на поросычье визжание, отчего я морщусь, но не прекращаю движение в сторону своей машины.

— Я убью тебя, Глеб! Убью!

— Да-да-да, обязательно. Сразу после того, как я докажу, что ты принадлежишь мне. — Снисходительно похлопываю по попе Жемчужинки и незаметно вытаскиваю её телефон из

заднего кармана.

Мало ли, что ей в голову взбредёт, когда она узнает, что я везу её к себе домой. Под предлогом подготовки к отработке у Разумова, но...

Чую, что я не для этого везу её к себе домой...

Глеб Соколовский

"Глеб, ты что, влюбился в меня?"

Эти слова на повторе звучат в сознании. Кромсают его на мелкие кусочки, не оставляя ничего осознанного. Не отпускают. Мозг кипит, не в силах осознать такие простые слова ни вместе, ни по отдельности.

Я тупо пялюсь на Скворцову. Скольжу взглядом по белоснежным волосам, чётким бровям, длинным ресницам, аккуратному носику, пухлым губам и возвращаюсь к бездонно-голубым глазам. Тону в них.

А потом меня будто обухом по голове шарашит.

— Из ума выжила, больная?

Отшатываюсь от девчонки, словно от удара. Но, к моему стыду, понимаю, что убегаю. От неё или от себя — вопрос второстепенный. Меня страшит одна только мысль, что Арина может быть права.

Я не мог! Она мне не нравилась никогда!

Меня забавляла её реакция на мои запугивания и поддёвки. Забавляло то, что она меня никогда не страшилась, несмотря ни на что. Забавляло, что никто не смел к ней приближаться, потому что все знали, с кем потом будут иметь дело.

Забавляло! Она просто забавная! Моя игрушка. Моя...

Взгляд натывается на кулон, висящий на шее девчонки. Тот самый, который я хотел ей подарить в качестве «ошейника», поиздеваться. Но, когда до меня, на тот момент тупого школьника, допёрло, с какими мыслями я собирался вручить Арине подарок, то кринжанул с самого себя. Бросил коробку в её шкафчик и забил. И больше никогда не вспоминал об этом дне.

До тех самых пор, пока не увидел подарок на шее Скворцовой.

Мне хотелось сорвать его в первый же день, но это спалило бы меня. Сдало с потрохами. Опозорило на глазах у всей школы. Что бы обо мне подумали в этом случае?

Поэтому я молчал и молчу до сих пор.

Я не понимаю, почему она носит подарок, не пойми от кого, ведь девчонка, судя по всему, до сих пор даже не догадывается, кто подкинул ей коробочку в шкафчик. Да и меня всё ещё гложет причина такой реакции, что она готова в глотку мне вцепиться, опасаясь, что я отберу у неё кулон.

И ведь белобрыся так и не ответила, почему...

— Сам больной! Понял? — Оскорбившись, Скворцова скрещивает руки на груди и обиженно надувает губы. На её лице ни грамма смущения, словно то, что она ляпнула про мою влюблённость — пустяк, и она даже не придавала этому значения.

Зато меня всё ещё потряхивает.

От кринжа, естественно.

— Вот и не придумывай всякие небылицы, — незаметно выдохнув, говорю я. — Ересь какую-то несёшь. Самой не смешно?

А сам отчего-то сглатываю, когда вижу, как раскрываются губы блондинки, желая ответить мне что-то острое. Колкое. То, что заденет меня наверняка. Но так и не находят, поэтому Арина переводит тему.

— Отвези меня, домой, пожалуйста. — Устало проговаривает она. — У меня нет настроения играть в твои игры, Глеб.

— Ага, бегу и падаю. — Привычно ворчу. — Мы едем готовиться к докладу. Следующая неделя — край. Мы должны отвязаться от Разумова. Долги у препода, подобного ему, мне нахрен не упали. Ещё отчислит и всё. Здравствуй, армия.

Девчонка хитро прищуривается и коварно льбится.

— А-а-а. так вот в чём дело!

Осознав, что ляпнул лишнего, сжимаю зубы.

Идиотина! Кто меня за язык тянул?!

— Сути дела это не меняет. Не забывай, что меня отец отмазать может, а у тебя таких возможностей нет, и не предвидится. Хочешь получить стипендию — придётся потерпеть недельку в моём обществе.

Не говорить же ей, что отец отчитал меня вчера за успеваемость и пригрозил армией, если я облажаюсь в первом же семестре.

И снова привёл в пример прилежную ученицу — Скворцову. Ненавижу гадину за её идеальность!

— Откуда ты знаешь про стипендию? — Ошарашено выдаёт Арина. Не похоже, что она собиралась открывать передо мной все карты, но, видимо, язык её бежит впереди паровоза. И совсем не слушает хозяйку, потому что она тут же прикрывает рот ладонью, будто выдала государственную тайну, не меньше.

Фыркаю в ответ на её реакцию. Закатываю глаза.

— Мы столько лет знаем друг друга. Логично, что я в курсе твоего бедственного положения.

Скворцову уязвляют мои слова. Настолько, что она резко теряет весь свой пыл. Поникает. Даже плечи её понуро опускаются вниз. А мне внезапно становится стыдно. Но я давлю в себе этот приступ, который обычно мне не свойственен.

И откуда только совесть выползла, зараза?

— Так что хватит тянуть время. Залезай в машину, и поехали готовиться.

Бросив на меня обжигающий взгляд исподлобья, блондинка обходит Порше и нагло усаживается на переднее сиденье. Демонстративно пристёгивается, когда я тоже сажусь внутрь. И смотрит так, будто придушить хочет.

— Семью не выбирают, — зачем-то говорю я и выруливаю обратно на трассу, ведущую к загородному дому моей семьи.

Отца не будет до завтрашнего вечера, так что особняк в нашем полном распоряжении. В квартиру к себе не везу, боюсь, что туда может нагрянуть одна из особо приставучих девиц.

Истерики будет...

Ни одна из моих пассий не знает о существовании другой. Хочу, чтобы так и оставалось впредь.

Вот только... Ни об одной из них я так и не вспомнил с самого начала учебного семестра.

***

Особняк Соколовских представляет собой шикарное зрелище. Складывается впечатление, словно его построили ещё в прошлом веке, но реставрируют каждые пять лет, как минимум. Воистину — достойное зрелище, которое может встать в один ряд с царской архитектурой начала двадцатого века.

Я неловко мнусь на пороге, рассматривая это великолепие. Глеб, явно привыкший к старинной лепнине, которой отделан особняк, и необычному фасаду, даже не обращает внимания на окружающую его красоту.

Зато я глаз оторвать не могу. Словно в замок из мультфильма «Анастасия» попала.

— Проходи, — басит мажор, открывая передо мной широкую дверь.

Я захожу внутрь за неимением иного выбора. Бежать некуда. Мы точно километрах в пятидесяти от города. Да и телефон мне так никто и не вернул. Все мои требования наглым образом игнорировались.

Холл по истине огромен. Я даже слышу эхо шагов Соколовского, который скрывается в недрах особняка, оставляя меня топтаться у входа. Но ненадолго. Буквально через минуту парень возвращается с белыми тапочками и кидает их рядом со мной.

— Новые, не переживай. Гостевые. Чтобы ноги не мёрзли. — Кратко поясняет он. На мгновение меня посещает мысль, будто ему неловко, но я отмахиваюсь от неё, как от назойливой мухи.

— Спасибо, — благодарю его и надеваю предложенную обувь.

Свет заливает просторную комнату и, несмотря на минимум мебели, она кажется уютной.

— Что с тобой, Скворцова? — Интересуется Глеб, заметив, как я обхватываю себя руками в попытке хоть немного почувствовать себя в своей тарелке. — Неужели ты в кой-то веки притихла от страха?

— Нет, — выпаливаю смущённо. — Просто... Замёрзла. — Тихо бурчу в ответ. — И устала. Час почти ехали сюда. Зачем только — непонятно. Неужели нельзя было остаться в городе? Или ты каждый день в универ отсюда ездешь? — Округляю глаза.

Соколовский пощёривается воздухом. Прочищает горло и уж слишком грубо басит:

— Есть квартира рядом с универом, ещё бы я таскался каждый день в такую даль. — Морщит нос парень. — Тараканов травят сегодня, от соседей перекочевали. Вот и пришлось ехать за город.

Почему-то звучит неубедительно. Я подозрительно хмурюсь, но ничего не говорю. По сути, какая мне разница, где отбывать незаслуженное наказание? Личный мучитель всё равно никуда не денется.

Да и, возможно, Соколовский привёз меня сюда, чтобы лишний раз уязвить и напомнить, что моё место среди бедноты. Это в его стиле — делать больно не только на словах. Так что уже ничему не удивлюсь.

— И что дальше? — Развожу руками, не понимая, зачем я вообще тут нахожусь.

— Доклад пошли делать! Что дальше... — Говорит брюнет и кивает в сторону широкой лестницы, ведущей на второй этаж. — В моей комнате есть несколько книг по вышмату, там и будем готовиться.

Послушно следую за Глебом — в этом особняке немудрено и заблудиться. Внутри прохладно и я зябко ёжусь, обхватывая себя руками. На втором этаже становится немного теплее, потому что солнце пробивается сквозь широкие окна, но всё равно недостаточно. Дом впитал ночную прохладу, остывая после жаркого лета и готовясь к наступлению полноценной осени.

— Ты действительно настолько бесстрашная? — Внезапно глухо басит Соколовский, прожигая во мне дыры янтарным взглядом.

Он стоит возле одной из пяти комнат на втором этаже. Но внутрь заходить не спешит.

Ждёт, пока я отвечу.

— Чего я должна бояться? — Хмурюсь.

— Нет, ты точно тупая... — Рычит недовольно и дёргает дверную ручку, скрываясь в одной из комнат.

Я остаюсь стоять посреди коридора и непонимающе хлопаю ресницами. Ибо на ровном месте просто... Обозвал и даже не мучается угрызениями совести! Меня ведь это задевает, ещё и как!

— Чего застыла? Идём! — Из комнаты высовывается чёрная макушка и тут же снова скрывается в её недрах.

Комната Глеба (а это точно она!) удивляет. Оказывается совсем не такой, какой я себе её представляла. Я всегда думала, что комната мажора будет заставлена кучей разных вещей, буквально под завязку ими забита. Но на деле Соколовский оказался аскетом — минимум мебели и два высоких книжных шкафа вдоль северной стены. А из личных вещей только гитара, стоящая в углу рядом с единственным зелёным растением в горшке.

— Ты умеешь играть? — Не сдерживаю любопытство. Подхожу к музыкальному инструменту и провожу пальцами по струнам. Спальню оглашает расстроенное звучание, намекающее, что гитару давно не брали в руки.

— Увлекался когда-то. — Бросает сухое, копаясь на полках книжного шкафа. Он даже не отвлекается от своего занятия.

Разве Глеба не волнует то, что я трогаю его личные вещи?

— Почему забросил? — Не отстаю я.

— Надоело.

— Сам учился или музыкальную школу посещал?

— Сам.

— Можешь сыграть что-нибудь? — Беру в руки гитару и сажусь на кровать Соколовского, надеясь, что он не против. Потому что иной мебели, куда можно присесть, тут нет.

— Слушай, седовласая, если не помогаешь, то хотя бы не мешай, а?

Между бровями парня пролегает глубокая морщинка. Губы сжаты в суровую линию. У него подмышкой две книги, на обложках которых написано что-то связанное с нужными нам темами. Свободной рукой брюнет отбирает у меня инструмент, который я так и не успеваю пристроить у себя на ногах, и возвращает его на место.

— И вообще, прежде чем трогать что-то, нужно спросить, или вас, деревенских, совсем не воспитывают?

— Уж кто бы говорил о воспитании! — Выдыхаю я и возмущённо подсакиваю с кровати. — Сам притащил меня к себе, и что мне теперь по углам жаться да помалкивать?

— Было бы неплохо, — слащаво скалится брюнет. — Сделай одолжение, будь добра. Давай ты будешь открывать свой ротик только по делу?

— Что ещё мне можно делать, а что — нет, ваше величество? — Язвлю, скрещивая руки на груди.

— Я же попросил! — Кривится Соколовский. — Только по делу! Хоть бы раз включила мудрую женщину, которая в тебе до сих пор спит, и забила в угол или же помалкивала. Того гляди и отстал бы от тебя!

— Да неужели? — Недоверчиво шурюсь. — Ты бы от меня мокрого места не оставил, если бы я делала то, что ты от меня ожидаешь! — Всплёскиваю руками.

— Кто знает? — Философски произносит Глеб и разваливается на своей кровати, отложив книги в сторону. — Теперь уже и не угадаешь.

— Чего тогда разглагольствуешь не по делу? — Вскидываю брови, пребывая в состоянии сильного возмущения. — Озвучивай тему и давай готовиться. Раньше начнём, раньше закончим.

Брюнет, опираясь на локоть, полулежит на кровати. Заинтересованно склоняет голову в бок. Сканирует долгим, изучающим взглядом, после чего выдаёт хриплое:

— Иди сюда. — И хлопает ладонью по мягкому одеялу рядом с собой.

— Ещё чего! — Испуганно отшатываюсь назад. — Мне и без того хватает кошмаров с твоим участием!

Соколовский весь мрачнеет. Даже странно каменеет. На его лицо падает тень, несмотря на то, что в оба окна с западной части падает солнечный свет. Мне становится ещё страшнее, ведь взгляд парня меняется. Становится опасным.

Он грациозно поднимается с кровати, напоминая хищника на охоте. Медленно обходит меня по кругу, а затем начинает оттеснять к стене, загоняя в угол. Я пчусь назад, чувствуя, как руки начинают мелко подрагивать. Понимаю, что меня загоняют в тупик, словно добычу, но бежать мне всё равно некуда.

Но не сделает же он со мной ничего, правда ведь? Пугать — пугает, но здравый рассудок ещё никто не отменял, верно? Или..?

Охнув, упираюсь спиной в стену. Соколовский впечатывает ладонь рядом с моим лицом. Янтарные глаза испытующе выискивают что-то моём выражении. Впиваются в каждую чётточку. Я сглатываю, слыша хриплый бас:

— А кто снится тебе не в кошмарных снах? Краснов твой? — Вибрирующе рокочет голос мажора, отдаваясь у меня в грудной клетке. Заставляя дышать через раз. — С ним ты можешь спокойно болтать и улыбаться ему? Его ты можешь благодарить за спасение? Звонить ему сама? Отвечать на сообщения?

— Глеб... Я не...

Кладу дрожащие ладони на грудь парня, ощущая, как та вздымается от его рваного дыхания. Как Соколовский вздрагивает от моего касания. Пытаюсь оттолкнуть, но с таким же усилием я могу пытаться сдвинуть с места гору.

С ним явно происходит что-то странное! Он никогда раньше себя так не вёл. Не приближался настолько близко!

Но парень, будто не слышит меня. Продолжает свою пластинку:

— И чем же вы там занимаетесь? В твоих снах? — Голос парня обманчиво спокойный, но я всем нутром чувствую опасность. Даже мелкие волоски на коже встают дыбом. — Чем вы вчера занимались, Арина?! — Глеб резко повышает тон, чуть ли не рыча, когда не слышит ответа.

— Что? Ничем мы вчера не занимались! — И тут я понимаю, что Соколовский не мог знать, что я вчера была с Красновыми. — Стоп! погоди! Откуда ты...?

Вскидываю взгляд и натываюсь на бездонный золотистый омут. Проваливаюсь, тону в нём. Слова застывают на языке, когда мажор склоняется, обдавая меня своим горячим дыханием.

Внутри всё сжимается в предвкушении чего-то. Обмирает. Я даже дышать перестаю, заморожено глядя на лицо брюнета. Лицо, которое поглотила борьба. Такая, словно он борется сам с собой.

— Глеб?.. — Не то спрашиваю, не то выдыхаю я. В голове пусто. Белый лист. Мысли испуганно разбежались по углам, оставляя лишь эмоции.

Широкая ладонь парня ложится мне на щеку. Большим пальцем оглаживает её, и я удивлённо ахаю. Во все глаза смотрю на Соколовского, уже совсем ничего не понимая. Путаясь в своих же чувствах и эмоциях.

По... Почему мне не страшно? Почему я чего-то жду? Это ведь не страх? Это что-то другое?

Сердцебиение учащается, когда Глеб оглаживает костяшками пальцев щеку, скользит ими вниз, вдоль шеи. И я с удивлением отмечаю, что мне не противны его прикосновения. Наоборот, хочется прильнуть к его руке. Продлить ласку.

— Арина... — Выдыхает мажор, склоняясь к моим губам.

Я зажмуриваюсь, не в силах выдержать этого напряжения. Глубоко вдыхаю и резко выдыхаю, сквозь приоткрытые губы.

А потом... Чувствую, как горячие губы брюнета накрывают мои.

Весь мир взрывается. Переворачивается с ног на голову. Меня охватывает чувство, будто пол уходит из-под ног. Но Глеб каким-то чудесным образом чувствует это и в последний момент успевает обхватить мою талию рукой. Прижать к себе крепко-крепко.

Между нашими телами не остаётся ни единого миллиметра. Я каждой клеточкой ощущаю тренированное, мускулистое тело Соколовского. А ещё... Очень чётко ощущаю, как к моему животу недвусмысленно прижимается что-то твёрдое.

Моментально вспыхиваю. Хочу отстраниться, но брюнет уже ничего не замечает. Из аккуратного и мягкого поцелуй резко перерастает в жадный, нетерпеливый. Парень сминает мои губы. Подчиняет. И в этот момент я твёрдо осознаю, что с этого дня уже ничего не будет, как раньше. Ведь я... отвечаю ему, неумело двигая губами.

— Жемчужинка... — Вырывается у Соколовского стоит ему на долю секунды отстраниться, чтобы вдохнуть желанный кислород самому и позволить сделать это мне.

У меня в груди всё сладко сжимается от ласкового прозвища, которое сорвалось с его губ. Или же это тянущее чувство порождают ладони Глеба, хаотично блуждающие по моему телу? Я не знаю. Я уже ничего не знаю и не понимаю.

Есть только я и он. Мой заклятый враг. Мой личный кошмар. Моё безумие.

Кровь кипит, будто бы лишь она одна понимает, что мы творим. Или уже натворили. Подаёт сигнал, крича невыносимо яркими ощущениями: «Это яд! Вы отравите друг друга! Это неправильно!»

Но мозг уж ничего не слышит. Он просто махнул рукой и удалился в закат, позволив сердцу править бал. А сердце... Оно отвечает на зов. Оно тянется к тому, кого я всё это время ненавидела. И ненавижу.

Так что же поменялось? Когда? Почему прикосновения Соколовского не отталкивают? Почему они заставляют меня плавиться в его руках и желать большего? Что со мной не так?

Кончики пальцев брюнета касаются оголённой кожи живота на стыке пояса джинсов и края топа. Я судорожно всхлипываю и обхватываю мощные плечи парня. Лгну к нему ещё ближе. Хотя, казалось, что ближе уже некуда.

— Моя Жемчужинка... — Хрипло шепчет мажор, отрывается от моих губ и покрывает поцелуями лицо. — Моя белоснежная девочка... Ты сводишь меня с ума...

Табун мурашек волной пронесётся от самой макушки до пят. Сердце колотится в груди, как сумасшедшее. Дыхание спирает от переизбытка чувств. И я ещё больше краснею, и от его слов, и потому, что Глеб, наверняка, чувствует биение моего сердца.

Моё тело напоминает оголённый провод — стоит Соколовскому коснуться и меня всю коротит разрядом тока. Не в силах выдержать очередной поток ощущений, я делаю то, что кажется мне в этот момент правильным — издаю тихий стон и утыкаюсь носом в шею брюнета.

Услышав мой стон, парень начинает тяжело и рвано дышать. А меня внезапно кроет от личного запаха Глеба, напоминающего лес во время дождя. Голова кружится. Я не могу мыслить здраво.

Мы должны остановиться!

Эта мысль настолько тихая и далёкая, что я почти не обращаю на неё внимания. Почти. Потому что, стоит брюнету скользнуть мне под кофту ладонью, как я вся вздрагиваю и

отскакиваю от него.

Точнее, пытаюсь. Но это прикосновение позволяет немного прийти в себя. Оклемаюсь. Если так продолжится, то мы... Нет!

Поднимаю испуганный взгляд на Соколовского, ибо до меня доходит одна простая и здравая мысль — мы переспим, если не остановимся.

Но в глазах Глеба — туман. В них жирными буквами написано: «Вижу цель — не вижу препятствий».

— Глеб, остановись! — Срывающимся на хрип голосом прошу его. Пытаюсь воззвать к разуму. — Это неправильно. Мы не должны...

— Арина, — урчит в ответ, оставаясь глухим к моей просьбе. — Ариночка, — и трётся носом о мой нос, смыкая кольцо объятий за моей спиной. — Только не убегай сейчас. Не снова...

— Глеб! — Испуганно тараторю я, окончательно приходя в себя. — Ты что такое говоришь? Ты вообще слышишь себя? Остановись! — Отчаянно впиваюсь в его плечи ногтями.

Может, почувствует? Прекратит удерживать?

— Ты ведь тоже этого хочешь! Зачем сопротивляешься? — Злится парень. На его лице играют желваки, а в янтарных глазах вновь разгорается знакомый мне огонь. Тот самый, что горел, когда Соколовский говорил про Стаса. — Это потому, что ты теперь с ним?

И мне не нужно спрашивать, с кем «с ним».

— Ты... Неужели ты ревнуешь? — Ошарашено выдыхаю я, прекращая сопротивляться. Осознание проносится не только по остаткам здравого рассудка, но и по телу, которое перестаёт слушаться.

— Ревную? — Брюнет смакует слово. Тщательно его обдумывает и, в конце концов, припечатывает. — Ревную! Безумно! Я уже говорил тебе, что ты моя! Я предупреждал его, что убью, если прикоснётся к тебе! Он уже касался тебя? Вчера? Целовал?!

Вопреки всему, его голос дрожит. Но не от злости, а от какого-то отчаянного бессилия. Я смотрю на Глеба и не узнаю его.

Получается... Тот вопрос, что я задала ему по дороге в особняк — не шутка? Что если сейчас Соколовский не издевается надо мной, как я привыкла думать?

Неужели он и вправду влюбился в меня?

Нет... Не-ет... Я, наверное, сплю...

— Ты хоть на один мой вопрос ответишь?! — Рычит парень, легонько встряхивая меня. Не понимая, что в моей голове происходит когнитивный диссонанс. Заглядывает в мои глаза, не позволяя уклониться. — Арина, скажи, ради бога, хоть что-нибудь! Или я прямо сейчас поеду, найду этого ублюдка и кабину ему разобью!

— Между нами ничего нет, — увлажнив пересохшие губы, тихо произношу я. — Да и как, если ты...

— Если я что? Договаривай. — Выплёвывает Соколовский. — Мешаю вам?

Меня вдруг накрывает такая неконтролируемая волна злости, что я со всей силы впечатываю ладони в грудь брюнета и, уподобляясь ему, рычу:

— А что если так? Что, если я хочу быть со Стасом? Что, если ты мешаешь?!

Глеб перестаёт дышать. Замирает всем телом. Таращится на меня во все глаза, будто не ожидал услышать нечто подобное.

— Скажи, что пошутила! — Глухо выдаёт спустя минуту молчания.

Мы всё ещё стоим в объятиях. Добровольно-принудительных для меня. Я впиваюсь ладонями в его футболку, сжимаю ткань. С вызовом смотрю на парня снизу вверх.

— Я не шутила!

— Арина!

— Я. Не. Шутила!

— Он труп...

— Ты привёз меня сюда для того, чтобы принуждать? — Испугавшись, что Соколовский прямо сейчас исполнит свою обещанную угрозу и поедет искать Краснова, перевожу тему. Пытаюсь вернуть фокус внимания парня на себя.

— Готовиться к докладу. — Сквозь зубы.

— Что-то не очень заметно!

— Ты провоцируешь...

— Чем?! — Поражённо ахаю. — Своим присутствием? Так давай готовиться дистанционно!

Глеб собирается что-то сказать, но так и не находит слов. Со свистом втягивает воздух в лёгкие. Прикрывает глаза, пытаюсь успокоиться. Но черты его лица с каждой секундой становятся лишь острее. И даже немного хищными.

— Ты меня провоцируешь. — Уже более спокойно подытоживает мажор. Одним движением размыкает руки за моей спиной и выпускает из объятий. — Ты специально это всё говоришь. Чтобы позлить. Чтобы отомстить. Bravo! — Мрачно ухмыляется брюнет и отходит на несколько шагов назад. — У тебя получается.

А мне вдруг становится не по себе. В груди холодеет от нехорошего предчувствия.

Я инстинктивно шагаю навстречу Соколовскому. Уже собираюсь что-то сказать, но пространство разрезает громкий звук — мелодия моего смартфона — заставляя умолкнуть.

— Не удивлюсь, если это наш общий бессмертный знакомый... — Угрожающе тянет Глеб и выуживает из кармана своих джинсов мой телефон.

Но я знаю, что это не Краснов. Эта мелодия закреплена за маминим контактом...

К моему счастью, Соколовский сначала смотрит на экран телефона, прежде чем ответить. Хмурится. Поднимает на меня взгляд исподлобья. И в нём больше нет прежнего раздражения, только какое-то мрачное спокойствие, за которым он пытается спрятать удивление или то, что ошибся.

— На, ответь, — протягивает мне смартфон, и я тут же выхватываю его. Отворачиваюсь от парня и отвечаю на звонок.

— Да?

Голос дрожит, потому что меня всё ещё переполняют будоражащие эмоции после первого поцелуя, который украл этот гад. И как бы я ни старалась взять себя в руки и абстрагироваться, как это сделал брюнет, у меня не получается.

Поэтому мама, конечно, сразу же подмечает это.

— Привет, дочь. Где ты? — Сухо произносит она и добавляет. — Чего такая беспокойная? Не ожидала звонка?

Как в точку. Боже мой, как же в точку. И как не вовремя...

— Я... — Сглатываю. Кидаю быстрый взгляд на Соколовского и обратно. — Дома.

— У кого дома? — Добивает бесстрастным голосом мама и у меня начинает кружиться голова от приступа паники.

Я закусываю губу. Кажется, что проходит вечность, пока мой прилипший к нёбу язык,

отвечает лживое:

— У себя. В квартире.

— Кому ты врёшь, нахалка? — Шипит едва сдерживая гнев.

Она всегда пытается казаться доброй и заботливой в присутствии Олега, поэтому я понимаю, что он рядом. Иначе мама бы со мной разговаривала совсем другим тоном. И совсем другими фразами.

— Я не вру.

— Врёшь! Никифоровна звонила, сказала, что ты ушла из дома и не вернулась. Где ты шляешься? Вечер на дворе!

Вездесущая бабулька...

Мне хочется биться головой о стену, но вместо этого я с силой зажмуриваюсь и набираю полную грудь воздуха.

— Хорошо, мам. Да, я не дома. Но скоро буду.

— Где ты?

— Гуляла с друзьями. — Отвечаю и надеюсь, что пространного ответа ей будет достаточно.

— Это вместо того, чтобы готовиться к парам? Вместо того чтобы всеми силами стараться обеспечить себе стипендию в следующем семестре? Вижу, что по-хорошему ты не понимаешь! Зря Олег за тебя вступался...

Да уж... Теперь я знаю, в кого я не умею убедительно врать... Кто-кто, а отчим бы точно не стал за меня заступаться и выгораживать.

— Мам, сегодня воскресенье.

— Меня не волнует! Ты всё сделала, чтобы гулять? Господи! — Трагично вздыхает. — За тобой точно нужен присмотр! Пора звонить твоей тёте.

— Нет! — Не успеваю прикусить язык. Что-то менять поздно, поэтому решаю идти до конца. — У меня всё под контролем. В учёбе всё хорошо! Я имею право немного расслабиться и погулять с друзьями! Хватит каждый раз мне звонить и напоминать о том, что я итак знаю! Хватит на меня давить!

— Да как ты... — Поражённо ахает мать и вскипает. — Неблагодарная! Нахалка! Грубиянка! Как ты с матерью разговариваешь? Надо было воспитывать тебя в детстве.

Каждое её слово проникает внутрь. Бьёт так больно, что я едва могу нормально дышать, а к горлу подступают слёзы.

Не могу... Больше не могу...

Не желая слушать её и дальше или продолжать этот бессмысленный диалог, завершаю вызов и со всей силы швыряю телефон о стену.

Пусть всё идёт к черту! Пусть живут своими жизнями! Пусть мама делает, что хочет и звонит, кому хочет!

— Ненавижу! — Вырывается, сквозь стиснутые зубы.

Смотрю на Глеба, который наверняка всё слышал. Но мне плевать. У него и без этого куча информации обо мне, которую он может использовать против меня.

Брюнет стоит в двух шагах от меня. Между его бровями залегла глубокая морщина, а в глазах нечто похожее на сочувствие.

— Не смей так на меня смотреть! Только не ты! — Выплёвываю, зло стирая слёзы, ручьём бегущие по щекам.

— Арина, у тебя нервный срыв... — Соколовский тянет ко мне руку, но я отшатываюсь

от неё, как от ядовитой змеи.

— А благодаря кому? — Яростно шепчу, захлёбываясь воздухом. — Кто насильно притащил меня сюда? Кто насильно поцеловал? Я? Я всё это просила?

— Арина... — Глеб делает два шага навстречу, а я шарахаюсь в сторону. — Да постой же ты.

— Ты всеми силами отравляешь мою и без того гадкую жизнь! Ответь, чем я это всё заслужила? Чем?

— У тебя истерика, — пытается держать себя в руках и говорить максимально спокойно, но это только больше раздражает меня, — иди сюда.

Он распахивает объятия, предлагая мне окунуться в них. И так обезоруживающе глядит на меня своими золотистыми глазами, которые в лучах наступающего заката кажутся теплее самого солнца.

— Ответь, Глеб! Просто ответь!

Слёзы продолжают катиться по щекам. Душат. Я хочу успокоиться, но не могу. Будто внутри меня прорвалась какая-то невидимая плотина, сдерживающая всё это время всю боль и обиду внутри. На родителей. На свою жизнь. На несправедливость. На Соколовского.

— Я не знал. — Говорит так просто.

Меня пробирает на смех. Нервный. Горький.

— И что бы это изменило?

— Многое.

— Неправда! — Горячо восклицаю. — Ничего бы не поменялось. Был бы ещё один лишний повод издеваться над серой мышью. Над великой бедностью, — ядовито ухмыляюсь. А брюнет отводит взгляд. — Что и требовалось доказать...

Внезапно, куда-то деваются все силы. Я обхватываю себя руками и приваливаюсь к стене, чтобы удержать тело в вертикальном положении. Губы мелко подрагивают. Я продолжаю тихонько плакать, но уже не так, как в начале.

Соколовский подходит ко мне. Садится на корточки, так, чтобы видеть моё заплаканное лицо. Берёт за руки. Успокаивающе гладит большими пальцами внутреннюю сторону ладони. Я пытаюсь вырвать руки, но он крепко удерживает их.

— Арина, послушай меня, — тихо произносит он. — У каждого жизнь не сахар. Даже у меня.

Я окидываю ироничным взглядом его комнату в шикарном особняке и скептически ухмыляюсь.

— Это ты так извращённо пошутил сейчас?

— Нет. — Серьёзно отвечает Соколовский, согревая своими горячими ладонями мои ледяные. — У моей семьи тоже полно скелетов в шкафу. Как я и говорил, родителей не выбирают. Твой срыв логичен. Ты имеешь право на эти эмоции. Имеешь право возразить матери. Это не делает тебя плохой дочерью. Если ты дорога своей семье, они тебя поймут и вы помиритесь. А телефон, — кивает на разбитый аппарат, валяющийся у комода, — наживное. Можно купить ещё хоть десять таких. Так что прекрати грузить себя.

Я смотрю на телефон, который точно умер после такого полёта и всхлипываю с новой силой.

— Чёрт, — срывается с губ. — Чёрт!

Сползаю по стене вниз и утыкаюсь лбом в наши переплетённые руки.

Телефон... Мама меня убьёт. Я осталась без единственного источника связи и доступа в

интернет.

Глеб ничего не говорит, а просто притягивает меня к себе. Садится на пол, расставляет ноги и усаживает меня в середину, прямо между ними. Прижимает к груди и кладёт подбородок на мою макушку.

У меня нет сил этому сопротивляться. Да и желания тоже. Человеческое тепло и понимание — единственное, чего я сейчас хочу. Поэтому позволяю себе уткнуться в грудь мажора, сжать его многострадальную футболку в кулаках, и продолжаю тихонько плакать.

Так мы и сидим некоторое время: Соколовский, успокаивающе поглаживающий меня по спине, и я — обессиленная и выжатая, как лимон, прячущаяся от всего мира в объятиях своего врага.

До тех пор, пока я не проваливаюсь в тревожный сон.

Просыпаюсь от того, что мне жарко. В комнате темно, поэтому я не сразу соображаю, где я. Чуть не кричу вслух, когда ощущаю, что на моей талии покоится чья-то рука, но вовремя вспоминаю, что уснула я не дома и зажимаю себе рот ладонью.

Глаза постепенно привыкают к темноте и я могу разглядеть очертания сопящего рядом Соколовского. Он выглядит непривычно расслабленным. Во сне черты лица Глеба стали мягкими и даже немного мальчишескими. Сейчас он так похож на десятиклассника, который надо мной издевался и не давал прохода.

Но отчего-то эти воспоминания не вызывают во мне приступ злости или обиды, как обычно. Вместо этого, я во все глаза рассматриваю мажора. Дышу через раз, лишь бы не разбудить брюнета.

Ночь — время раздумий, и меня посещают весьма интересные мысли. При свете дня я бы ни за что о таком не подумала. Но сейчас...

А что если Соколовский с самого начала был в меня влюблён? Тогда все его придирки и издёвки обретают смысл. Он ведь никогда не умел и, видимо, до сих пор не умеет правильно выражать свои эмоции.

Глеб рано потерял мать, это знали все в классе. В начальной школе, когда детская жестокость ещё не знает границ, одноклассники дразнили его на переменах. Соколовский запомнил каждого. И, когда те стали постарше и поняли, что с сыновьями богатых отцов лучше дружить, он отомстил им всем. Сделал их отбросами класса, с которыми никто не дружил больше.

Жестко, но именно человеческая тяга к издевательствам над слабыми вынудила его показать клыки. С волками жить — по-волчьи выть.

Я же всегда была сама по себе. В школу ходила чисто ради учёбы и своей на тот момент подруги — Ксюши. В классе восьмом-девятом она сохла по Соколовскому. Девочки рано взрослеют. Красилась, старалась привлечь его внимание. А я... Я просто была рядом. Умилялась её попыткам и раздражалась, когда Глеб грубо её сбрасывал.

Пока однажды не заметила, как он на меня смотрит.

Тогда мне показалось, что это взгляд презрения, ведь я была той самой страшенькой подружкой на фоне Ксюши. Не красилась, не носила крутые шмотки, потому что моя семья всегда жила от зарплаты к зарплате и лишних денег не было.

И до вчерашнего дня я искренне верила, что Соколовский меня презирает, издевается. Как издевались когда-то над ним. Просто, чтобы самоутвердиться за чужой счёт.

Но, зная то, что я знаю сейчас...

Что если в тот день Глеб задел меня впервые, только потому, что я задела его не меньше? Ведь если у него были ко мне (или есть до сих пор) чувства, тогда всё становится до жути просто и ясно, как белый день!

Весна. Девятый класс. На носу майские каникулы и выпускные экзамены. Я усердно готовилась, в то время как Ксюша болтала ногой, сидя прям на парте, и дула губы, в очередной раз жалуясь на то, что Соколовский её не замечает.

— Да признайся ты ему уже, — не выдержала я, потому что стенания подруги отвлекали от подготовки к истории.

— Как? — Воскликнула шатенка и прыгнула с парты. — Да он же меня прямым

текстом пошлёт!

— Не попробуешь — не узнаешь. — Закатила глаза я и уткнулась обратно в книжку, которую взяла в библиотеке.

— Я не могу. — Поникла подруга. — Каждый раз, когда я рядом с ним, такое впечатление, что у меня мозг отключается, и я становлюсь туповатой блондинкой.

— Тогда напиши ему письмо с признанием.

— Чтобы он потом высмеял мою писанину при всех? Нет уж! — Фыркнула девушка и скрестила руки на груди.

— Тогда... — Я честно постаралась вникнуть в проблему единственной подруги и помочь, но в голову больше ничего не приходило. — Блин, я не знаю. — Вздохнула я, всплёскивая руками.

— Вот и я не знаю, — плюхнулась на стул рядом Ксюша. — Голова трещит! — Запустила руку в волосы, а затем положила голову на стол. — А тебе разве никто не нравится?

Я пожалала плечами.

— Нет.

— И Глеб тоже? — Удивлённо переспросила подруга.

— Соколовский? — Сделала страшные глаза. — Вот уж кто мне точно не нравится, так это Глеб. Ни за какие коврижки бы с ним не встречалась. Да будь он последним парнем на планете...

Я так увлеклась, что не сразу заметила, как в класс вошли трое одноклассников, среди которых был обсуждаемый нами мажор.

— Ах, вот оно что, Скворцова. Не знал, что ты так сильно по мне фанатеешь, что готова даже отрицать свои чувства. — Иронично протянул парень, хотя лицо было мрачнее туч за окном.

— Чушь не неси. — Поспешно ответила я.

Сердце колотилось, как сумасшедшее, а щеки стали пунцовыми от того, что меня поймали с поличным. Я бы никогда и ни за что не сказала что-то подобное Соколовскому в лицо. Моя спокойная жизнь была мне дорога. А я знала, что бывает с теми, кто переходит брюнету дорогу.

— Глеб, привет! — Спыхватилась Ксюша, заламывая руки. — А мы вот... Про тебя говорили.

— Да мы слышали, — загоготали друзья Соколовского. — Не знал, что наша серая мышка о себе такого мнения. — Подливал масла в огонь Тимофеев.

— Не, ты слышал? Она считает, что ты ей не пара, — Пётр Ситцев стукнул локтём любимчика класса под рёбра. А я мечтала испепелить взглядом этого придурка на месте.

— Нет, я просто сказала, что Глеб не в моём вкусе. — Поспешила хоть как-то исправить положение.

Ксюша была полностью поглощена разглядыванием мажора и летала в облаках, в то время как он сам глядел на меня тяжёлым взглядом. Его модная на тот момент причёска с длинной чёлкой, закрывающей лоб, делала его похожим на фотомодель. Не удивительно, что даже старшеклассницы по нему сохли.

Возможно, будь я хоть немного похожа внешностью на Ксюшу, тоже бы засматривалась на Глеба, ведь на самом деле он-то как раз в моём вкусе — высокий брюнет с медовыми глазами. И пусть в то время у него не было кубиков пресса, и он был долговязым

подростком, уже тогда играющий в сборной по баскетболу, это его ничуть не портило.

Сглотнув, я уткнулась обратно в книгу по истории государства. Наивно решила, будто таким образом исчерпаю конфликт, и на этом всё закончится. Но не тут-то было. Соколовский словно с цепи сорвался.

Опёршись ладонью о спинку моего стула, парень навис надо мной. Я впервые оказалась так близко к противоположному полу, что невольно растерялась. Только хлопала ресницами и открывала рот, как рыба, выброшенная на берег.

— Не в твоём вкусе? — Угрожающе понизил голос брюнет. — Быть того не может, страшилка. Я нравлюсь тебе. — Настаивал на своём.

— Да нет же!

Я начинала злиться, ведь говорила чистую правду. Зачем он пытался убедить меня в обратном?

Тогда, к сожалению, я не понимала... Зато теперь...

Воспоминания, промелькнувшие в голове, и тогда казавшиеся ничем не обоснованными и лишёнными смысла, теперь предстают в ином свете. Мне хочется ударить себя по лбу за то, что с самого начала не разглядела очевидного. Даже тогда, когда эта цепочка с жемчужиной оказалась у меня в шкафчике.

А ведь она дорогая! Цепочка платиновая, хотя я долгое время считала, что ношу серебро. Не говоря уже о настоящем жемчуге, которым инкрустирован кулон. Кто из школьников мог позволить себе купить такой подарок?

Это ведь настолько очевидно, знай я тогда, что ношу платиновую цепочку на шее... И знай я цену настоящим камням... Наивная девчушка...

Сердце глухо, но сильно стучит в груди, когда я смотрю на Соколовского и вижу перед собой совсем другого человека.

Человека, подарившего мне дорогой подарок. Человека, который не смог признаться в чувствах, хотя, наверняка хотел, потому что подарок не забрал. Человека, спасшего меня от ублюдков, которые чуть меня не изнасиловали. Человека, который...

Погодите-ка! Платье!

Расширившимися от догадки глазами, смотрю на Глеба. И не могу поверить в то, что это может быть правдой. Реальностью.

Нет... Нет... Я же не могу быть настолько слепой? Или..?

Да нет! Где я, а где Глеб? Мы живём в абсолютно разных мирах!

Но вот она я. Лежу в его доме. В его кровати. На моей талии всё ещё покоится его рука, а сам Соколовский посапывает рядом. И это после моей истерики накануне. После того, как он мог просто выставить меня из своего особняка и не утешать.

— Я идиотка... — Вырывается вслух тихий шёпот.

Я прикрываю ладошкой рот, но уже поздно. Брюнет вдруг возмущённо стонет и выдаёт хриплым голосом, от которого у меня бегут мурашки по телу:

— Рад, что ты, наконец, призналась. Жаль только, что на утро я об этом забуду. — Его рука на моей талии обхватывает меня сильнее и притягивает ближе к парню. — Чего не спишься? — Широко зеваает, не потрудившись прикрыть рот рукой.

Я всё ещё нахожусь под впечатлением от собственного открытия, поэтому забываю о том, что лежать вот так вот — неприлично. И что мне вообще, по-хорошему, надо бы возмутиться и перелечь куда-нибудь в другую комнату.

— Проснулась от того, что снилось, будто меня черти в аду варят в кипящем котле. А

это всего лишь ты, подрабатывающий вместо камина. — Огрызаюсь я, хотя без былого раздражения. Скорее по привычке.

— И это вместо того, чтобы сказать мне спасибо! — Выдыхает парень. — Сама же прижимала свои ледяные конечности, приставала! Из-за тебя целый час уснуть не мог, отбивался.

— Неправда!

— Правда-правда! — Подленько ухмыляется Соколовский и зарывается носом в мои волосы. Обхватывает ладонью мой затылок и прячет моё пунцовое лицо у себя на груди. — Всё, спи давай. Нам завтра рано вставать. Универ никто не отменял.

Универ! Бли-ин! Как же так?! Я обо всём забыла!

— Глеб! — Сипло произношу я. — Отвези меня домой, пожалуйста! Мне же нужно подготовиться, взять учебники, помыться...

Брюнет прикладывает пальцы к моим губам. Отодвигается и смотрит на меня янтарными глазами, которые в темноте кажутся бездонно чёрными.

— Мы утром заедем к тебе домой, и возьмем всё необходимое. Помоешься тут, у меня.

— Зубная щётка...

— Как и с тапочками, есть гостевой комплект для личной гигиены.

— Но...

— Всё, никаких но, Скворцова! Спи! — Бескомпромиссно заявляет мажор и возвращает нас в изначальную позу, укладывая меня к себе на плечо.

— Соколовский! Мы не можем спать вместе! Это...

— Да ёперный театр! Угомонись уже! Три часа ночи. — Шикает на меня. — Если я по твоей вине не высплюсь, неделю будешь мне прислуживать, компенсируя моральный ущерб.

— К-какой ещё...

— Ну, всё, сама напросилась. — Устало вздыхает Соколовский и приникает к моим губам. Сминает их. И даже облизывает языком.

Мне становится ещё жарче, чем было до этого. Но я больше не вырываюсь. Надрывню дышу, пытаюсь повторять движения губ мажора, потому что совсем не умею целоваться.

Это вводит брюнета в ступор. Он прерывается, наверняка, удивлённый тем, что я не сопротивляюсь и даже отвечаю ему. А мне хочется сгореть со стыда, и я отвожу взгляд. Хотя в этой темноте, он вряд ли видит, что я вся красная, как рак.

— Сразу бы так, — ворчит Соколовский. Взбивает подушку, словно не знает, куда себя деть, и ложится обратно. — Послушная и молчаливая. Всё, я спать. — Говорит он и внезапно отворачивается, убивая меня своим нелогичным поведением.

Уязвлённая, ахаю от обиды и тоже отворачиваюсь от брюнета. Тот уже спустя полминуты начинает сопеть, что почему-то дико возмущает меня. Но усталость и вымотанная нервная система дают о себе знать, и уже через пару минут мысли разлетаются, и я тоже проваливаюсь в сон.

***

— Привет! Как выходные? — Бесцеремонно нападает на меня со спины Полина. Обвивает руками шею и свешивается, заглядывая мне через плечо. — Только не говори, что ты даже на перерывах учишься! — Поражённо ахает она, увидев, что я кроплю над конспектом.

— Привет, — теряюсь от её напора и панибратства. Что ни говори, а Краснова весьма непосредственная личность. Так непривычно, когда человек открыт и искренен в своих

порывах. — Всё хорошо. У тебя как? — Отвечаю на её вопросы по смысловому порядку. — Да, учусь. Точнее зубрю словарь по английскому языку. Приходится. — Отвечаю, слегка улыбаясь.

— Ну, ты, мать, конечно... — Не продолжает фразу и просто качает головой. А затем выпускает меня из объятий и садится напротив. Копаются в своей сумочке, выуживая из неё два батончика, которые обычно продают в фитнес центрах. — Держи. Подкрепись. Наверняка всю глюкозу потратила на зубрёжку, а энергию нужно восполнять.

Произнеся это, Полина кладёт рядом с моим конспектом второй батончик, и разрывает упаковку своего. Вгрызается в него так, словно очень голодная. Но чуть позже я понимаю, что это просто эмоциональность, которая является неотъемлемой частью Красновой.

— Представляешь? — Начинает шатенка, активно жестикулируя руками и делая «страшные» глаза. — Крицкая совсем уже обнаглела! Вешается на Соколовского прямо на парах! Стыдоба и позорище. — Цокает языком. — И не стыдно ей вот так вот себя вести? А препод наш молоденький тоже хорош! — Фыркает Полина, продолжая агрессивно поедать ни в чём неповинный батончик. — Бойтся выгнать этих голубков с пары, потому что у Глеба отец — какая-то шишка.

От слов Красновой спирает дыхание, а в горле появляется ком. Я застываю с батончиком в руках, так и не успев открыть его.

Не прошло и пяти часов с того момента, как мы последний раз с ним виделись, а Соколовский уже успел вернуться в свой прежний режим мачо и ловеласа.

Хотя, чему я удивляюсь? Неужели я надеялась на то, что после этой ночи и «доброе» утра между нами что-то изменится? Подумаешь, отвёз в универ. Подумаешь, поцеловал ночью. Откуда мне знать, может у Глеба вообще есть девушка, о которой я ни сном, ни духом?

Но, признаться, я и вправду поверила, что после вчерашнего между нами всё изменится. В лучшую сторону. По крайней мере, я точно изменила о нём своё мнение.

И, видимо, зря. Недаром говорят: поспешишь — людей насмешишь.

Сердце вдруг гулко и часто забилося от внезапно пришедшей в голову мысли...

А что если Соколовский нарочно всё подстроил и теперь смеётся с Ситцевым и Тимофеевым надо мной? Что если вчерашняя ночь — заранее подстроена и всё было заснято на камеру? В наше время парни любят спорить на такое, а потом заливать видео в сеть...

Ужас охватывает сознание со скоростью паука, плетущего паутину. Полина замечает это и участливо кладёт ладонь на мои холодные руки.

— Эй, ты чего? Арина? Ты вся побелела. Может, к врачу? — Осторожно интересуется Краснова.

— Н-нет, — слишком резко отмахиваюсь я, запинаясь. — Всё хорошо. Я просто забыла, что не подготовилась к профильному предмету. А он сегодня последней парой.

Шатенка хмурится. Явно не верит мне, но медленно кивает.

— До разговора о Соколовском ты была в порядке. — Подозрительно тянет она и внимательно заглядывает мне в глаза.

— Кому сдался этот самовлюблённый мажор, — сердито бормочу я и поднимаюсь с места. Хватаю со стола тетрадь с конспектом и нервно запикиваю его в сумку.

— Ты куда? — Полина, видя, что я засуетилась, тоже поднимается с места.

— В... В туалет! — Поспешно выдаю я и чуть ли не бегом устремляюсь в названном направлении.

Краснова немного отстаёт, но семенит следом. Я же мчусь в нужную комнату, потому что лицо пылает от стыда и злости на саму себя. Мне необходимо срочно умыться ледяной водой. Утихомирить бешено бьющееся сердце. И убрать это неприятное тянущее чувство в груди.

Туалетная комната оказывается пуста, что не может не радовать. Я подхожу к раковине, включаю кран на полную мощность и плескаю себе в лицо холодной водой. И уже спустя минуту прихожу в себя.

Полина стоит у входа, опираясь плечом о дверной косяк. Странно на меня поглядывает, но ничего не говорит, хотя по Красновой видно, что она с трудом сдерживается. В её глазах бегущей строкой мелькают вопросы.

— И что это было? Паническая атака? — Всё же спрашивает девушка, когда я шумно вдыхаю и выдыхаю, а после опираюсь обеими руками о края раковины, склонив голову. — Арина, таким нужно всегда делиться, я же могу помочь.

— Ты уже помогла мне. — Глухо отвечаю ей, не поднимая головы. — Привела в чувство. А то я что-то последнее время потеряла бдительность.

— Так-так-так, — скрещивает руки на груди, — я всё-таки была права насчёт Соколовского? — Её пронизательный взгляд синих, как летнее небо глаз, не даёт увильнуть от ответа. — Рассказывай. — Просто говорит она.

Меня внезапно накрывает сильное желание поделиться своими проблемами хоть с кем-нибудь. Я ведь могу ей довериться? Полина выглядит надёжным и искренним человеком, не способным на предательство.

Конечно, я могу ошибаться, но я так устала держать всё в себе...

Но, прежде чем я успеваю открыть рот, дверь распаивается, и внутрь входят две девушки. Одна из них мне знакома. Брюнетка. Я помню её. В раздевалке спортзала именно она стервозно прогнала меня от зеркала, чтобы я ей не мешала. А вот вторую я, если и видела, то мельком, потому что черты лица хоть и выглядят знакомыми, но я не могу вспомнить ни имени, ни группы, в которой она учится.

— Вот ты где, мы тебя обыскались. — Вдруг ошарашивает брюнетка, глядя на меня. Она прищуривает свои густо подведённые чёрной подводкой глаза и перекидывает длинные волосы назад.

Девушки пока не замечают Краснову, потому что она стоит за их спинами.

— Меня? — Неуверенно переспрашиваю я, не понимая, что этим двум расфуфыренным дамочкам от меня нужно.

— Тебя-тебя. — Презрительно хмыкает вторая. Рыжая и кудрявая. — Или ты видишь тут ещё кого-то?

— Видит, — грубо бросает Краснова, поменявшись в секунду из милой и искренней девушки в стерву, очень похожую на ту, что принадлежит обществу этих двоих.

Полина обходит девушек и встаёт рядом со мной.

— Очень интересно, — хищно тянет брюнетка, почему-то довольно ухмыляясь. — Только не говори, что общаешься с этой посредственностью. — Кривит нос и указывает на меня пальцем.

— Не просто общаюсь, мы — подруги, — заявляет Краснова, чем удивляет не только меня, но и стервозных богачек, судя по их бредовым сумкам.

— Вот так поворот, — мерзко смеётся рыжая. — Хотя, ты никогда не вписывалась в наше общество. Твоё место рядом вот с такими, — девушка одаривает меня презрительным

взглядом с головы до ног, — отбросами.

— Язык прикуси, — угрожающе понижает голос Полина, а я вспоминаю, что у меня тоже есть язык.

— Что вам нужно? — Ощериваюсь и делаю всё, чтобы не казаться серой мышкой, над которой можно издеваться.

— Не строй из себя дурочку, — перестаёт ухмыляться брюнетка. — Или ты думала, что можешь безнаказанно липнуть к Соколовскому? За всё нужно платить, дорогуша.

— Крицкая, по-хорошему прошу, отвали. — Полина окидывает девушек предупреждающим взглядом, в котором сквозит угроза. — Или будешь иметь дело со мной.

— Это тебя не касается, Полечка, — рыжая выходит вперёд, подходит к Красновой и наматывает на палец прядь её волос, не прекращая жевать жвачку. — Просто постой в сторонке и сделай вид, что ничего не видела. Не хочется ругаться с тобой.

Я во все глаза таращусь на Крицкую и её подругу, пока в голове начинает складываться пазл.

Вот о ком говорила Полина. Вот кто обжимается с Глебом на парах.

Вот кто является девушкой Соколовского.

— Пойдём отсюда. — Глухо бросаю я Полине. Беру её за руку и собираюсь вывести нас из дамской комнаты, но рыжая, имя которой мне до сих пор неизвестно, оказывается шустрее.

— Куда? Мы не договорили! — Неприятным голосом рычит она, вставая между нами и спасительным выходом.

— Осторожнее, Крис, — почему-то шикает на свою подругу брюнетка. И кидает на ту выразительный взгляд.

Они боятся навредить нам или только Полине?

Скорей всего второе.

Рыжая не отступает, но сбавляет гонор и выглядит менее агрессивно настроенной. Краснова всё также прячет меня за своей спиной, что вынуждает меня невольно восхищаться этой девушкой. Полина знает меня всего ничего, а уже защищает, словно я её давняя подруга и мы знакомы лет сто.

Жаль, что Ксюша, с которой мы дружили с пятого класса, не могла похвастаться такими качествами...

Когда я попала в подобную ситуацию в школе, она просто бросила меня на растерзание девушек, что часто вились возле Соколовского, предпочитая не вмешиваться. После этого мы больше не общались.

Так что, это не первый раз. Фанатки Глеба часто мне угрожали. Благо, дальше угроз это не заходило. И почему-то у всех был такой вот взгляд, как у этих двоих — настороженный. Словно им очень хотелось подправить мне мордашку, но они по какой-то причине боялись это сделать.

— Слушай, — тон брюнетки становится приторным, как патока. — Поля права, давай, не будем ссориться. — На красивом лице появляется фальшивая улыбка. — Просто пойми и прими одну вещь: Глеб мой! И тогда никаких проблем не будет. — Под конец фразы Крицкая говорит со мной так, будто я маленький ребёнок, который не понимает простую прописную истину.

— Да, не ошивайся рядом с Соколовским. Этого будет достаточно, чтобы избежать никому ненужных казусов, — подхватывает Крис. И выразительно приподнимает брови, мол, всё поняла?

— Она будет делать, что хочет и когда хочет, вам ясно? — Напирает Полина. А потом просто отталкивает рыжую в сторону и уже сама вытягивает меня из туалетной комнаты.

— То, что мы в ссоре с Глебасиком, не значит, что тебе можно вертеть перед ним своим облезшим хвостом. — Прилетает «плевок» в спину.

Я останавливаюсь. Злость на двуличие мажора набирает обороты, поэтому я вынуждаю остановиться и Полину. Вырываю руку из крепкого захвата шатенки и оборачиваюсь к двум стервам.

— Мне ваш Глебасик нахрен не упал, понятно? И не равняй всех под себя. Я никогда не крутила хвостом перед Соколовским и не собираюсь. А если у тебя какие-то проблемы с этим психованным, то с ним и выясняй отношения. Тебе всё понятно?

На лицах девушек выражение полнейшего изумления. Они явно не ожидали услышать от меня такое.

— Надо было всё-таки рожу ей подрихтовать! — Шипит Крис и угрожающе выходит из дамской комнаты. Бычится вся. Но ей на плечо ложится рука Крицкой. — Лен, ты чего? — Удивляется рыжая и тормозит.

— Мы её предупредили. Не поймёт с первого раза, второй ей точно не понравится.

— Слышала, мразь? — Крис ухмыляется и довольно скрещивает руки на груди, поигрывая пальцами с длинным маникюром.

— Мы вас тоже предупредили. — Фыркает Краснова, берёт меня под руку и уводит дальше по коридору.

Несмотря на всю бравладу, мне не по себе, поэтому я позволяю подруге вести меня в сторону столовой.

Не то, что бы я боялась, что эти двое подкараулят меня где-нибудь вне стен университета, просто ещё пара недругов на мою голову — уже слишком. Это ещё хорошо, что Демьян не вспоминает обо мне по какой-то причине. Иначе бы мне точно жизни не было, и вместо учёбы приходилось бы постоянно разгребать последствия прилипчивого внимания Соколовского.

— Ты должна сейчас же найти Глеба и всё ему рассказать. — Выдаёт Полина, останавливаясь неподалёку от столовой. — Он наверняка пузо набивает, пока ты отдуваешься!

Её кукольное личико пылает праведным гневом, а глаза горят огнём возмездия. Она похожа на взъерошенного котёнка и, несмотря на настоящую ярость, выглядит мило. Это вызывает улыбку, и я с радостью позволяю ей появиться на лице.

— Спасибо тебе, Поль. Если бы не ты и твоя поддержка, я бы не вела себя столь уверенно.

— Ты мне зубы не заговаривай, — нахохливается подруга. Её щеки раздуваются от гнева, она дышит шумно и часто.

— Да не переживай ты так, они скоро вообще забудут о моём существовании. — Я кладу руку на макушку шатенки и глажу её, успокаивая. Та смущается и вмиг перестаёт злиться.

— Прекрати вести себя со мной, как с ребёнком!

— Неправда. Ты просто очень милая. И классная. — Мягко возражаю я, но портить причёску Полине перестаю.

— Не скажешь ты, я сама лично найду Соколовского и выскажу ему пару ласковых! И давно тебя терроризируют из-за него? — Интересуется Краснова, и я вспоминаю, что хотела ей обо всё рассказать, до того, как нас потревожили.

— Долгая история. Мы с ним в одной школе учились.

Полина округляет глаза и на пару секунд выпадает из реальности.

— У нас ещё есть пятнадцать минут до следующей пары. Так что пошли, поедим, снимем стресс, и ты мне всё расскажешь в мельчайших подробностях.

И, не оставляя мне выбора, утягивает мою тушку в шумную столовую.

***

— Ты шутишь!

Всю мою отповедь подруга сидела с приоткрытым ртом и лишь возмущённо ахала. А в конце заявила вот это.

Я отрицательно качаю головой.

— Никаких шуток. Голые факты, а также правда и ничего кроме правды.

— Треш... У меня слов нет. Не думала, что у вас всё это, — она обводит указательным

пальцем пространство, имитируя круг, — длится почти три года.

Я пожимаю плечами и допиваю холодный чай, потягивая его из трубочки. Даю Красновой время переварить сказанное. Полина не торопится как-то комментировать услышанное. Пялится в стол и часто моргает. Периодически вскидывает брови и топит их в густой чёлке.

До пары остаётся несколько минут, поэтому я предлагаю подруге закругляться с посиделками. Она кивает и поднимается следом за мной. Я беру оба подноса и несусь к окну, куда ставят грязную посуду.

Полина, как сомнамбула, плетётся за мной. Она подозрительно тихая и меня это начинает немного нервировать, потому что непривычно видеть её такой — задумчивой и подавленной.

— И ты всё так и оставишь? — спрашивает она, когда мы выходим из столовой, доходим до развилки в коридоре и тормозим у неё, потому что нам обеим в разные стороны.

— А что ещё мне остаётся делать? — Я пытаюсь улыбнуться, ободрить подругу, но вместо этого у меня выходит кислая мина.

Я так устала от всего за прошедшие три года. А притворяться ещё и перед Полиной не хочется.

— Поговорить с ним напрямую. — Категорично заявляет шатенка, глядя на меня, как на несмышлёныша.

— И что это даст? Я уже пыталась. Как видишь, — развожу руками, — ничего не изменилось.

— Может, нужно подобрать правильные слова? Мужчины — они же нас не понимают. Особенно намёки.

— Я напрямую говорила. Он увиливает от ответов постоянно.

— Тогда надо прижать его к стенке! — В синих глазах появляется кровожадная искра, и я фыркаю. А потом посмеиваюсь. — Чего смешного? — Хмурится.

— Как ты себе это представляешь? Мы — две полторашки, и Соколовский — под два метра. Вот хохма будет! — Я уже в открытую хохочу, представив эту картину. — Он же нас, как бабочек, одним махом прихлопнет.

Краснова цокает языком и закатывает глаза.

— Ну, ты даёшь, Скворцова. Я же в переносном смысле.

Я гляжу на часы, надетые на левой руке, и поджимаю губы.

— Так, нам обеим надо бежать. Пара начинается через минуту.

Краснова меня передразнивает, но согласно вздыхает.

— Тогда споемся. До встречи!

— До встречи, — машу ей рукой и чуть ли не бегом несусь в сторону нужной мне аудитории.

И только спустя пару минут вспоминаю, что нифига мы не споемся. Телефон-то мой погиб смертью храбрых. Но возвращаться и предупредить подругу, уже нет времени.

Коридоры кишат такими же, как я, студентами, опаздывающими на пару. Поэтому я даже не удивляюсь, когда, пытаясь обогнуть идущих, вписываюсь в кого-то. Больно ушибившись лбом, ойкаю, заваливаюсь назад и падаю на попу.

Поднимаю голову, потирая ушибленное место кончиками пальцев. Парень по инерции роняет учебники, что были в его руках. Шипит и зло оборачивается назад. Увидев его лицо, возвожу очи горе.

Это же надо иметь такое везение...

— У тебя глаза на затылке, что ли, блондиночка? — Показательно вздыхает Демьян, наклоняясь за учебниками. И я очень удивляюсь, потому что его голос не звучит зло или презрительно. — Осторожнее нужно.

— А ты что тут делаешь? — Не найдя, что спросить, говорю первое, что приходит в голову.

— Учусь, — хмыкает парень. — Тут все учатся, как бы.

— Я не об этом, — отвожу глаза, краснея от стыда.

Зачем он выставляет меня идиоткой?

— Да я понял, — Демьян подходит ко мне и протягивает свободную руку, чтобы помочь встать. — Шучу. Просто наш препод заболел, и деканат решил объединить вашу и нашу группы.

Я опасливо вкладываю свою ладонь в руку того, кто ещё совсем недавно мне угрожал, а теперь ведёт себя, как ни в чём не бывало.

— Вот как... — Тяну, понимая, что не знаю, о чём ещё с ним говорить.

Парня, как подменили. Всё высокомерие и заносчивость по отношению ко мне исчезли.

Это Стас постарался? Он обещал, что Фролов больше не будет мне досаждать. Интересно, как ему удалось убедить Демьяна? Надеюсь, что без применения насилия...

— Не ушиблась? — Запоздало спрашивает шатен и осматривает мою одежду.

— Немного. Но это не критично, — быстро добавляю я.

— Тогда пойдём. — Пожимает плечами. — Тебе повезло. Препод ваш ещё не пришёл, в деканат ходил. Уточнял, что с нами делать — отпустить или взять нашу группу к себе. Так что, считай, никто не опоздал, — подмигивает мне Демьян и кивает на вход в аудиторию.

Пара проходит быстро. Я даже заметить не успеваю.

Всё ещё пребывая в небольшом шоке после столкновения с Фроловым, я бреду по коридору в сторону выхода из университета. Занятий больше нет, а это значит, что нужно как-то связаться с Полиной. Она хотела встретиться.

Ловлю в фойе знакомого одногруппника. Прошу телефон на пару минут, чтобы написать Полине, которую знает весь поток. Тот соглашается и я беру у него из рук смартфон, в котором он уже предусмотрительно открыл чат. Строчу Красновой пару строк о том, что жду её на лавочке во дворике, подписываясь своим именем и обещая позже рассказать, что случилось с моим телефоном.

Ответ приходит быстро:

«Не жди меня, я всё-таки опоздала. Препод заставил остаться и сразу отработать занятие в качестве наказания. Завтра обязательно всё обсудим! Не думай, что я дам тебе слиться.»

В конце стоял смайлик сердечка, вызвавший улыбку на лице.

Что ж, выбора нет. Значит, топаю домой.

Бодрым шагом иду к выходу из фойе. Все мои мысли занимает резкая перемена, произошедшая с Демьяном. Кусая губы, гадаю, в чём подвох.

Так не замечаю, как добираюсь до остановки, от которой ходит мой автобус.

Электронная табличка показывает пять минут до прибытия. Я сажусь на свободное место на скамье под козырьком и ничего не могу с собой поделать, потому что мысли плавно перетекают от Фролова к Глебу.

Зачем он преследует меня, если у него отношения с Леной Крицкой? Специально

сталкивает нас лбами или это просто совпадение, и она ему даже не девушка?

Справедливости ради стоит сказать, что на Соколовского всегда вешались девицы. Даже те, с кем он не встречался. Наш мажор был не просто в центре внимания, но и всеобщим любимцем. Поэтому его временные пассии скрепя зубы терпели всё это и делились, потому что выбора-то у них особо и не было.

Но со мной почему-то никогда не мирились. Тихо ненавидели. И не трогали.

Странно, что я за весь день ни разу не столкнулась с Соколовским. Обычно он мне проходу не даёт, сам, как чёрт из табакерки вылезает.

Утром я с ним не разговаривала. Первая сбежала в ванную и была во всеоружии, когда мажор проснулся. Да и он сам, как оказалось, не особо доброжелателен по утрам. Такое ощущение, что он на автомате выполнял необходимые ему функции: умылся, собрался, позавтракал, довёз меня до дома, как и обещал. Я забрала учебники, и мы поехали в универ.

Всё. Даже не прощались.

Может, он сразу же после этого домой свалил отсыпаться? Я же его разбудила среди ночи... Хотя нет, Полина же упоминала, что видела его и Крицкую на паре вместе.

Мысль о нашем поцелуе заставляет смутиться. А то, что после ночи, проведённой со мной, он сразу же обжимался с Леной — разозлиться. Лицо начинает пылать, и я прикладываю к щекам прохладные ладони.

Так, Арина, хватит думать о его губах и о том, что в его объятиях очень даже хорошо спится! Не хватало, чтобы ты пополнила ряды его воздыхательниц!

Автобус подъезжает вовремя. Я втыкаю наушники в уши и всю дорогу слушаю незамысловатые инструменталки, разгружающие мозг. Сентябрь незаметно подходит к концу, но погода всё ещё радуется тёплыми деньками, как сегодняшней. Поэтому я с энтузиазмом подставляю лицо лучам солнца. Греюсь. И радуюсь тому, что у меня, кажется, появилась подруга.

Внутренний двор у моего подъезда вызывает неприятные воспоминания. Ничего не могу с собой поделаться, ёжусь. Меня всю передёргивает, и я быстрым шагом иду к домофону. Достāju ключи, чтобы приложить чип и открыть дверь.

Но ключи выпадают из рук и с характерным грохотом приземляются на землю, потому что за спиной раздаётся внезапное:

— Почему не позвонила? Я же вчера обещал забрать тебя после пар.

— Соколовский! — От пережитого испуга разворачиваюсь и со всего маха бью его по груди. — Сколько можно вот так вот подкрадываться? Меня точно инфаркт тяпнет! Ой, не могу... — Закрываю глаза и прислоняюсь лбом к ледяной двери.

Сердце колотится, пытаюсь пробить дыру в груди, а легкие не успевают насыщать ткани кислородом. Ноги подкашиваются, и я разворачиваюсь, чтобы прислониться спиной к стене у подъездной двери.

— Я не виноват, что ты постоянно витаешь в облаках. На вопрос отвечай. — Требуется мажор.

Выглядит он помято: под глазами мешки, а белок в них красный от расширившихся сосудов. Лицо какое-то осунувшееся.

— Я не помню, чтобы ты обещал меня довезти вчера. — Говорю, отдышавшись. — И вообще, если ты забыл, мой телефон приказал долго жить.

— А. Точно. — Заторможенно произносит Глеб, на секунду поднимая глаза к небу.

Вспоминает события вчерашнего вечера, наверное.

— Ехал бы ты домой. Поспал, как следует. — Выдаю, неожиданно для самой себя.

Даже Соколовский впечатляется.

— Беспокоишься обо мне? — Недоверчиво выгибает бровь брюнет.

— Нет, — иронично, — ты своим видом прохожих пугаешь. Выглядишь, как свежий зомби.

— Осторожнее, а то покусая, — нахально ухмыляется этот гад и впечатывает руку в стену возле моей головы.

— Оставь свои трюки для Крицкой, — ныряю под его руку и прикладываю чип к домофону, — Глебасик. — Зачем-то добавляю ядовитое.

Домофон радостно пиликает. Я открываю дверь и быстро скрываюсь за ней. Но Соколовский успевает подставить ногу в узкий проём, чтобы та не закрылась, и заходит следом за мной.

Я кошусь по сторонам, надеясь, что нас никто не увидит. Во дворике на скамейках я мельком заметила пару бабушек из нашего подъезда, но радуется одно — Никифоровны среди них нет. Так что сплетня до неё дойдёт не сразу.

Но это не отменяет того факта, что она всё-таки дойдёт. И тогда...

Я не хочу думать, что «тогда», поэтому молча поднимаюсь по лестнице на седьмой этаж.

— И часто у вас тут лифты не работают? — Голос мажора эхом разносится по лестничным клеткам.

Я разворачиваюсь и шикаю на него.

— Потихе. Мне итак проблем из-за тебя хватает. — Поджимаю губы, чтобы не ляпнуть ничего лишнего.

Как бы мне ни хотелось обвинить Глеба в том, что из-за него Афанасия Никифоровна пожаловалась маме, что ко мне по ночам парни шастают, я не могу это сделать. Он спас меня тогда. И кем я после этого буду, если начну предъявлять за это?

Если бы не он... Кто знает, чем бы всё закончилось для меня в тот день.

— Кстати, причём тут Крицкая? — Не унимается Соколовский, хоть и говорит полущёпотом.

А я для себя подмечаю тот факт, что отвратительное прозвище «Глебасик» Соколовский намеренно пропустил мимо ушей.

— Не строй из себя дурака. Тебе не идёт. — Кривлюсь, но брюнет не может этого видеть, потому что идёт позади.

— Я с ней встречался в начале семестра пару раз. Ничего серьёзного. Так что не стоит приписывать мне отношения с ней. — Бубнит мажор. — Или ты ревнуешь?

Я останавливаюсь и резко оборачиваюсь. Сталкиваюсь с Глебом лицом к лицу, вынуждая последнего прекратить шагать по лестнице.

Наши взгляды схлёстываются, ведя незримую войну. Я не уступаю, но чувствую, что проигрываю эту битву.

В конце концов, парень выдаёт уверенное:

— Ревнуешь. — Довольным тоном припечатывает он. Хитро сощуривается и тянется к моим губам, но я отшатываюсь.

— Ещё чего! Ни за что в жизни, понятно? Сдалось мне следить за каждой твоей пассией... — Всплёскиваю руками и разворачиваюсь, чтобы продолжить подниматься вверх.

— Тогда откуда ты узнала о Лене?

Я буквально кожей ощущаю, как снижается градус в его голосе. Он становится низким и вибрирующим.

Вопрос правильный. Я и подумать не могла, что Соколовский так ловко сложит два плюс два.

— Слухи быстро разлетаются по универу. — Увиливаю от прямого ответа. И вижу перед внутренним взором злую Полю, которая угрожающе машет мне указательным пальцем, настаивая, чтобы я обо всём рассказала Глебу.

Я отмахиваюсь от призрачного облика подруги, хотя и признаю, что она права. Это нужно будет сделать.

Но не сейчас.

— Слухи... — Басовито тянет брюнет. Но больше ничего не говорит.

Мы, наконец, добираемся до седьмого этажа. Я нервничаю, потому что Никифоровна, наверняка, бдит. Оглядываюсь и смотрю на дверной глазок, в котором мне мерещится орлиный глаз старушки.

Соколовский замечает это и тоже устремляет свой взгляд на соседнюю квартиру. Качает головой. И, кажется, обо всём догадывается.

— Соседи докучают? — Просто говорит он, пока я разбираюсь со связкой ключей, пытаюсь отыскать нужный. — Это из-за них тебе мама вчера звонила?

Я понижаю. Встречаюсь с янтарными глазами мажора и прошу:

— Пожалуйста, если ты не хочешь доставлять мне лишних проблем, уходи поскорее. Я всё равно не пущу тебя внутрь.

Вставляю ключ в дверной замок. Пытаюсь повернуть его, но дверь заклинило. Предпринимаю ещё одну попытку. И ещё. Но история повторяется.

— Дай помогу. — Хмурится парень, отодвигая меня в сторону. И тихо бормочет себе под нос, словно я его не слышу. — Не хватало, чтобы там грабители оказались. Тогда я точно запишу тебя в разряд самых невезучих людей на Земле.

— Иногда мне кажется, что все эти неприятности притягиваются магнитом, как раз таки из-за тебя, — ворчу в ответ, но отхожу в сторону и позволяю Соколовскому разобраться с замком.

Спустя пару попыток, он хмуро поворачивается ко мне и собирается выдать вердикт, но этого и не требуется. Дверь сам распаивается изнутри и на лестничную площадку выходит мама.

— Мама? — Поражённо хлопаю ресницами.

Хочется спросить следом, почему она тут, но, если рассуждать здраво, то её приезда стоило ожидать. Накануне мы поссорились, она наверняка не раз пыталась дозвониться до меня после этого. Но телефона больше нет...

Родительница собирается отчитать меня на весь подъезд. Уже даже открывает рот. Но тут она замечает Глеба за моей спиной, и выражение ярости сменяет удивлённая гримаса. Настал её черед быть сбитой с толку.

— Глеб? Что ты тут делаешь? — Недовольно интересуется мама, окидывая парня с ног до головы неприязненным взглядом.

— И вам доброго дня, Ольга Викторовна. — Я слышу сарказм в голосе Соколовского, но мама этого не замечает. Скрещивает руки на груди и ждёт ответа. — Я провожал Арину до дома. Последнее время в этом районе слишком много хулиганов...

Я предостерегающе смотрю на брюнета, и тот осекается. Хотя, судя по лицу, не понимает, почему я его остановила.

Маме не обязательно знать о том, что меня чуть не обокрали и не сделали чего похуже. Она в любом случае обвинит во всём меня, мой внешний вид и припишет распутный образ жизни. Я ведь такая в её глазах. Не знаю, что я должна сделать, чтобы встать на один уровень с младшим братом и чтобы меня любили просто за то, что я есть.

На родительнице махровый халат, её русые волосы собраны в пучок, но выглядит она опрятно. С кухни доносится запах жареной картошки — она готовила.

Что странно и подозрительно, потому что обычно, если она и навещает меня, то проездом и вместе с Олегом. А тут одна. Да ещё и кушать приготовила. Что-то тут не так...

— Спасибо, молодой человек, в гости звать не буду, уж извини. У нас с Ариной предстоит важный разговор. — Сухо бросает мама и кивает мне подбородком, чтобы я проходила внутрь, удерживая дверь нараспашку.

Соколовский почему-то не двигается с места. Вперил свои янтарные глазищи в меня и ждёт, будто я должна что-то сказать.

Сглатываю ком в горле, появившийся после слов матери. Я уже знаю, что за разговор меня ждёт. Подозреваю, что одними криками и нравоучениями всё не обойдётся.

— Спасибо, что проводил, Глеб. — Хрипло выдыхаю я. — Увидимся в универе. — Опускаю взгляд, разрывая зрительный контакт.

Нельзя полагаться на Соколовского. То, что произошло вчера — случайность. Единичный сбой в системе. Он — мой давний враг. Тот, кто всегда издевается и высмеивает. Узнай Глеб обо мне ещё больше, появятся новые шуточки, новые причины для того, чтобы ужалить побольнее.

Лучше пусть уходит. Потому что после вчерашнего у меня ложное ощущение, будто рядом с ним я в безопасности.

— До свидания. — В тон маме бросает мажор. — Пока, Арина. — Заостряет внимание на моём имени. И мне кажется, словно я его чем-то обидела.

Я вижу, как парень сует руки в карманы и быстрым шагом спускается по лестнице. Не поднимаю глаза на маму до тех пор, пока шаги брюнета не становятся едва слышными.

— Заходи, чего стоишь. — Грубо бросает родительница, как только мы остаёмся

наедине.

Впервые в жизни я хочу, чтобы в квартире обнаружился Олег. При нём мама будет вести себя более-менее сдержанно.

Но мои надежды не оправдываются. В квартире больше никого нет.

В полном молчании я разуваюсь. Стягиваю с себя джинсовку. Ставлю сумку на комод. И всё это под пристальным, осязаемым взглядом матери.

— Жду тебя на кухне. — Говорит таким тоном, что я окончательно убеждаюсь, что разговор будет пренеприятнейшим. Отвратительным. Таким, что мне захочется после него помыться и не раз.

— Хорошо.

Я смиряюсь. В конце концов, это будет заслужено. Пусть и отчасти. Парня водила к себе? Водила. С мамой препиралась? Препиралась. Грубила? Грубила. Телефон разбила? Разбила.

Кого волнуют причины?

Мою руки. Умываюсь. Оттягиваю разговор до последнего. Смотрю на себя в зеркало и не узнаю: взгляд потухший, под глазами синяки от усталости и постоянного стресса, лицо бледное.

Как я докатилась до такого состояния?

Мама ест жареную картошку, запивая её молоком, когда я захожу на кухню. Она, не отрываясь, смотрит в телевизор. Демонстративно игнорирует меня до тех пор, пока я не усаживаюсь напротив. Только потом соизволяет оглядеть меня с ног до головы. И выражение её лица такое, будто я облита грязью.

— Поверить не могу, что воспитала такую дочь... — Начинает она, а у меня уже на глаза наворачиваются слёзы. Хочется заткнуть уши, как в детстве и не слушать. Закрывать глаза и не видеть родную мать, которая тебя не любит. — Как ты могла так с нами поступить? Как ты могла опозорить семью?

— Мам... — Мой голос дрожит от едва сдерживаемых слёз. — Пожалуйста...

— Не оправдывайся, — отмахивается от меня, как от назойливой мухи. — Мы всё знаем. Да и то, что этот сынок мэра сегодня был с тобой, лишний раз доказывает, что Никифоровна была права. Такая добрая старушка, дай бог ей здоровья. Как хорошо, что она нас вовремя предупредила.

Очень добрая... Прямо-таки мастер спорта по методам порчи чужой жизни и сования носа, куда не просят. Мастер перевернуть ситуацию с ног на голову и выставить её в нелицеприятном свете.

— О чём? — Просто спрашиваю я.

Мне вдруг становится так всё равно. Мама никогда мне не верила, не поверит и сейчас. Даже если я буду на коленях её умолять и клясться в том, что всё неправда.

— О том, что ты пошла по наклонной. Стала как эти... — Она вскидывает руку и морщится. — Проститутки, которые ложатся под любого мужика, у которого денег куры не клюют. Продают себя. Не думала я, что доживу до такого...

Я ожидала услышать что угодно, но не это. Мои глаза становятся размером с десять копеек. Кровь отливает от лица и я не нахожу, что сказать.

Мама вдруг встаёт с уголка, ухмыляется, пытаюсь казаться огорчённой, но её глаза остаются спокойными.

— Что, даже не станешь оправдываться? — И не даёт мне вставить и слова, продолжая

дальше. — Понимаю. Ведь все факты на лицо. А ведь я до последнего не верила. Но стоило приехать, как горькая реальность свалилась мне на голову. Позор, Арина! Позор! И эти твои белые волосы... — Она с презрением поддевает мою прядь и тут же отдёргивает палец, будто обожглась. — Теперь понятно, зачем тебе нужен был такой вульгарный вид. Товар должен быть презентабельным. Понимаю.

Она кивает головой, совсем не понимая, как сильно жалит. Как глубоко задевает меня, не просто рая, а растаптывая.

— Неужели ты поверила в тот бред, который тебе наговорила Афанасия Никифоровна? — Сжимаю двумя пальцами переносицу, чтобы удержать слёзы. Мама терпеть не может, когда я плачу, приходя в ещё большее неистовство. Считаю, что я, таким образом, пытаюсь ей манипулировать. — Мам? Ты, правда, в это веришь? Что я на такое способна? — Поднимаю взгляд и пытаюсь воззвать к ней.

В последний раз.

Родительница на секунду тушует. Слово сомневается. Но уже спустя секунду в голубых глазах, которые так похожи на мои, загорается огонь уверенности в том, что она говорит.

— Не смей играть на моих чувствах! — Шипит она. И вдруг выходит из себя.

Выскакивает из кухни. Несётся вглубь квартиры, а затем возвращается с коробкой в руках. Той самой коробкой, внутри которой дорожное платье. Трясёт ей перед моим лицом.

— Что это? Где ты это взяла? Хочешь сказать, что подрабатывала честным трудом? — Чуть ли не плюётся слюной от охватившего её гнева. — Я знаю, сколько стоят такие платья. Да ты бы за месяц не заработала столько на вечерних подработках!

— Это подарок! — Отчаянно всхлипываю я. — Не знаю, как тебя убедить! Заставить поверить мне! — Но вдруг в голову приходит мысль. — Хочешь, прямо сейчас, пойдём к гинекологу! Пусть он при тебе меня осмотрит и подтвердит, что я ничем таким не занимаюсь! — Под конец фразы уже и я прихожу в ярость от обиды, которая гложет с самого детства.

— Деньги бы я ещё не тратила! Лишние что ли?

Швыряет коробку на угол. Та распаивается, и платье вылетает наружу. Каким-то чудом миновав жирную тарелку с картошкой.

Я бросаюсь к подарку и с трепетом, осторожно укладываю платье внутрь. Губы трясутся, когда я произношу тихое:

— Чего ты хочешь, мам? Чего ты добиваешься?

— Чтобы ты прекратила позорить семью!

— Да чем? Тем, что всеми силами стараюсь быть лучшей во всём и заслужить твою любовь? — Выпаливаю я, ощущая, как по щекам всё же бегут дорожки слёз. — Я позорю вашу семью лишь в твоём воображении! — Намеренно разделяю их с отчимом и Никитой, и себя.

Мама вдруг меняется в лице. Оно становится холодным, жёстким и безразличным.

— Ты перешла черту Арина. Я не намерена больше терпеть такое отношение. Собирай вещи и выметайся. Может, хоть так поймёшь, сколько мы для тебя сделали и сколько в тебя вложили! Прав был Олег, никакого уважения, только бесполезная трата денег на тебя впустую!

Внутри всё холодеет. Онемевает. Я больше не думаю. Запрещаю себе это делать, чтобы не поддаться эмоциям и не сорваться в истерику. Хватаю коробку с платьем, несусь к себе в

комнату. Достаяю из шкафа небольшой чемоданчик. Вещей у меня немного, поэтому на то, чтобы их собрать, у меня уходит не больше пяти минут.

Мать всё это время стоит в дверном проёме, опираясь плечом о косяк, и просто смотрит. На её лице, кроме презрения, ничего больше нет. Ни единой эмоции. Никакого сожаления. Словно так и нужно — выгонять дочь из дома из-за слухов.

Простых слухов! Боже...

— Так и думала, — бросает мне... женщина, родившая меня, когда я прохожу мимо неё в коридор. — Раз собрала манатки, значит, есть куда идти. Любовничек ждёт?

Я не понимаю, почему она продолжает меня жалить. Почему не замолчит хоть на несколько минут. И не понимаю, почему не останавливает. Неужели это реальность? Моя родная мать выгоняет меня из дома и никак этому не препятствует...

С силой зажмуриваюсь и сглатываю огромный ком в горле. Тело ледяное от шока и стресса. От неприятия происходящего. Но я напоминаю себе, что это реальность. И что мне нужно идти...

Куда? Не знаю... Придумаю... Что-нибудь придумаю...

Я нервно обуваюсь, блокируя любую попытку думать о чём бы то ни было, когда слышу:

— Телефон верни. Никитке как раз собирались покупать. А ты... — Её взгляд цепляется за коробку в моих руках. — Ты и без нас проживёшь. — Словно успокаивает себя и снимает ответственность за всё.

Мать тянет ко мне руку в ожидании. А я замираю и холодею ещё больше. Разбитый телефон лежит на дне моего рюкзака. Экран весь в паутинке из трещин и просто отдать его и уйти не получится.

— Что с ним? — Улавливает тревогу на моём лице. — Отвечай, Арина! — Грозно.

— У меня нет телефона... Его... — Не знаю почему, но решаю солгать. — Его украли. Вчера.

Мать белеет от ярости. А в следующий миг подлетает ко мне. Вырывает рюкзак из моих рук и вытряхивает всё его содержимое наружу. На пол летят две книги, несколько тетрадей, пенал с канцелярией, небольшая косметичка, разбитый телефон и...

И новенький яблочный смартфон в упаковке.

Мы с мамой обе таращимся на небольшую коробочку с телефоном около минуты. В полнейшем молчании.

Откуда?..

Я не успеваю додумать мысль, потому что ответ приходит моментально — Глеб.

И платье и яблочный смартфон последней модели — его рук дело. Сомнений больше не остаётся.

Но как же не вовремя...

Почему сейчас? И когда он вообще успел купить и подкинуть телефон?

— Шлюха продажная... — Сбоку раздаётся шепот матери полный ярости. — Могла сказать, что тебя спонсируют, чтобы мы не тратились. А тебе мало! У нас вымогаешь, зная, каким тяжким трудом Олегу достаются деньги, так ещё и наглости хватает у хахаля своего второй выпрашивать.

Она подлетает ко мне, наклоняется и поднимает с пола мой старенький смартфон и с выражением крайнего изумления смотрит на трещины, ползущие по всему экрану.

— Ты его разбила?! — Поднимает руку с зажатым в ней аппаратом и трясёт у меня перед носом. А затем размахивается и бьёт меня по щеке. Кожу сначала обжигает, и лишь

после приходит боль. — Теперь понятно, почему я сутки не могла до тебя дозвониться. — Её всю трясёт от злости. — Проваливай! Выметайся из дома, гадина! — Кричит мать и тычет пальцем в дверь. — И забудь дорогу сюда. Хватит, наигралась.

Пустота — вот что я испытываю после её слов.

Молча наклоняюсь и собираю раскиданные вещи в рюкзак. В этот момент хочется проснуться, но, к сожалению, всё это реальность. Меня не просто трясёт, меня всю колошматит. Грудь будто тисками сдавило. Каждый вдох даётся мне с трудом.

— Это в качестве компенсации за впустую потраченные на тебя деньги. — Мать подбирает яблочный смартфон и судорожно прячет его себе подмышку. Её стопа нервно дёргается в ожидании, пока я уйду.

Я больше не поднимаю глаза на её лицо. Не хочу видеть... Не хочу... Это выше моих сил.

— Пока... мам. — Выдавливаю сквозь ком в горле. Сквозь тиски на голосовых связках.

— Не строй из себя жертву! — Шипит она в ответ.

И я больше не слушаю. Открываю дверь. Выхожу. И, казалось, разве может быть хуже? Оказывается, может.

На лестничной площадке стоит Афанасия Никифоровна и охает, хватаясь за сердце.

— Не приведи господь такую дочь никому... Бедная Олечка... — Причитает старушка, провожая меня круглыми и выпученными от ужаса глазами. Притворными или нет — уже сторонний вопрос. И абсолютно меня не касающийся.

Идти мне некуда. Звонить не с чего. Просить о помощи — тоже.

— Ой, и не говорите, Никифоровна... — Доносится до меня жалостливый голос матери. — Я сама в шоке... Думала, в колени упадёт, будет прощения просить... Разве я бы не простила? А она... Ох! Только подтвердила опасения. Раз ушла — есть куда идти...

— Не вини себя, Олечка...

Я не хочу это слушать. Я уже даже не вижу их, спускаясь по лестнице, но эхо доносит до меня их голоса и разговор.

— Да как же... Не уследила, не воспитала!

— Может, одумается? Вернётся?

— Ой, Афанасия Никифоровна, позор... Позор на мою голову...

Больше я не слышу, потому что спускаюсь на последних этажах на максимальной скорости, которую могу себе позволить с рюкзаком на плече и чемоданом и коробкой в руках.

Во дворике тихо. На удивление. Вечереет. Оранжевое солнышко, будто в насмешку, окрашивает высотные дома в весёлые краски. Я поднимаю голову вверх и позволяю себе разрыдаться. Слезы крупными каплями стекают по лицу вниз и тонут в волосах. Судорожно всхлипывая, опускаюсь на корточки и утыкаюсь лбом колени.

В голове роится хаос мыслей: почему, за что, как так? Но ответа у меня нет. Лишь жгучая обида на весь мир.

Куда мне идти? Где взять средства на существование? Завтра пары, а я абсолютно не готова... Да и за учёбу теперь нечем платить. Единственные, к кому бы я сейчас могла обратиться за помощью — Красновы. Но я не помню их номера и не знаю, где они живут.

Я настолько утопаю в собственном горе, захлёбываюсь в нём и слезах, что не сразу слышу, что кто-то зовёт меня по имени. И, даже слыша, уже никак не реагирую. Мне хочется исчезнуть. Раствориться и больше ничего не чувствовать.

А потом у меня просто уходит земля из-под ног — кто-то поднял меня на руки.

— Тише, малышка, тише, — шепчет на ухо знакомый бас. — Я тут, я рядом.

От неожиданности поднимаю заплаканные глаза на Соколовского. Протираю их кулачками, чтобы убедиться, что это не плод моей фантазии. Не галлюцинация. И убеждаюсь — парень реален. Я чувствую тепло его тела, оно согревает мои озябшие конечности своим жаром. Я ощущаю дыхание Глеба на своей коже. Вдыхаю древесный аромат его парфюма. Чувствую, как сильно и глухо бьётся сердце в груди брюнета.

— Глеб, — надрывный полу всхлип срывается с моих губ, и я прячу лицо в вороте его кожанки, небрежно наброшенной сверху.

Куртка насквозь пропитана не только ароматом одеколona Соколовского, но и его личным запахом. Тем самым, который действует на меня, как ударная доза успокоительного и одновременно пробуждает все рецепторы к жизни.

— Я отнесу тебя в машину, а потом вернусь за вещами, — негромко говорит он, обдавая моё ухо своим дыханием. А сам продолжает прижимать к себе, поглаживая каждый участок тела, до которого может дотянуться.

— А вдруг кто-нибудь за это время утащит... — Запинаясь, произношу какую-то бредовую мысль, что пришла в голову первой.

— Такой смертник вряд ли отыщется, Жемчужинка, не переживай. Найду каждого! — В его голосе слышится ложная бравада, но на подсознании я понимаю, что это всего лишь попытка меня успокоить или рассмешить. — Да и я быстро. Одна нога здесь, другая — там.

С этими словами Соколовский и вправду быстро доносит меня до своей машины, словно я ничего не вешу. Усаживает на заднее сиденье и предусмотрительно закрывает машину, когда уходит. Я не успеваю вновь погрузиться в пучину боли и отчаяния, как Глеб возвращается вновь. Укладывает мои вещи в багажник Порше, но после не садится на водительское место.

Он обходит машину, открывает заднюю дверь с другой стороны и усаживается рядом со мной.

— Ты чего совсем расклеилась? — Его слова звучат как-то неуклюже. Будто он совсем не умеет утешать. Но даже эта попытка после пережитого кажется мне верхом заботы. — Арина?

Глеб тянет свою огромную лапищу ко мне, скрученной в маленький комочек. Осторожно касается щеки. Гладит ладонью. И, не встретив сопротивления, притягивает меня всю к себе. Обнимает. Прячет в своих медвежьих объятиях от всего мира.

— Прости меня, Глеб. Прости, что тебе пришлось это всё увидеть. Прости, что снова...

— Ну, всё, всё, — парень гладит меня по голове, покрывает утешающими поцелуями лоб, нос, щеки. И нет в этих поцелуях ни грамма сексуального подтекста. Лишь желание утешить, забота и доброта. Простое человеческое тепло. — Не думай об этом сейчас. Для начала перестань плакать. — Он обхватывает ладонями моё лицо и заставляет посмотреть на него. В эти янтарные глаза, так похожие на мёд.

Взгляд Соколовского искрится множеством эмоций. В этих глазах плещется всё: от сочувствия до непонятной мне злости, которая, я чётко ощущаю, направлена не на меня. Он прячет весь негатив на дне этих омутов, окутывая только сносящим с ног желанием помочь.

— Вот так, умничка. — Улыбка брюнета, появившаяся на лице, может посоперничать с самим солнцем. — Сейчас мы заедем в аптеку, купим успокоительное, я отвезу тебя к себе и ты поспишь. Договорились? — Он разговаривает со мной, как с маленькой, но впервые меня это не задевает.

Киваю, соглашаясь. Мне так хочется сделать то, что он озвучил — уснуть и забыться. Не думать ни о чём. Хочется побыть маленькой девочкой, о которой кто-то позаботится. Хотя бы сейчас. На время. До завтра. А уже потом я буду думать, как лучше решить свои проблемы.

— Договорились.

— Мир? — Тянет мизинчик Соколовский.

Мне вдруг становится до абсурдного смешно. С губ слетает нервный смешок, когда я во все глаза смотрю на этого двухметрового бугая, который ведёт себя, будто мы снова в первом классе.

— Мир. — Хриплю я каркающим, не своим голосом, и поспешно добавляю. — Не только сегодня.

— Только сегодня, — по-доброму усмехается Глеб и крепче прижимает меня к себе. Так, что мой нос утыкается в его шею и меня вновь с головой топит его дурманящий запах.

Благодарность с такой силой захлёстывает меня, что я не сдерживаюсь. Робко и с опаской вытягиваю руки вперёд, пытаюсь обхватить торс Соколовского. Обнять. Но с моей комплекцией я едва достаю кончиками пальцев до его лопаток с обеих сторон.

— Вот так, маленькая. Вот так, — помогает мне обнять себя, меняя позу и подстраиваясь так, чтобы мне было удобно.

Всё же машина — не то место, где можно было с лёгкостью развернуться, особенно Соколовскому, но мажору каким-то чудом это удаётся. Он откидывается назад, буквально укладывая меня на себя, и вытягивает ноги. Но я не успеваю смутиться, потому что он закутывает меня в свою кожанку и уже сам прячет моё лицо на своей груди.

— Всё будет хорошо, Жемчужинка. Всё будет хорошо, — шепчет мне в макушку, целуя, пока меня захлёстывают противоречивые эмоции от его слов и действий. — Я тебе это обещаю.

***

Глеб Соколовский

Смотрю на спящую на заднем сидении Арину и не могу поверить своим глазам. И нет, не тому, что она — та, что всегда бесила и раздражала, как заноза в причинном месте —

сейчас вместе со мной.

Я просто в дичайшем шоке, через что пришлось пройти этой хрупкой с виду девушке.

Сколько всего она держала в себе? Сколько пережила? А тут ещё и я подгаживал... Причём тупо из-за того, что когда-то Арина посчитала меня недостойным её царского внимания.

Так я считал. И дал себе обещание сбить спесь с зазнавшейся одноклассницы.

Сбил, ага... Заигрался. Откровенно доводил Скворцову и преследовал все эти годы по банальной причине — привычка. Но кто же знал, что она возвращается после школы в этот ад...

Никому не пожелаешь таких родителей...

Вновь кидаю короткий взгляд на Арину через зеркало заднего вида. Она лежит на сидении и тихонько сопит, свернувшись в позу эмбриона. Накрытая моей курткой. Её шелковистые волосы — я проверял на ощупь — закрывают заплаканное личико.

Она выглядит так беззащитно. Как ангел, который спустился с небес в этот пропитанный гнилью мир. И это видение пробуждает во мне что-то такое, во что я отказываюсь верить. Понимать. И, что ещё хуже, принимать.

А это чувство, как назло, лишь сильнее жжёт под рёбрами. Не отпускает. Настойчиво требует, чтобы я защитил эту девушку от всего на свете. Спрятал, если понадобится, даже от её ненормальной мамы.

Поэтому я не уехал.

Предчувствие? Возможно. А может...

Встряхиваю головой, сосредотачиваясь на дороге. Борюсь с этим странным и бесконтрольным желанием, которое берёт верх. Потому что знаю, чем мне это грозит...

Но на примере своего отца могу сказать, что даже самая большая любовь идёт рука об руку с женской меркантильностью, когда на кону маячат огромные суммы денег. Поэтому, чёрта с два, я когда-нибудь позволю себе по-настоящему полюбить. Примера с моей родной матерью хватило.

Мальчишкой я ещё не понимал, почему мама могла бросить собственного ребёнка. Но стоило подрасти, и отец обо всём мне рассказал. Он очень сильно любил свою жену. Первую и последнюю. Больше не женился. Проходные дамы в его постели после мамы не в счёт.

Отец настолько сильно любил и, вероятно, любит её до сих пор, что делает всё, лишь бы видеть родного сына, который так похож на мать, как можно реже. Я для него — как та самая соль, что сыпят на рану. Незажившую рану.

Стискиваю руль и сворачиваю в сторону подземной парковки элитной многоэтажки. Отец купил мне эту квартиру, как только у меня появился паспорт. Избавился бы, наверное, в тот же день, но не позволял мой несовершеннолетний возраст. Поэтому дома он появлялся настолько редко, что наша экономка стала роднее, чем кровный отец.

Да и похрен. Откупается и ладно.

Паркуюсь в привычном месте. Глушу мотор. И около пяти минут залипаю в лобовое.

Кто же знал, что наши с Ариной судьбы настолько похожи...

Но прекратил бы я её преследовать, знай с самого начала всю правду? Вряд ли. Хотя, признаю, был бы... Гуманнее, что ли...

Будить бывшую одноклассницу не хочется, поэтому я откидываюсь на спинку водительского кресла и уже собираюсь просидеть в машине до тех пор, пока девчонка не проснётся. Но вовремя вспоминаю, что Скворцова выпила успокоительное, которое мы

купили ей по дороге.

Скорей всего, точно не проснётся, если я просто перенесу её к себе в квартиру.

Так и случается. Девчонка мирно сопит, даже когда я беру её на руки, закрываю машину и поднимаюсь на лифте до своего этажа. Не просыпается она, и когда я открываю дверь ключ картой, возясь в кармане джинс с ней на руках. И когда укладываю на свою двуспальную кровать.

Соблазн остаться и лечь рядом — слишком велик. А Скворцова невероятно притягательна и незащищена.

Прошлой ночью я спал, как убитый. И не постесняюсь сказать, что это была лучшая ночь в моей жизни при условии, что я впервые просто спал рядом с девушкой. Самому удивительно, но как бы сильно мой член не пытался протаранить спальные штаны, мне удалось заставить себя отвернуться и уснуть.

Почему-то мне было важно, чтобы Арина чувствовала себя в моём присутствии спокойно и не волновалась о том, что я могу её к чему-то склонить или принудить.

И вот эта девушка вновь в моей спальне. Вновь в моей кровати. А я не хочу спать в другой комнате. Я хочу остаться здесь и лечь рядом. Обнять Арину сзади, притянуть к себе, уткнуться носом в её шею и вдыхать восхитительный сладковатый запах.

Треш... В какой момент всё изменилось? В какой момент моя неприязнь к этой блондинке стала чем-то иным? Я ведь...

Мои мысли прерывает судорожный вскрик. Девушка вдруг издаёт тихий скулёж, и шепчет сквозь сон:

— Мамочка, пожалуйста... Я не такая... Мам...

Моё сердце замирает в груди. Я застываю, как вкопанный, примерно понимая, что за серьёзный разговор был между матерью и дочерью. Представляю, что мамаша Скворцовой подумала, когда увидела меня рядом. Они же до сих пор считают меня врагом семьи, думая, будто я виноват в том, что отчима Арины уволили с должности.

А что если... Что если как раз таки Арину и обвинили во всём? На мне ведь не отыграешься. Всё-таки мой отец — мэр. Очевидно, кого сделали крайним по итогу.

Ля-я-я...

Крадучись, подхожу к девушке и осторожно, чтобы не разбудить, сажусь с краю. Как замороженный, не могу оторвать взгляд от страдальческого выражения лица Скворцовой. Тяну руку к Арине и начинаю успокаивающе гладить её по макушке. Хватает парочки таких движений, чтобы она затихла.

Но следующее её действие не просто шокирует, а выбивает нахрен из реальности.

Арина, как кошка, ластится к моей руке. Неосознанно льнёт. Трётся об неё. А когда я пытаюсь убрать ладонь от греха подальше, не даёт это сделать. Инстинктивно хватается за неё своими маленькими ладошками и притягивает к своей щеке.

— Не уходи, Глеб... — Шепчет она.

Я сглатываю. Во все глаза таращусь на Арину так, словно впервые вижу. Меня трясёт всего, как грёбанного наркомана. Я мог бы заставить себя уйти, если бы девчонка просто выдала «не уходи». Мало ли кого она могла представить.

Но Скворцова звала именно меня!

Во сне.

Сердце глухо колотится. Мне хватает минуты на то, чтобы принять решение. И очистить свою совесть.

Прямо в одежде ложусь поверх одеяла. Делаю то, что так хотелось — притягиваю Арину к себе. Девушка доверчиво прижимается к моей груди. Вдыхает мой запах, от чего у меня мгновенно сносит крышу, и затихает. А спустя несколько минут дыхание девчонки успокаивается, и она вновь мирно сопит.

Чудеса...

Вот только до победного приходится гнать мысли о том, что мне самому так спокойнее. И что...

Мне снится сладкий сон, словно я лежу на облачке, и оно мягким коконом обволакивает меня. Так тепло и хорошо, что словами не передать. Просыпаться не хочется от слова совсем. Поэтому я позволяю себе понежиться подольше, удобнее устраиваясь в объятиях «облачка». На краю сознания скребётся фоновая тревога, будто что-то не так, но я лениво отмахиваюсь от всех мыслей и снова погружаюсь в мир грёз, не позволяя себе проснуться.

Я уже и забыла, когда в последний раз мне было так хорошо. И, самое главное, спокойно.

Второе пробуждение происходит после того, как я твёрдо убеждаюсь в том, что выспалась и полна сил. Да и лучик солнца последние пять минут упорно продолжает щекотать веки, не давая вновь окунуться в объятия Морфея. И немного раздражая.

Лениво разлепляю глаза. Кряхчу, собираясь потянуться всем телом, но не тут-то было — что-то не даёт мне это сделать. Я предпринимаю вторую попытку, но и она сопровождается провалом.

Ощущение, словно меня связали!

Просыпаюсь окончательно. Смотрю перед собой и абсолютно не узнаю пространство. Комната мне не знакома и она точно не моя! Один только тренажёр на стене уже намекает на то, что спальня мужская.

Перед глазами огромное панорамное окно в пол, в которое щедро светит осеннее солнышко. И оно же подтверждает промелькнувшую мысль о том, что уже перевалило за полдень. В углах — собранный тюль и не запахнутые с ночи портьеры. Ремонт в стиле хайтек убеждает в состоятельности владельца квартиры. А аскетичность и минимализм не оставляют сомнений — я не ошиблась в предположениях, хозяин комнаты точно мужчина.

Пульс за пару секунд разгоняется до максимальных значений. Кровь ревет в сосудах. Прислушиваюсь к своим чувствам и понимаю, что никто меня не связывал. Просто кто-то, лежащий позади, сложил на меня свои тяжеленные конечности и не испытывает при этом никаких угрызений совести. Он так же, как и я пару минут, назад блаженно сопит и видит десятый сон. И, наверняка приятный.

В ужасе хочется закричать или, как минимум, не сдаваться без боя. Дать отпор тому, кто лежит позади меня и, судя по всему, обнимает, топя в своих медвежьих объятиях. Но мозг вовремя гасит любые зачатки паники или неадекватных действий, подкидывая воспоминания о вчерашнем дне в ускоренном режиме просмотра.

Минута тех самых пяти стадий... И возникает принятие.

Вырваться уже не хочется. Но я вдруг с невероятным стыдом осознаю, что именно объятия Соколовского сочла тем самым «облачком».

Жар опалает щёки. Провалиться сквозь землю не получится при всём желании, но я благодарна уже лишь тому факту, что лежу не лицом к Глебу, а спиной. Да и он ещё спит. У меня есть возможность незаметно ускользнуть.

А потом меня будто молнией поражает.

Куда?

Запал и стыд стихают, уступая место печали. Я ничего не могу с этим поделать. Равно как и смириться с тем, что мама выгнала меня из дома и даже не беспокоится обо мне. Хоть убейте, я никак не могу осознать и принять тот факт, что родители могут так поступить со

своим ребёнком.

Я бы так никогда не поступила...

— Чего вздыхаешь? Уже третий раз за последние пять минут. — Раздаётся, как гром среди ясного неба, хриплый бас позади. Он настолько отличается от привычного мне голоса брюнета, что я чуть не подскакиваю на месте от испуга.

Но, видимо, я уже начинаю привыкать к тому, что Соколовский всегда подкрадывается и появляется, как чёрт из табакерки, потому что на физическом уровне даже не дёргаюсь, хотя и немного испугалась от неожиданности.

Третий, значит... А я и не заметила, что вообще вздыхаю.

— Я думала, ты спишь. — Констатирую вместо ответа. Убегаю. Не хочу говорить с Глебом о своих переживаниях и отношениях с родителями. Это личное и касается только моей семьи.

— Да, и спал бы дальше, если бы кое-кто не начал ёрзать и вздыхать. — Ворчит брюнет.

— Ну, уж извини, я не виновата, что у тебя такой чуткий сон. — Фыркаю, смущаясь. Какие бы эмоции меня не одолевали, самая яркая — то, что я спала с мужчиной в одной кровати. И до сих пор лежу с ним в обнимку. — Да и ты сам лишил меня свободы, так что твои проблемы. Надо было спать в другой части кровати, а не тянуть ко мне свои загребущие ручонки. Это уже становится плохой привычкой. — Дёргаю плечами, намекая на объятия, о которых я не просила.

И, хотя я возмущаюсь, на самом деле в глубине души очень благодарна Глебу за всё. И за вчерашнее и за то, что не оставил меня одну ночью. Я вспомнила, как мне снилась мама. Как я открыла глаза, а брюнет сидел рядышком на краю кровати и гладил меня по голове. Успокаивал.

Вспомнила свою просьбу остаться, адресованную Соколовскому... Это не было сказано сквозь сон или неосознанно. Вчера я действительно нуждалась в человеческом тепле. В нём.

Именно в нём — шаршит пониманием.

Доказательство этому тот факт, что я, несмотря на слова, продолжаю лежать рядом и позволяю Глебу меня обнимать. Прижиматься к своей спине. И...

— Плохой? А мне вот кажется, что привычка вполне себе приятная. Согласись?

Глеб сгребает меня в охапку, перебивая мысли. Не давая додумать и кое-что понять. Сбивает с толку и вновь вгоняет в краску тем, что утыкается носом в изгиб моей шеи. А потом и вовсе осторожно целует её.

Я резко выдыхаю. Вся подбираюсь. Остатки сонливости слетают, словно их не было совсем. Тело прошибает током, а низ живота опалает жаром.

— Глеб? — Осторожно спрашиваю его, но сама не понимаю, о чём именно. В мыслях самый настоящий хаос.

— М? — Раздаётся глухое. Дыхание парня застревает в моих волосах — Соколовский зарылся в них носом.

— Что ты делаешь? — Сглатываю.

— Что я делаю? — Глупо повторяет за мной.

— Это!

— Что это? — Говорит он и продолжает выводить кончиком носа непонятные узоры на моей коже. Заставляет покрываться мурашками от каждого его выдоха.

— Глеб! — Я пытаюсь, чтобы мой голос звучал строго, но получается испуганный писк. — Прекрати!

— Прекратить что? — Он будто издевается, и смущение переходит в возмущение.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я!

— О чём ты?

Я взрываюсь. Не выдерживаю. Полная гневного возмущения, умудряюсь развернуться на сто восемьдесят градусов. И лишь в последний момент осознаю свой провал, забывая гневную тираду, которую собиралась выпалить.

Мы оказываемся так близко, что не только наши носы и наши губы соприкасаются, ведь Соколовский так и не уменьшил силу, с которой сжимал меня в объятиях. Наоборот, как только мы оказались лицом к лицу, его тиски сжались сильнее.

Дыхание спирает в груди. Его катастрофически мало. Я дышу, как загнанная в угол добыча. И боюсь вымолвить хоть слово — любое движение моих губ сымитирует поцелуй.

Глаза брюнета прикрыты. Янтарная радужка кажется тёмной из-за зрачка, который заполнил всё доступное ему пространство. Сам парень не далеко от меня ушёл — его вздымающаяся грудь чаще соприкасается с моей. Он даже губы разомкнул, вдыхая кислород ртом.

— Арина...

Взгляд Соколовского подёрнут поволокой. Его ладонь, лежащая на пояснице, внезапно начинает движение вверх. Пальцы Глеба выписывают узоры вдоль всей спины. И это, казалось бы, невинное поглаживание, вызывает целую бурю эмоций в моей душе. И в теле.

Меня потряхивает. Во рту становится очень сухо. Взгляд сам собой опускается вниз и прилипает к губам брюнета. В голове туман, но я точно могу выкроить единственное связное желание — желание, чтобы губы парня накрыли мои.

Наверное, меня можно читать, словно открытую книгу, потому что уже в следующую секунду Глеб улавливает то, что транслирует мой взгляд. Он приникает к моим губам. Сминает их. Вначале мягко и неторопливо, позволяя мне привыкнуть к нему. К темпу. А затем у него будто крышу сносит.

И у меня тоже...

Соколовский сминает ладонями мою спину. Ощутимо впивается пальцами, прижимая к себе ещё ближе, хотя до этого мне казалось, что ближе уже некуда. Я сама льну к Глебу, ища больше ласки, с удивлением и небольшим испугом отмечая, что мне не просто нравятся поцелуи и прикосновения парня... Я хочу большего.

И на этот раз останавливать себя или Соколовского не собираюсь. Я до какого-то зуда под кожей, до дикого безумия в крови хочу окунуться в это пожарище с головой. Хочу отдаться этим чувствам и больше ни в чём себя не ограничивать.

Поэтому я с не меньшим пылом начинаю отвечать на поцелуи Глеба. Пусть неумело, пусть не совсем попадая в ритм, но со всей страстью, которая впервые охватила меня. Мои руки осторожно, изучающе скользят по торсу парня снизу вверх, а достигнув мощной шеи, я обхватываю её руками и топлю ладони в коротких волосах парня на затылке.

— Чёрт подери, Арина... — Хрипит Соколовский, на мгновение отрываясь от моих губ. — Ты понимаешь, что я не смогу остановиться? Зачем ты меня провоцируешь? Если это какая-то игра или личные счёты, лучше заставь меня прекратить прямо сейчас.

На лице брюнета застывает мучительное выражение. Он борется сам с собой, тут не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять. Хмурится и рвано дышит, словно зверь.

Но загвоздка в том, что я сама не хочу, чтобы он останавливался.

Что это — помутнение сознания, сознательный поиск утешения или же самое

настоящее и искреннее желание к этому мужчине, держащему меня в своих объятиях — не знаю и знать не хочу. Главное — чувства, что охватывают меня, когда Глеб ко мне прикасается. Когда целует. Когда ласкает.

Остальное уже не так важно.

Возможно, я пожалею потом, но... Сейчас я впервые хочу прислушаться к себе. Уступить чувствам и в кой-то веки отпустить разум. Ни о чём не думать.

Вместо ответа, я уже сама приникаю к его губам. Брюнет болезненно стонет, но не отталкивает меня, и я считаю это своей маленькой победой над ним.

Подхватив меня под бёдра, Соколовский усаживает мою податливую тушку на себя, перемещая нас из горизонтальной плоскости в вертикальную. Я инстинктивно скрещиваю ноги у парня за спиной. И, оказывается, так даже удобнее.

Но появляется фактор, который остужает мой пыл в одно мгновение — я буквально сижу на внушительном бугре, который недвусмысленно намекает о сильном желании Соколовского.

Брюнет это чувствует, но вместо слов провокационно трётся между моими раздвинутыми ногами. Вынуждает меня заёрзать. И это только усугубляет моё и без того шаткое положение.

Меня одновременно одолевают две абсолютно противоположные эмоции: ток внизу, посылает жаркие пульсирующие волны желания по всему телу, а страх перед неизвестным ледяными щупальцами вытаскивает трезвый рассудок на поверхность.

Удивительно, но Глеб очень тонко чувствует любые перемены в моём настроении. Я уже не в первый раз подмечаю этот факт. А теперь ещё раз убеждаюсь в этом.

— Дурочка, — усмешка искривляет губы парня. А голос всё такой же хриплый. — Сама не знаешь, чего хочешь.

— Знаю! — Упрямо заявляю я и тянусь к его губам, но Глеб в последний момент увеличивает расстояние между нашими лицами.

— Не знаешь. — Тише произносит он.

Я пылаю от возмущения. Или смущения. Ситуация крайне неоднозначная.

Меня... отвергли?

Страсть, которая захватила, в одну секунду оборачивается слезами. Они крупными каплями замирают в моих глазах, готовые вот-вот сорваться вниз. И, судя по ошарашенному взгляду парня, напугать эту каменную глыбу непредсказуемой даже для меня самой реакцией.

Но нас обоих прерывает громкий, внезапный пиликающий звук откуда-то из глубин квартиры.

Мы оба замираем в объятиях друг друга. Синхронно оборачиваемся в сторону вновь повторяющейся трели. И, если поначалу я думаю, что это звонит телефон Глеба, то со второго раза понимаю — это дверной звонок.

Мелодия не стихает. Тот, кто решил наведаться в гости к Соколовскому, настойчиво продолжает трезвонить. Внезапному гостю, похоже, совсем не знакомо такое чувство, как тактичность.

Брюнет не торопится ссаживать меня с себя. Но по его лицу понятно — он догадывается, кто может стоять за дверью. И не испытывает особого желания открывать её визитёру.

— Давай, притворимся, что никого нет дома? — Очень тихо шепчет парень.

Но у меня от его слов, как шестое чувство срабатывает. В груди всё сдавливает от неприятного предчувствия. Мне вдруг становится до тошноты противно от себя самой. От того, что я чуть было не переспала с Соколовским.

Чем я вообще думала?

Явно не мозгами...

— Пойди, открой. — Неловко слезаю с брюнета и отползаю к краю кровати. Глеб меня не удерживает. Лишь недовольно провожает взглядом. — Мало ли...

Ничего не ответив, Соколовский поджимает губы и встаёт с кровати. Приглаживает растрёпанные чёрные волосы на макушке и выходит из спальни. Плотной прикрывает за собой дверь, оставляя меня одну.

И эта деталь настораживает ещё больше. Подкармливает мои подозрения относительно визитёра.

Он не хочет, чтобы я что-то увидела или услышала?

Нервная дрожь сотрясает тело, когда я на цыпочках крадусь к двери. Прислоняюсь к ней ухом, ощущая себя невоспитанным ребёнком, который суёт свой нос, куда нужно и куда нет. И уже в следующую секунду слышу женский голос.

Гостья возмущает и шипит:

— Почему я не могу войти, Глеб? Что за игры? Пары пропустил, на звонки не отвечаешь!

— Ты мне что, мамочка, контролировать меня и следить за моей жизнью? — Грубо отвечает ей Соколовский. Судя по голосу, на его лице иронично-высокомерная маска.

— Я твоя девушка! — Ахает гостья, и я узнаю пришедшую по интонации.

Елена Крицкая. Брюнетка, которая угрожала мне и Полине в уборной, и настоятельно рекомендовала держаться от Соколовского подальше.

Но, вопреки ситуации, ужасает меня другая мысль.

Пары! Мы проспали пары! У меня вообще всё из головы вылетело после вчерашних событий! А Глеб продлил амнезию своей внезапной выходкой...

Гадство!

Прикусив губу, я бросаюсь к стеклянному столику напротив панорамного окна, на котором бесхозно лежит яблочный смартфон мажора. Нажимаю на экран, и у меня волосы дыбом встают, когда часы показывают полтретьего дня.

Я пропустила все три пары... О, нет... Нет-нет-нет!

Положив чужой телефон обратно на столик, падаю в огромное кресло рядом. На то, чтобы осознать масштаб последствий, хватает пары минут. Меня больше не волнует гостья и бабник Соколовский. Да и самому Глебу, похоже, уже не скрыть ничего и не отмазаться, если он вообще собирался это делать, потому что Крицкая вошла в раж и закатила истерику на всю квартиру. И, вероятно, подъезд тоже зацепила.

— Кто она? Чего молчишь?! Я же всё равно узнаю кто! Да я на ней живого места не оставлю! — Раздаются истерические вопли за дверью спальни. — Где эта шлюха? Здесь?

— Не забывайся! — Угрожающе басит брюнет. — Я тебе ничего не обещал. Лучше похорошему покинь мою квартиру.

— Ты пожалеешь об этом Соколовский! — Кричит брюнетка. Не нужно видеть её лицо, чтобы понять — девушка в гневе. — Я так просто это не ос... — Входная дверь с грохотом захлопывается, и я больше не слышу ничего.

Какое-то время в квартире стоит полная тишина.

А я... я уже ничему не удивляюсь и никак не реагирую на это. Слишком много неприятных событий за последние две недели. Слишком много потрясений. Поэтому просто подбираю ноги, сворачиваясь в кресле поудобнее, обхватываю их руками и кладу подбородок на колени. Мой безразличный взгляд устремляется в панорамное окно.

В такой позе меня и находит Глеб. Он не тратит время на нелепые объяснения и оправдания. Они никому из нас не нужны. Кто мы друг другу, по сути? Бывшие одноклассники? Заклятые враги? Временные сожители из-за того, что мажор решил поиграть в добряка?

— Прости за это. — Выдаёт, в конце концов.

Парень не приближается, и я ему за это благодарна. Меньше всего на свете мне бы сейчас хотелось отбиваться от Соколовского.

— Тебе не за что просить прощения. Это твоя жизнь. Твоя девушка. — Тихо отвечаю я, не отрывая взгляда от красивого вида на элитные многоэтажки с зеркальными окнами. — И лучше бы тебе с ней объясниться, пока это недоразумение не вылилось в нечто плохое и не стало слишком поздно.

— Ты неправильно поняла наши с Леной взаимоотношения.

Мне не нужно смотреть на Глеба, чтобы убедиться в том, что он кривится.

— Да тут нечего понимать. Это твоё дело. Почему это вообще должно меня волновать? — Меланхолично произношу мысли вслух. Пожимаю плечами.

Но, видимо, брюнету абсолютно не нравится такая реакция, потому что он встаёт передо мной, загораживая панорамные окна.

— Может, потому, что мы десять минут назад спали вместе в этой кровати? Целовались? — Зло подмечает мажор. Жалит в самые уязвимые точки.

— Это не имеет значения. — Выпаливаю я, отводя взгляд от Соколовского, который скрещивает руки на груди и не сводит с меня испытывающего взгляда.

— Вот как? — Угрожающе понижает голос. — Не имеет значения? Не думал, что для тебя ничего не значит вот так вот вести себя с парнем, Арина. — Неприятным тоном выплёвывает Глеб.

Я понимаю, о чём он, и мне становится стыдно. Уши начинают гореть, а на языке вертятся слова оправдания. Но в последний момент я с силой сжимаю челюсти, вынуждая себя молчать.

— Нечего сказать? — Уточняет брюнет.

У меня всё болезненно сжимается в грудной клетке. Я кидаю на мажора затравленный взгляд, прежде чем с губ срывается совсем не то, что я хотела сказать на самом деле.

— Нечего.

— Понятно.

На скулах парня играют желваки. Ещё какое-то время он прожигает меня своими янтарными глазами, а потом делает шумный вдох. Запускает руку в волосы, лохматит их и пинает ни в чём неповинную ножку кровати.

— Хорошо! Замечательно! Прекрасно! Пусть будет по-твоему, Скворцова. — И вновь этот ледяной тон, знакомый мне со старшей школы. — Смотри, не пожалей об этих словах чуть позже.

— Не пожалею, — очень тихо бормочу я, убеждая себя в первую очередь. Но брюнет слышит.

— Не зарекайся. — Зло хмыкает парень. — В холодильнике есть продукты. — Сухо

бросает он, переводя тему. — Там есть чистая одежда и полотенца, — кивает на встроенный шкаф. — Бери, что хочешь. Меня не будет дома до завтрашнего утра. Вот ключи. — Кидает на стеклянный столик связку и зло хватает свой смартфон. — Не скучай, седовласая.

С этими словами Глеб стремительным шагом покидает квартиру, оставляя меня одну с полным раздраем на душе.

Следующие сутки Глеб, как и обещал, не появляется в своей же собственной квартире. Но я не замечаю, как они пролетают, потому что посвящаю весь оставшийся вечер подготовке к парам и готовке — в холодильнике Соколовского только нетронутые продукты и ни одного готового блюда.

Чем он вообще питается?

Засыпаю я очень рано — чуть раньше десяти. А утром отправляюсь на пары. Время занятий пролетает незаметно. Но пересечься с Полиной после пар не получается из-за отработок, которые я решила не откладывать в долгий ящик и закрыть, как можно скорее. Ну и, конечно, из-за отсутствия телефона, как средства связи.

В итоге я возвращаюсь в квартиру Соколовского около семи вечера. Чуть ли не на закате. Мнусь у бронированной двери, сомневаясь, правильно ли я поступаю, ведь формально использую Глеба в своих интересах.

Но всё-таки больше всего меня волнует другой вопрос: можно ли ему доверять в принципе?

Приходится заткнуть голос совести за неимением иных альтернатив. Пока. В любом случае, нужно встретиться с Полиной и поговорить с ней обо всём, поделиться. Может, она предложит какой-нибудь вариант временного жилья или подработки. Кроме неё мне больше и не к кому обратиться за помощью и советом.

Соколовский не в счёт. Особенно после вчерашнего...

Вставляю ключ-карту и открываю дверь. Квартира встречает меня полной тишиной. И отсутствием хозяина. Я это определяю по обуви, в которой он ушёл вчера. Она не обнаруживается даже при детальном осмотре обувных ящиков в коридоре.

Сама не ожидая, выдыхаю с облегчением. Прислоняюсь к стене и сползаю по ней вниз. Тупо пялюсь в одну точку. Истощённый мозг напрочь отказывается думать после тяжёлого дня и вчерашних событий. И уж тем более решать прямо сейчас, что делать со своей жизнью дальше.

Квартира находится на восточной стороне, поэтому в коридоре без света довольно-таки темно. И с каждой секундой становится ещё темнее, поэтому я решаю отложить все думы до лучших времён и собираюсь подняться с пола. Но, как назло, именно в этот неподходящий момент Соколовский решает вернуться.

Входная дверь распаивает до того, как я успеваю встать. На пороге появляется Глеб. Одна его рука опирается о дверной косяк, в другой зажата кожаная куртка, перекинута через плечо. Одет он точно так же, как и вчера: рваные джинсы серого оттенка и белая футболка.

Домой не возвращался. По крайней мере, в квартиру уж точно.

Брюнет не сразу меня замечает, а когда натывается взглядом на «седовласую», сидящую на полу в жалкой позе, пару секунд лупает глазами. Хмурится. Поджимает губы. Имитирует бурную мыслительную деятельность.

И выдаёт гениальное:

— Медитируешь?

Я давлюсь смешком от неожиданности. Неловко поднимаюсь, и борюсь с желанием нервно похрустеть суставами пальцев. Дурная привычка из детства.

— Возвращаю себя в ресурсное состояние. — Шутливо отвечаю ему, не понимая, почему вдруг так рада его видеть.

Это не поддаётся никакому логическому объяснению. Пару минут назад я действительно была рада, что его нет дома. Но сейчас, видя его, растрёпанного, замученного и уставшего не меньше меня, сердце наполняется странной теплотой.

Он всё-таки вернулся...

А эти его шуточки уже стали настолько привычными, что я их больше не воспринимаю, как желание оскорбить. Это выглядит скорее как саркастичное перебрасывание колкостями со старым знакомым. Тем самым, который свой «в доску».

— Боюсь, для того, чтобы мне вернуться в ресурсное состояние, нужно нечто большее, чем медитация посреди коридора. — Бурчит Соколовский, с трудом стаскивая с себя кеды и бросая их куда-то в угол. И только когда парень подходит ближе, я чувствую дивное амбре перегара.

Что ж, я преисполнилась в осознании, от чего он так устал.

— Ты всю ночь был в клубе?

У меня нет никаких прав, да и желания, интересоваться подобным, но вопрос слетает с губ раньше, чем я успеваю это понять. Соколовскому же вообще нет никакого дела до моих внутренних терзаний и сомнений, потому что он пошатывается, спотыкаясь о собственные ноги, и отвечает:

— Был. И не просто был, а веселился-а-а, — растягивает согласные, ухмыляясь и важно вытягивая указательный палец вверх. — Вот это была туса, Скворцова! — Он делает ещё один шаг и его заносит в сторону. А чтобы удержаться в вертикальном положении, тот не придумывает ничего лучше, как использовать стену в качестве опоры.

Вот только там стою я. И получается, что брюнет припиливает меня, выставив руки по обеим сторонам от моей головы. Не прилетает мне лишь каким-то чудом. Увернуться я бы точно не успела.

— Не сомневаюсь, что отдохнул ты от всей своей мажорской души, Соколовский, — морщит нос и машет перед лицом ладонью, пытаясь избавиться от невыносимого запаха хоть ненадолго. — Несёт от тебя, как от бомжа у мусорного бака. Это сколько же ты выпил?

Глеб воздевает очи к потолку и принимается вслух считать количество выпитых стопок. Потом сбивается и начинает снова. И так несколько минут, пока я не выдерживаю.

— Ладно, неважно. — Ловко выскальзываю из «плена», подныривая под руку парня. — Провожать не буду, дорогу в свою комнату знаешь. Проспись, а то завтра на пары. Ты уже второй день занятий прогулял.

В ответ доносится нечто нецензурное, что обязательно бы запикали на приличном ТВ-канале.

— Даже стакан воды не подашь? Не предложишь таблетку от головы? — Меня пробивает на смех, когда я смотрю на этого бугая и вижу щенячьи глазки. Ну, ни дать, ни взять, брошенный, несчастный котёнок.

Никогда не видела Соколовского в подобном амплуа.

— От головы вроде твоей могу предложить только гильотину.

Парень ужасается. Округляет глаза и театрально хватается за сердце.

— Кого я приютил... Ты же не девушка, а инквизитор в юбке.

На этой фразе язык брюнета начинает заплетаться, и он снова кидает на меня просящий взгляд янтарных глаз. Чистых-чистых. И таких искренних, что меня посещают крысиные

мыслишки снять Глеба на камеру и потом использовать компромат, если мажор снова начнёт меня доставать и издеваться.

Но я отмахиваюсь от подлых мыслей, понимая, что не могу вот так. Да и Соколовский, каким бы гадом ни был, уже дважды спас меня. И только это окупает всё то, что он вытворял последние два с половиной года.

— А вот водички принести могу. — Продолжаю, решив немного отблагодарить этого несносного мажора.

— Да ты просто Ангел во плоти! — Тут же переобувается брюнет, напоминая мне дядю Гришу, соседа, который живёт у родительского дома. Тот тоже, когда, наконец, выпросит желанные десять рублей на горячительную воду, такие хвалебные оды выдаёт, что Шекспир мог бы позавидовать.

Хихикая, иду на кухню. Набираю фильтрованной воды из специального отдельного крана в хромированной чёрной раковине и возвращаюсь в коридор.

Настаёт моя очередь смеяться над Соколовским, распластавшимся на полу.

— Согласись, это место однозначно настраивает на внутренний дзен? — Подкальываю его, уже открыто посмеиваясь. — Невозможно пройти мимо и не присесть.

Глеб лениво отмахивает от меня, даже не глядя.

— Не издевайся, и без тебя тошно, седовласка.

— Ого! Седовласка? — Выдыхаю удивлённо. И не могу удержаться от шпильки. — Новый уровень.

— Ой, как только я тебя не называю, когда... — Произносит он и внезапно замолкает. Поднимает на меня ослонившие медовые глаза и вдруг начинает тупо улыбаться.

— Ты чего? — Настораживаюсь из-за такой резкой перемены. Протягиваю ему воду в стакане и присаживаюсь рядом.

Что-то меня пугает выражение его лица...

— Какая же ты красивая, Жемчужинка, — выдыхает Глеб, а у меня весь воздух из лёгких вышибает от неожиданности. — Вечность бы смотрел на тебя.

Я во все глаза таращусь на Соколовского и пытаюсь представить, сколько ему потребовалось выпить, чтобы начать нести подобную чушь. Глеб и романтика? Это за гранью реальности. Фантастика. И где только словечек нахватался? Или алкоголь открывает иные грани сознания? Изменённое состояние и всё такое...

Брюнет тянет руку, но стакан так и не забирает. Вместо этого он касается кончиками пальцев моей щеки, не прекращая глупо улыбаться при этом, и со стоном выдыхает.

— А кожа... Гладк-ик! — Икает и поспешно добавляет, с трудом выговаривая на «трезвый» лад. — Гладкая и мягкая, как бархат...

— На, выпей, — смущаясь, я отклоняюсь от его ладони и втискиваю стакан с водой Глебу в руку. Та естественно расплёскивается на нас обоих и на пол. Но мы этого не замечаем. — Протрезвеешь, будешь жалеть о сказанном. Ещё и на мне отыграешься. — Бурчу, пока мажор с жадностью припадает к стакану.

Заворожено слежу за тем, как с каждым новым глотком дёргается кадык на шее парня. Как вода струйками стекает вниз по его подбородку, мощной шее, и впитывается в белую футболку.

Я настолько увлекаюсь подглядыванием, что пропускаю момент, когда Соколовский допивает всю воду в стакане.

— Нравится? — Растягивает губы в самодовольной ухмылке. И тут же отвечает за

меня. — Знаю, что нравится. Не может не нравиться.

Я вскакиваю на ноги, прикладывая холодные руки к горячим на ощупь щекам.

— Чушь не неси! — Шиплю с непонятно откуда взявшейся злостью. — Да у тебя самомнение размером с Эверест!

— Такое же прекрасное? — Продолжает давить лыбу, глядя на меня снизу вверх и слизывая кончиком языка капли воды с губ.

— Такое же высокое и необъятное! — Выпаливаю я.

Чем дальше смотрю на брүнета, тем больше разрастается жар во всём теле. Тем сильнее бьётся сердце в груди, а кислорода начинает катастрофически не хватать. Пугаясь собственной реакции на мажора, пулей вылетаю из коридора и скрываюсь в гостевой комнате, которую обнаружила вчера.

Запираюсь изнури и прислоняюсь спиной к двери. Кладу руку на грудь, пытаюсь утихомирить глупое сердце, которое никак не хочет слушаться. Оно колотится так, что вот-вот выпрыгнет из груди.

Что со мной происходит? Неужели...

Неужели я влюбляюсь в Глеба Соколовского?

— Арина-а-а! — Доносится жалобный вой из коридора.

Я вся подбираюсь. Невольно вслушиваюсь, ожидая продолжения. А взгляд вдруг цепляется за ту самую коробку с платьем, которая лежит поверх чемодана с моими вещами, которые я так до сих пор и не разобрала, потому что больше не уверена в завтрашнем дне.

В голове, будто флешбеками, начинают проноситься картины прошлого, складывая два плюс два. И вдруг всё становится настолько очевидно, что даже пугает.

— Жемчу-у-ужинка, — уже тише завывает этот пьяный волк. — Не бросай меня тут, ик, одного! — Судя по шебуршанию, брүнет пытается подняться с пола. — Я, между прочим, не с пустыми р-руками!

Его последняя фраза отдаёт эхом в сознании.

Подарки... Это всё его подарки! Платье, подброшенный в сумку яблочный смартфон и...

Рука тянется к кулону, висящему на шее. Той самой жемчужине, с которой я ни разу не расставалась с тех пор, как обнаружила цепочку у себя в шкафчике.

А ведь я догадывалась. Всё буквально под носом было: все подсказки, все нелогичные действия Соколовского. Но я настолько не могла в это поверить... Да и сейчас не могу. У меня в голове не укладывается.

Я не могу нравиться Глебу. Это просто его придурь... Прихоть.

Почему из всех он так сильно зациклился именно на мне?

Мажора окружает бесчисленное количество красоток, поэтому у меня есть лишь одно логичное объяснение тому, что Соколовский вцепился в меня — ему захотелось экзотики. Чего-то необычного.

Я тону в своих мыслях. Пытаюсь осознать и принять очевидный факт, который до сих пор хочется отрицать, ведь в моей жизни мало чего хорошего случилось. А поверить в то, что такой бабник, как Соколовский, влюбился — это уже слишком даже для наивной девчонки вроде меня.

— Моя хорошая, девочка моя, — за своими мыслями пропускаю момент, когда Глеб оказывается у двери гостевой комнаты, за которой я прячусь. А эти ласковые прозвища попадают прямо в сердце. Выбивают из колеи и вышибают дух. Заставляют сомневаться в

правильности своих предположений. — Открой, пожалуйста. — Тихо скребётся брүнет. — Я знаю, что ты меня слышишь.

— Уходи, Глеб. — Прошу его, сильнее сжимая жемчужинку рукой. — Ты не понимаешь, что говоришь.

Меня одолевают настолько противоречивые эмоции, что хочется сорвать кулон с шеи и кинуть его к ногам мажора. Ощущение, что внутри борются два титана — сердце и разум. И ни один из них не желает уступать оппоненту. Поэтому меня попросту раздирает надвое.

Одна часть меня хочет открыть Глебу и дать себе шанс поверить в чудо. А вторая, наученная горьким опытом, заставляет сейчас же собрать все подарки Глеба, вернуть их ему, взять чемодан и уехать в другой город, чтобы начать новую жизнь. Ту самую, в которой не будет места бесконечному негативу и, как следствие, негативному мышлению.

Не будет места жалкой мне.

— Это ты ничего не понимаешь, Жемчужинка. — Устало выдыхает Соколовский и приваливается спиной к запертой двери — это слышно по глухому стуку и шуршанию одежды по поверхности. — Мне порой кажется, что ты слепая. И глухая. — Обиженно бурчит парень и снова вздыхает.

— Спасибо за комплимент, — привычно огрызаюсь, не зная, как иначе на это реагировать.

— Дурочка... — Он произносит это настолько тихо, что в какой-то момент я начинаю думать, что мне послышалось. — Открой дверь, пожалуйста. Давай, наконец, нормально поговорим?

— Протрезвеешь, потом поговорим. Если ты, конечно, вообще вспомнишь об этом.

В груди неприятной змеёй ворочается сожаление. Я знаю, что, возможно, упускаю единственный шанс узнать, что у Соколовского на душе, но также я понимаю, что эти самые откровения могут не принести с собой ничего хорошего. Вплоть до того, что моя душа разорвётся в клочья, и я уже не смогу собрать её воедино.

Порой нужно иметь мужество принимать сложные решения. Тяжёлые.

Так вот, я не смогла. Сердце победило.

— Арина... — Имя, прозвучавшее, как скрытая просьба, становится для меня отправной точкой. Билетом в один конец.

Боже, пожалуйста, если ты есть, пусть это решение не станет фатальной ошибкой для меня...

Я поднимаюсь с пола, так и не найдя в себе сил сорвать с шеи кулон и вернуть его владельцу. Обессилено роняю руку вниз. Пару мгновений бездумно смотрю на ручку, прежде чем открыть дверь. Прежде чем окончательно погрузиться в омут с головой.

А когда, наконец, открываю дверь, брүнет демонстрирует чудеса акробатики. Максимально грациозно подскакивает с насиженного места и вваливается в гостевую комнату с довольной улыбкой на лице.

— Я знал! — Выдаёт он, после чего я резко начинаю сомневаться в спонтанно принятом решении и проклиная глупое сердце за слабость. — Но обещаю, что ты об этом не пожалеешь, седовласка! Держи. — Протягивает мне второй по счёту яблочный смартфон. — И будь, пожалуйста, на связи. Свой номер я уже вбил.

Брүнет возвышается надо мной, продолжая блаженно улыбаться, а потом, не дожидаясь, пока я заберу телефон, просто заключает меня в свои объятия. Сжимает так крепко, но осторожно, боясь сделать больно, что у меня слёзы на глаза наворачиваются, ведь

так хочется поверить в искренность мажора.

И я позволяю себе это сделать. Отпускаю мысли, полностью отдаваясь чувствам. Ни о чём не думаю, наслаждаясь объятиями заклятого врага здесь и сейчас.

— Я так скучал, моя маленькая, — шепчет на ухо Глеб, в то время как моя спина покрывается мурашками от его горячего дыхания. И от нежных слов, коими парень фонтанирует сегодня. — Прости за вчера. Я вспылел. Я дурак. Как обычно.

Его извинения становятся ещё большей неожиданностью. Я замираю в его объятиях, чувствуя, как на губах против воли появляется робкая улыбка.

— И ты меня прости, вместо того, чтобы поблагодарить тебя за помощь, я...

— Не нужно, — не даёт закончить, немного отстраняясь, чтобы видеть моё лицо. — Ты столько натерпелась... Я понимаю, почему ты так сказала. Я сам виноват. Ещё и Крицкая так не вовремя решила вломиться... — Я отвожу взгляд, вспоминая вчерашнюю неприятную сцену, и Глеб останавливает сам себя. — Обещаю, что ты больше не увидишь рядом со мной ни одну девушку.

Для пьяного человека, Глеб рассуждает слишком трезво.

— Так много обещаний для того, кто завтра ничего не вспомнит. — Бурчу я.

Соколовский долго смотрит на меня. Пытается взглядом передать всё, что чувствует. И я вдруг понимаю, что его медовые глаза полны нежности и сожаления. А не теми эмоциями, которые я постоянно пытаюсь ему приписать.

— Даже и не надейся, что я обо всём забуду. — Нахально заявляет мажор. — Я стёкл, как трезвышко!

— Оно и видно...

Ещё пару мгновений мы смотрим друг на друга, а затем начинаем смеяться. Так тепло и открыто, как никогда раньше.

— Арина, пообещай мне одну вещь. — Просит Глеб, бросая коробку с телефоном на кровать за моей спиной. Освобождает вторую руку, чтобы зарыться ею в моих волосах на затылке.

— Я не могу ничего обещать, — отвожу взгляд, чувствуя покалывание в тех местах, где Соколовский касается меня.

— Я больше ни о чём не попрошу. Только об этом. — Его слова подкупают. Я вновь встречаюсь с янтарной радужкой и тону в этом притягательном взгляде. Киваю, чтобы он продолжал. — Что бы ни случилось, пообещай доверять и верить мне. Во всём.

Мои пальцы, лежащие на его предплечье, сжимаются, и брюнет это замечает. Но терпеливо ждёт ответа.

— Хорошо, — выдыхаю я. — Обещаю. — Слова даются тяжело, но одновременно с этим я ощущаю, как часть груза на моих плечах испаряется и мне становится намного легче.

— Договорились. — С облегчением выдаёт Глеб и крепче обвивает мою талию своей рукой. — А теперь скрепим наш договор поцелуем, седовласка.

Почему-то я даже не удивляюсь подобному завершению диалога.

Я позволяю умелым губам Соколовского пленить мои. Позволяю уложить себя на кровать, предусмотрительно убрав новый смартфон на прикроватную тумбочку. Позволяю ему более смелые ласки. Но, в конце концов, похмелье берёт верх и мажор вырубается, что вызывает у меня очередную улыбку.

Раздев вспотевшего парня до трусов, накрываю его простыней. Долго смотрю на накаченное тело Соколовского. Закусив губу, мнусь, размышляя, остаться с Глебом или уйти.

Но вечер только начался, а подготовку к парам никто не отменял, поэтому в итоге я тихонько выскользываю из комнаты.

Что ж... Будь что будет! Даже если в итоге мне придётся пожалеть, я позволю себе быть счастливой здесь и сейчас.

Так незаметно пролетела неделя.

После пьяного откровения Соколовский не поднимал тему серьёзного разговора, и, как я и предполагала, на утро, наверное, даже и не вспомнил, какую чушь нёс накануне. А я и не стала настаивать.

И, можно было бы сказать, что ничего не изменилось, но это не так. Наши взаимоотношения с Глебом скакнули вперёд. Причём, в лучшую сторону.

Удивительно, но подготовка к отработке у Разумова, действительно сблизила нас. Профессор добился своего. И мы не просто нашли способ, как договориться, но и отыскали точки соприкосновения: мы вместе ездили на пары и обратно, вместе готовили ужин, вместе делали домашние задания, помимо подготовки общего доклада. А когда мы перебрасывались общими фразами в перерывах, выяснилось, что и общего у нас значительно больше, чем мы оба думали.

Иногда я ловила на себе долгий и задумчивый взгляд брюнета. Но у меня не хватало смелости посмотреть в ответ. Вместо этого я делала вид, что очень увлечена своим занятием.

Был и ещё один момент, из-за которого я сильно переживала — это совместное сожительство с парнем. Я до последнего боялась, что Глеб однажды сорвётся и в один вечер завалится ко мне в комнату, начнёт приставать. Или будут хотя бы намёки на это. Но нет. С того самого дня Соколовский вообще не позволял себе ничего лишнего. Хотя были моменты, когда я ощущала на себе ту самую страстную ауру, распространяющуюся по квартире. Особенно после того, как я выходила из ванной.

Успешная сдача отработки и высший балл от Разумова нам обоим ознаменовали начало белой полосы. К тому времени я уже успокоилась и жила в ставшем «привычным» ритме: учёба-дом-готовка-домашка. Но неожиданная похвала от профессора привела нас с Соколовским в состояние, близкое к эйфории.

— Поверить не могу, — хохочет Глеб, сидя на подоконнике. Одна его нога расслабленно свисает вниз, и он периодически качает ей от нервного возбуждения. В руке у него зажата баночка с колой и он, прежде чем отпить, салютует мне.

Я тоже не могу сдержать эмоций, поэтому салютую ему в ответ вишнёвым соком и припадаю к трубочке, неспешно потягивая его.

— У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло, когда он начал задавать нам дополнительные вопросы! Думала, начнёт топить...

— Мы молодцы, Жемчужинка! — Задорно выдаёт мажор и подмигивает. — А ещё мы — отличная команда. За нас! — Говорит он и уже чокается с моей коробочкой от сока.

Я хихикаю, когда кола предсказуемо расплёскивается ему на одежду. Парень подскакивает с подоконника. Шипит и чертыхается.

— Вот блин! Треш... Только вчера эту футболку купил, — с досадой на лице рассматривает коричневые пятна на белой футболке от знаменитого дорогого лейбла.

— Обновил. — Лениво отмахиваюсь, понимая, что вряд ли мажору испортит настроение подобная мелочь. Тем более на фоне того, что мы сдали отработку у самого Разумова! Да ещё и всего совторого раза. — Но лучше, конечно, застирать пятна, чтобы дома легче было отстирать. — Бормочу вслух.

Брюнет ставит баночку с колгой рядом со мной.

— Ты подожди меня тут, я быстро заскочу в мужскую раздевалку перед спортзалом. У меня там в шкафчике сменка припрятана. Ну и немного застираю пятно. Ладно. — Закатывает глаза на мой многозначительный взгляд. — Я быстро. — Произносит он и быстрым шагом удаляется в сторону раздевалки. Она как раз на этаже, за поворотом.

Я смотрю Глебу в спину, не переставая удивляться переменам в нашем общении. Мы так легко и просто общаемся, без подковырок, без переругиваний, без шипящих и рычащих звуков, будто старые друзья. И мне... Мне нравятся эти перемены.

Поэтому я сама не замечаю, что вот уже несколько минут как залипаю в пустой коридор, утопающий в вечерних сумерках, а на моих губах та самая глупая улыбка, очень сильно напоминающая улыбочку Соколовского, когда он пьяный заявился домой.

Ловлю себя на этом и легонько шлёпаю по губам ладонью.

— Так, Арина! Простое человеческое отношение к тебе — не повод давать волю своим чувствам! А ну, взяла себя в руки!

— Да уж, как точно ты выразилась, замарашка. Давно пора было понять и принять факт, что такой парень, как Глеб Соколовский вряд ли обратит на тебя внимание всерьёз.

Я оборачиваюсь назад слишком резко. Задеваю рукой баночку с колгой, оставленную мажором, и она падает с подоконника. Некрасивое пятно разливается по коридору и Крицкая брезгливо морщит нос пока обходит его, подходя ближе ко мне.

Она выглядит, как всегда, сногсшибательно: высоченные каблуки, обтягивающие кожаные штаны черного цвета, кружевной топ, поверх которого накинут бордовый пиджак. К макияжу тоже не придерешься — наверняка, она каждое утро посещает салон красоты. Не удивлюсь, если у неё есть домашний визажист. Густые тёмные волосы собраны в высокий хвост, придавая ей ещё более стервозный вид.

Встав прямо передо мной, сидящей на подоконнике, она оглядывает меня с ног до головы изучающим взглядом. Снова кривится, как от некрасивой лужи посреди коридора, и скрещивает руки на груди.

Оно и понятно — на мне обтягивающий лонгслив серого цвета и обычные потёртые джинсы.

— Не понимаю, что он в тебе нашёл?

И, хотя девушка не излучает агрессии, я всё равно до одеревенения в мышцах напряжена. А также не могу не признать — я рада, что Лена одна, без своей рыжей быдловатой подружки.

— Это риторический вопрос или мне стоит ответить? — Склоняю голову на бок и напускаю на себя скучающий вид.

Хватит. Больше никому не позволю делать из себя девочку для битья.

— О, у серой мышки прорезались зубки? — Ехидно ухмыляется Крицкая. — И когда ты стала такой смелой? Твоей подружки поблизости нет. Так что и защитит тебя в случае чего некому.

Полина и вправду отсутствует последние три дня по причине болезни. Но Крицкая и без меня это знает, ведь они учатся в одной группе.

— Ты так в этом уверена? — Вскидывая брови, копирую её неприятную улыбку.

Брюнетка не уверена, поэтому хмурится на мгновение и окидывает пустой коридор внимательным взглядом.

— Неважно, — отмахивается она. — Я всё равно пришла просто предупредить.

— С чего бы такая доброта?

— С того, что мне жаль тебя. Боюсь, не переживёшь. Наш мир, — выделяет девушка, — сильно отличается от того, к которому ты привыкла. Такие, как я, понимают, что Глеб ещё слишком молод и не нагулялся. И с кем бы ни забавлялся, его отец всё равно не примет кого-то не подходящего ему по статусу. На твоём месте я бы поберегла глупое и наивное сердечко, — Крицкая наклоняется ближе и тычет острым когтем прямо в область моей груди, прикрытой плотной тканью невзрачного лонгслива. — Поверь мне, будет очень больно, мышка. Очень. — Тянет она, напоминая мне черную кошку, играющую с добычей, вместо того, чтобы просто её съесть. — Я подожду. Я терпеливая. И понимающая. Все вы — просто проходящее увлечение. Временные подстилки. Я же — его будущая жена.

В груди всё леденеет от её слов, не давая мне сделать полноценный вдох. Это не укрывается от Лены, и она понимающе хмыкает, растягивая уголок губ в неприятной ухмылке.

— Вот-вот, дорогуша. Уже больно. Так что, мой тебе совет, не затягивай с этим. Уйди с дороги сама. Я не всегда такая добрая. А Глеб не всегда такой лапочка. Только пока увлечён. Потом — выбросит, словно мусор и не вспомнит. Он со всеми так поступает. — Крицкая делает драматическую паузу, прежде чем продолжить. — А теперь угадай, к кому он постоянно возвращается?

Вопрос висит в воздухе, оставаясь без ответа. Да он и не требуется.

Я хочу что-то сказать. Воспротивиться. Защитить Соколовского. Сказать, что это не так. Но понимаю, что она права. Я знаю, о чём говорит брюнетка. Я сама была всему этому свидетельницей. Я сама знакома с мажором слишком давно, чтобы наивно отрицать всё то, что мне сейчас наговорила «добрая советчица» и бывшая, или временно бывшая, спутница Глеба.

— Вижу, девочка ты не глупая, и без меня всё понимаешь. — Крицкая перестаёт улыбаться, становясь серьёзной до оскомины на зубах. До отвращения. — Вовремя опомниться и вспомнить, где твоё место — тоже своего рода победа.

Последняя фраза вышибает дух из лёгких. Но вместе с этим приходит та самая злость, которая позволяет дать отпор самовлюблённой девице.

— Смотри, сама не окажись за бортом, детка. — Говорю я, как можно монотонней, и прыгиваю с подоконника. — Посмотрим, кто из нас ещё вспомнит, где её место.

Обхожу лужу из колы, мысленно извиняясь перед уборщицей. Поднимаю пустую баночку, валяющуюся на полу, и выкидываю её в мусорку. Крицкая молчит, когда я поворачиваюсь к ней спиной и ухожу в противоположную сторону той, куда ушёл Соколовский.

Брюнетка раздражённо сопит мне вслед, чем тешит самолюбие. Мне тоже удалось уязвить любовницу Глеба. И это только начало. Но спасибо ей за то, что дала мне мысленную затрещину, и спустила с небес на землю, напомнив, кто такой Глеб Соколовский.

Да, он может быть разным. Даже милым и заботливым. Даже любящим. Но его слова — это ветер. Его действия — это момент. А завтра он уже про всё забудет. И не вспомнит твоего имени. Ему не будет дела до твоего разбитого сердца.

Это всё — правда. Елена Крицкая знает его не хуже меня.

Но есть одно «но».

Я решила быть счастливой. И больше никому не позволю вторгаться в своё личное

пространство и рушить сложившееся мнение о человеке. Лично моё. И пусть я в итоге разочаруюсь, но зато буду знать, что попыталась сделать всё, что могла. Для себя в первую очередь.

— Ты пожалеешь, Скворцова. — Всё же доносится мне в спину. Грубое. Шипящее.

Перед тем, как скрыться за поворотом в фойе, слегка поворачиваю голову и отвечаю стерве:

— Возможно. Но и ты — тоже.

***

Смартфон вибрирует в кармане джинс. За последний час — раз в тысячный, наверное. И я даже знаю, кто пытается дозвониться. Но глухая боль в груди и пустота, образовавшаяся после разговора с Крицкой, заставляют меня игнорировать звонки и дальше.

На улице хмарь. Тёмные тучи сгущаются на небе. И, несмотря на ранний вечер, темнеет очень быстро. В воздухе пахнет озоном. Свежо и приятно, да, но если дождь пойдёт до того, как я доберусь до квартиры Соколовского — это будет плохо. Иммунитетом я не могу похвастаться с самого рождения.

Гроза, как предвестник того, что погода точно обрадует меня, как минимум, ливнем, расходитя не на шутку. Ветер перестаёт быть приятным и освежающим, а воздух — тёплым. Поднимается настоящий ураган. А я ещё даже половину пути не прошла.

Судорожный вздох, и я достаю телефон из заднего кармана джинс. Апатично смотрю на экран — двадцать три пропущенных.

Глеб мне голову откусит, к бабке не ходи.

Самое логичное в сложившейся ситуации — позвонить Соколовскому и попросить забрать меня. Пусть наорёт. Пусть мы поругаемся. Но, кто бы и что ни говорил, выносить уроки из неприятного опыта прошлого я умею.

Останавливаюсь под фонарём у скамьи. Прохожих на тротуаре много, поэтому я не переживаю, что на меня кто-то накинется, как в пустующем дворике пару недель назад. Ещё пару минут я мнусь, закусив губу. Большой палец завис над кнопкой вызова и никак не хочет опускаться.

И, ровно в тот момент, когда я собираюсь с духом и заставляю себя позвонить Соколовскому, огромная капля падает на экран яблочного смартфона. Тачпад реагирует быстро, сворачивая контакт Глеба и выходя на главный экран.

А уже в следующую секунду мне становится вообще не до этого, потому что начинается ливень.

Дождь льёт стеной. Я без зонта, поэтому одежда становится влажной практически мгновенно. Спешащие домой люди, как и я, начинают оглядываться вокруг в поисках укрытия. Мой взгляд цепляется за козырёк неприметного уличного кафе и я бегом, перепрыгивая стремительно образующиеся лужи, несусь туда.

Укрытие спасает от дождя, но ветер никто не отменял. Я промокла до нитки и теперь меня трясёт, как осиновый лист. Денег зайти в кафе и взять что-нибудь, чтобы переждать непогоду, нет.

Я обхватываю себя руками, пытаюсь согреться, но это мало помогает. Мысленно обрушиваю на свою голову гневные тирады за слабование и ненавижу мир, который любит подгадать в самый неприятный момент.

— Арина? — Слышу знакомый голос рядом.

Оборачиваюсь и вижу перед собой Стаса. Его русые волосы промокли, став тёмными, и

теперь паклей свисают вниз вдоль лица.

И когда они успели так отрасти?

— Привет. — Улыбаюсь, вдруг понимая, что зря ругала мир. Всё-таки он не так уж и настроен против меня.

— Давно не виделись, — судя по выражению, которое теплится на дне синих глаз, он рад встрече.

— И правда, — отвечаю я, одновременно подсчитывая, сколько дней прошло с момента, когда мы виделись в последний раз. Но на деле оказывается, что прошло чуть ли не больше двух недель.

— Как твои дела? — Интересуется Краснов, поглядывая в сторону кафе. — Может, зайдём? Ты вся продрогла. — Окидывает меня обеспокоенным взглядом.

— Да нет, — отмахиваюсь. Не хочу, чтобы парень снова платил за меня, как тогда в ТЦ. — Я лучше домой пойду.

— Ты же далеко живешь. — Хмурится парень, видимо, вспомнив адрес съёмной квартиры, куда они с Полиной завозили меня в прошлый раз. — Давай, провожу, как кончится дождь? — И тут же добавляет. — Кстати, а что ты делаешь одна в этом районе?

Я закусываю губу и отвожу глаза. Смотрю на своё искажённое отражение в близлежащей луже.

Обмануть Краснова? Или сказать правду? Что он обо мне подумает, если узнает, что мы с Соколовским живём вместе? Даже Полина не знает ещё об этом...

— Я отработку сдавала. — Отвечаю, понимая, что молчание затягивается. — Решила прогуляться немного и тут... Вот. — Поднимаю голову и смотрю на тёмно-серые тучи. — А ты какими судьбами?

Полуправда ведь не ложь. Считай и не соврала. Стасу не обязательно всё знать.

Я вообще удивлена, как весь универ до сих пор не узнал о том, что мы с Глебом живём вместе, учитывая, что Крицкая обо всё догадывается... Пусть она и не видела конкретно меня у Соколовского в квартире, но сложить два плюс два может.

— Тоже с универа возвращался. Пропустил лекцию, когда Поля заболела. Домой отвозил её. Сегодня отработывал тоже.

— Ей лучше?

Я каждый день пишу Красновой, справляясь о её здоровье. Она отписывается, что всё нормально, но Стас, видимо, так не считает. Его и без того хмурое лицо становится мрачнее туч, что нависают над нами.

— Температура высокая держится уже третий день. Хочу отвезти её в больницу, но она упрямится. Бойтся уколов, как девочка маленькая. — С возмущением в голосе хмыкает парень. — Как по мне, пару дней прокапать её и уже бы выздоровела. А насильно не потащишь же.

— Я бы на твоём месте вызвала врача на дом. И без ведома Полины. Я понимаю, что, как старшему брату, тебе тяжело устоять перед щенячьими глазками. И что жалко. Но не дай бог это перерастёт во что-то серьёзное. — Важно заявляю я, потому что знаю, что такое болеть.

Особенно, что такое температуричь и сидеть на одних таблетках, не имея возможности лечь в больницу, потому что «денег нет».

— Твоя правда. — Сокрушённо вздыхает Стас и косится на меня с высоты своего внушительного роста. — А если мы прямо сейчас же не зайдём в кафе погреться, будет ещё

одна больная девчонка на мою голову. — Широко улыбается он, красуясь ровным рядом белых зубов.

Краснов прав. К этому времени я уже хорошо так промёрзла, руки и ноги ледяные. Но моя совесть не позволит мне зайти туда с ним без денег. А поэтому...

— Ты иди, грейся. А я лучше вызову такси и поеду домой.

— Значит, я для тебя просто такси? — Раздаётся глухое рычание откуда-то со стороны дороги.

Мы со Стасом синхронно поворачиваем головы в сторону звука.

Глеб — весь мокрый — стоит прямо посреди тротуара и даже не пытается спрятаться под козырьком. Крупные капли падают мажору на волосы и лицо, а у него вид, будто душ принимает у себя дома.

Люди, что прячутся с нами под козырьком, косятся на Соколовского, как на ненормального. Хотя, он ведь действительно на всю голову отбитый...

— Соколовский? — Стас первым приходит в себя от столь неожиданной встречи. Поворачивается к Глебу лицом, и ненавязчиво заслоняет меня своей спиной. — И почему ты всегда там, где Арина? — Недовольно тянет он и окончательно мрачнеет.

Между парнями повисает напряжённая атмосфера, когда брюнет с трудом отрывает от меня взгляд и косится на Краснова. Медленно и взбешено, будто только сейчас его заметил. В янтарной радужке сверкает адское пламя. Верхняя губа брюнета неприязненно задирается, когда он отвечает:

— Потому что она — моя девушка. — Твёрдо. Уверенно. Низкий бас угрожающе вибрирует в воздухе. Парочка, что стоит неподалёку, трезво оценив ситуацию, решает скрыться внутри кафе. Назревающая драка между двумя тестостероновыми самцами — предсказуемый исход. — До тебя походу долго доходит? Или я прошлый раз неясно выразился, когда сказал, чтобы ты держался от неё подальше?

— Прибереги свои угрозы для кого-нибудь другого, Соколовский.

Краснов меняется в лице, становясь тем самым парнем, которого я впервые встретила на лекции у Разумова. Черты его лица заостряются, а выражение становится непроницаемой маской. Синие глаза полны арктического холода.

— Ты что-то перепутал. Угрожал я в прошлый раз, по телефону. И предупреждал. А теперь меня больше заботит один единственный вопрос, прежде чем я всеку тебе. — Мажор делает небольшую паузу, выпрямляясь так, чтобы казаться ещё выше. Будто бы его двух метров роста недостаточно. — Почему ты околачиваешься рядом с Ариной каждый раз?

По всей видимости, вопрос был риторическим, потому что, сказав это, Глеб решает сократить расстояние между нами. Пихает плечом Краснова, чтобы тот убрался с его дороги. Подходит ко мне. В упор. Сверлит меня взглядом сверху вниз, и топит в коктейле из злости. После чего резко обхватывает моё запястье и дёргает на себя. Впечатывает в своё тело.

— Пойдём. — Сухо и кратко. Так, будто ему тяжело держать себя в руках.

Он не спрашивает. Приказывает.

А ещё старается игнорировать Стаса.

— Мне больно, Глеб! — Шиплю рефлекторно, когда острая боль от того, что мажор слишком сильно сжимает моё запястье, простреливает всю руку. — Ты что творишь, ненормальный?! Отпусти! — Пытаюсь ослабить хватку брюнета, но безуспешно.

— Отпусти её. — Чеканит Стас и кладёт руку на плечо Соколовского. Дёргает того на себя в попытке развернуть или оттащить от меня — уже неясно. Потому что это становится тотальной ошибкой. Глеба, доведённого до ручки, нельзя было трогать.

Краснову с разворота прилетает кулак прямо в лицо. Стас своего добился, но какой ценой...

Мой заступник по инерции падает на землю, едва успевая выставить руки перед собой,

чтобы не окунуться лицом в лужу. Толпа вокруг ахает и расступается, отходя подальше и образуя круг.

Всем уже плевать на дождь. Жадные до зрелищ прохожие достают телефоны и начинают снимать. Я же в ужасе слежу за тем, что происходит дальше.

Глеб никого не замечает и больше не церемонится с противником. Не тратит время на разговоры. В школе он всегда решал вопросы кулаками. Удивительно, что до сих пор он со Стасом просто разговаривал.

Поэтому я и боялась, поэтому не хотела, чтобы Соколовский и Краснов сталкивались вживую. И пыталась сделать всё, чтобы эти две параллельные прямые никогда не пересекались.

Если до этого брюнет ещё как-то старался держать себя в руках, то теперь разошёлся не на шутку. Видимо, триггер в виде заступничества Стаса стал для мажора последней каплей. Лежачего не бьют, так говорят, но Глебу, по всей видимости, плевать на условности. Он заносит ногу и бьёт Краснова по рёбрам.

Я отворачиваюсь. Закрываю глаза, не желая видеть зверства в исполнении Соколовского. Не желая видеть, как избивают Стаса.

Боже, что я натворила? Зачем я вообще пошла в эту сторону? Зачем нужна была эта встреча с Красновым посреди улицы? Причем, абсолютно случайная! Я ничего такого не хотела!

И как? Как дошло до драки?!

До меня доносятся глухие звуки борьбы и ударов. Кряхтения и стоны боли не оставляют равнодушной. Я не могу игнорировать происходящее и всё-таки отнимаю ладони от лица. Заставляю себя взглянуть страхам в глаза. Заставляю себя принять этот мир таким, каким он является — несправедливым и жестоким.

И приоткрываю рот в изумлении.

Стас не проигрывает! И ничем не уступает Глебу по силе. Да, он пропустил первый удар, но, скорее всего, от неожиданности. А теперь Краснов во всеоружии и на ногах. Парни больше не дерутся, а кружат вокруг оппонента. И ни один из них не спешит нападать — понимает, что так просто не отделается. Больница светит обоим, если они продолжат в том же духе.

Лучшего момента, чтобы вмешаться, не придумаешь.

— Прекратите! — Зло кричу обоим, абстрагируюсь от толпы и любителей поглазеть. — Хотите выпустить пар — найдите подходящее для этого место! — Рычу не своим голосом и сжимаю руки в кулаки.

— Да! Иначе вызовем полицию! — Кричит кто-то из толпы.

Это срабатывает. Внимание парней рассеивается и они начинают оглядываться вокруг, понимая, что своим неадекватным поведением привлекли чужое внимание и стали, если не посмешищем, то героями рофл-роликов в социальных сетях уж точно.

— Арина права, если хочешь выяснить отношения, для этого есть ринг. — Краснов и Соколовский — как лёд и пламя. Собранный и спокойный Стас не терял голову и не позволял злости затопить себя. Поэтому его голос звучит отстранённо, словно он сторонний наблюдатель. — Там и выскажешь все свои претензии. Я не собираюсь становиться клоуном и тебе не советую. — Продолжает, разминая ладонью нижнюю челюсть, по которой ему прилетело.

Дождь кончился. В небе на мгновение выглядывает солнце, окрашивая улицу в рыжие

тона, и тут же снова скрывается за тучей. Толпа, понимая, что зрелища не будет, начинает медленно разбредаться по своим делам. Остаются только самые настоящие зеваки. А администрация кафе, рядом с которым всё произошло, расслабленно выдыхает и, наконец, отходит от стеклянных витрин.

— Я с тобой не закончил. — Продолжает бычить Соколовский. Он даже из стойки не вышел. — Ты давно напрашиваешься. И по-хорошему не понимаешь. А у меня с такими, как ты, разговор короткий.

— Не терпишь конкуренции? — Стас задирает бровь и ухмыляется, чем снова провоцирует брюнета.

Зачем — непонятно. Поэтому я с осуждением смотрю на Краснова, стоящего ко мне лицом, и качаю головой. Что он, к счастью замечает и вскидывает руки перед собой в извиняющемся жесте. Передо мной. Но Глеб берёт это на свой счёт и, к нашему обоюдному со Стасом удивлению, немного успокаивается.

— Ты мне не конкурент. Арина — моя. Всегда была. И есть.

Я, находясь в полнейшем шоке от такого заявления, округляю глаза.

— А её спросить? — Саркастично интересуется Краснов.

— А меня спросить? — В унисон парню вторю я.

— Достаточно того, что ты живёшь у меня дома. — Грубо бросает мне Соколовский, едва удостоив взглядом.

— Ты живёшь с ним? — Между густыми бровями Стаса пролегает глубокая морщина. Он с недоверием смотрит на меня и, по глазам вижу, ждёт, что я буду всё отрицать.

Но я молчу. Опускаю взгляд и больше его не поднимаю. Мне так стыдно, что хочется под землю провалиться.

— Зачем?.. — Очень тихо спрашиваю у брюнета, который стоит в двух шагах от меня.

— У меня к тебе тот же вопрос... — Я вскидываюсь и вижу мрачное осуждение на дне медовой радужки. И непонимание. Но я и сама не понимаю, о чём он. Похоже, мы оба запутались. — Пошли домой. Или я за себя не ручаюсь.

Соколовский ждёт. Не отводит от меня глаз. Стас — тоже. Оба парня смотрят на меня так, будто я им должна всё объяснить. И... решить. Выбрать.

Сердце замирает в груди, когда я слышу ровный и спокойный баритон Краснова:

— Ты не должна идти у него на поводу, Арина. Если он тебя принуждает, только скажи...

Но ведь Глеб ни разу ни к чему меня не принуждал...

Я не даю Стасу продолжить. Часто-часто трясую головой из стороны в сторону. И даже не потому, что Соколовский вновь закипает на глазах, как котёл. Нет.

Только сейчас я понимаю кое-что важное.

— Нет, это не так. — Говорю я и робко беру Глеба за руку. Переплетаю наши пальцы. А в награду получаю ошеломленный взгляд брюнета. — Всё хорошо, Стас. Была рада повидаться. И... Спасибо за то, что вступился.

Краснов сначала дёргается всем корпусом вперёд, словно хочет помешать или что-то сказать. На его лице мелькают разные эмоции, весь холод испарился. Синие глаза смотрят на меня с сожалением, когда парень останавливает себя. Заставляет стоять на месте.

— Если ты этого хочешь. Искренне хочешь, Арина. — Всё же настаивает он.

Соколовский собирается огрызнуться, вставить свои пять копеек, но я опережаю его.

— Да. Это так. Я хочу. — Выпаливаю, краснея. И зачем-то добавляю. — Прости.

— Ты ещё и извиняешься перед этим лопухом? — Фыркает брюнет, но я успокаивающе поглаживаю его ладонь большим пальцем. Это выбивает Глеба из реальности ещё на минуту.

Минуту, за которую я успеваю попрощаться с Красновым и утащить Соколовского за руку в противоположную от Стаса сторону.

Брюнет приходит в себя на первом же повороте.

— Нам не туда. Машина припаркована в другой стороне. — Не выпуская мою ладонь из своей, парень тянет меня в нужном направлении. Голос мажора максимально безэмоциональный, насколько позволяет ситуация.

Пасмурный осенний вечер пробирается под промокшую одежду, а небольшой ветер помогает ему в этом. Я стучу зубами и скрывать, что жутко замёрзла, уже не получается.

— Ты вся продрогла. — Констатирует факт Соколовский, кидая на меня быстрый взгляд. — Я бы дал тебе свою джинсовку, но она тоже вся мокрая. Ещё и тяжёлая. Пошли быстрее к машине.

Я только теперь замечаю, что конечности онемели. Настолько сильно замёрзла. Из-за нервов я практически не замечала холода, но сейчас зуб на зуб не попадает и игнорировать это состояние не получается при любом раскладе.

Чую, неделю буду валяться с температурой под сорок...

Порше припаркован относительно недалеко, но и это расстояние кажется мне бесконечным, а время — тянущимся, как кисель. Момент, когда мы забираемся в машину, а Глеб включает климат-контроль, становится для меня чуть ли не самым счастливым и радостным за весь день.

Вот только радость не длится долго. Соколовский открывает рот, и вся иллюзия счастья рассыпается, как песочный замок на берегу моря.

— Почему ты ушла? Почему не дождалась меня?

Я молчу. Смотрю вперёд через лобовое стекло, зябко обхватывая себя руками. Отвечать не хочется. Говорить брюнету, и уж тем более, признаваться самой себе в том, что банально приревновала — выше моих сил.

Так и не дождавшись ответа, Глеб сканирует меня долгим взглядом, недовольно поджимает губы и вдруг выходит из машины. Обходит её, открывает заднюю дверь с моей стороны и жестом волшебника выуживает откуда-то махровый плед. Протягивает его мне между сиденьями.

— Держи, закутайся, пока будем ехать. Тебе скорее нужно принять горячий душ.

Я с благодарностью принимаю плед, моментально оборачиваясь в него, становясь похожей на шаурму. Как я выгляжу со стороны — до лампочки. Главное, долгожданное тепло, наконец, начинает отогревать тело, покалывая кожу.

Соколовский садится обратно на водительское место, заводит мотор и везёт нас «домой», как он выразился.

Я меланхолично залипаю в окно. Смотрю на мелькающие дома фешенебельного района, размышляя, а был ли у меня когда-то «дом»? И понимаю, что — да, был. В далёком детстве, когда бабушка была ещё жива.

Я помню вазочку с вкусностями, всегда стоящую на столе. Помню оладьи с яблоками по утрам. Помню сказки, которые она рассказывала мне перед сном и как гладила по голове. Помню, как убегала с ребятами купаться в речке летом, и как она ругалась, грозя мне тростью.

Тёплые воспоминания из детства согревают и наяву. Я перестаю дрожать всем телом, а

Глеб перестаёт часто коситься на меня, думая, что я не вижу. Спорю, ему стоило огромных трудов вести машину и молчать. У него на лице до сих пор мигает красным: «Мне есть, что тебе сказать. И много».

До «дома» мы доезжаем быстро. Я не дожидаясь, пока мажор откроет мне дверь, как делает это обычно. Продолжая кутаться в плед, выхожу наружу и бреду к лифту. Соколовский закрывает машину и нагоняет меня. Его шаги эхом отдаются от стен подземной парковки.

Стоять с Глебом в лифте ещё более неудобно. Хочется спрятаться от его пронизывающего взгляда, поэтому я изо всех сил делаю вид, что абсолютно ничего не замечаю. А как только мы оказываемся в квартире, скидываю с себя плед прямо на пол и скрываюсь в ванной комнате.

Горячие струи воды поначалу слишком болезненны, но уже спустя пять минут я получаю некое мазохистское удовольствие, стоя под «кипятком», и чувствуя, как всё тело пронизывают миллиарды тонких иголочек.

Пар плотным слоем заполняет всю ванную комнату, и даже вытяжка не спасает. Я выхожу из душевой кабины, тянусь за полотенцем, чтобы укутаться, но не нахожу его на вешалке.

— Бли-ин! — Горестно стону вслух, вспоминая, что сама накануне вечером бросила полотенце в стирку и теперь оно сушится. А новое повесить — забыла.

— Всё в порядке? — Раздаётся глухой голос брюнета за дверью.

— Ты что, караулишь меня? — Возмущаюсь от неожиданности.

— Слежу, чтобы вовремя прийти на помощь, если тебе вдруг станет плохо. — Тем же тоном отзывается Глеб. — Ты была слишком бледная, когда уходила в ванную.

— Можешь принести полотенце, пожалуйста. — Решаюсь попросить. Стоять голой посреди комнаты — такое себе. — И не заходи, а просто протяни его через щёлку в двери! — Добавляю быстро и надеюсь, что мажор меня услышал.

Стук раздаётся через минуту. Я закусываю губу и осторожно подхожу к двери. Прячусь за стеной, когда приоткрываю её.

— Не смей заходить, Глеб. Я не шучу. — Предупреждаю его, слыша собственный стук сердца, отдающийся в барабанных перепонках.

В проёме появляется жилистая рука Соколовского с зажатым полотенцем в ладони.

— Я и не собирался, — с некой укоризной басит мажор.

— Но следил...

— На всякий случай. Вдруг у тебя бы закружилась голова, и ты потеряла сознание?

— Ну, у тебя и фантазии... — Вырываю полотенце из его руки и со скоростью звука обматываюсь в него.

На всякий случай, ага.

— О, поверь, это не фантазия, а предосторожность. В моих фантазиях ты...

— Заткнись! — Выпаливаю я, краснея ещё больше, но уже не от перегрева.

— Какие мы скромные, — фыркает брюнет.

— Не стой у двери, я уже сказала, что со мной всё хорошо.

Выходить наружу в одном полотенце боязно. И я с удивлением понимаю, что боюсь не Соколовского, а саму себя. А ещё того, что это не страх, а... волнение.

— Жду очередь. Я тоже промок, как бы. И хочу помыться.

— Сам виноват, — моментально бурчу в ответ.

— Виноват. — Не отрицает он. — Но и ты тоже учудила.

— Я?! — Эмоции захлёстывают.

Да как он смеет?!

Забыв обо всём, распахиваю дверь ванной комнаты и тут же оказываюсь лицом к лицу с Соколовским.

— Тебе идёт. — Парень растягивает губы в кривой ухмылке и в наглую рассматривает меня — раскрасневшуюся, с влажными волосами, перекинутыми на бок, и голыми ногами — с ног до головы. Заостряя внимание на особо интересных для него «деталях».

— Поясни! — Не позволяю ему уйти от темы. — В чём это я виновата?

Мажор запрокидывает голову к потолку. Тяжело вздыхает. Опускает её, снисходительно глядя на меня, и лишь потом отвечает.

— Тебя так легко взять на понт, седовласка. Но именно это мне в тебе и нравится. Эта безуминка. — Подслащивает пилюлю. Но я не покупаюсь.

— Глеб! — Угрожающе шиплю.

— Ладно-ладно, — закатывает глаза. И в следующую секунду меняется в лице.

Черты лица брюнета становятся хищными. Он смотрит на меня с высоты своего роста. А я впервые за всё время подмечаю, насколько маленькой выгляжу по сравнению с Соколовским. Он мог бы меня одним ударом прихлопнуть.

Я сглатываю и отхожу назад, упираясь спиной в стену, когда Глеб наступает. Корю себя за внезапный порыв, но уже поздно.

— Я видел Крицкую, — тихо и глухо начинает свою обвинительную речь. В его голосе больше нет ни намёка на улыбку или клоунаду. — Что она тебе сказала?

— Тебя это не касается, — отмахиваюсь, поворачивая голову в сторону. Соколовский очень близко, так, что в лёгкие пробирается его запах. Так, что трудно дышать.

— О, нет, Ариночка. Касается. Ещё как касается, — его голос низко вибрирует, отчего внутри меня что-то сжимается в тугой комок. — Ты обещала доверять мне. — Пальцы брюнета ложатся на мой подбородок. Поднимают мою голову вверх и заставляют меня посмотреть на него. — Поэтому я спрошу ещё раз. Что. Она. Тебе. Сказала?

Вопрос повисает в воздухе. Я заморожено смотрю в янтарные глаза, как зайчонок на змею, которая вот-вот его съест. И зачем-то спрашиваю тихо:

— Зачем ты делаешь это всё, Глеб?

— Делаю что?

— Это...

Изо рта вырывается судорожный выдох, когда Соколовский проводит большим пальцем по моей нижней губе вместо ответа.

— Это? — С какой-то потаённой издёвкой интересуется парень. — Или это? — Провокационно ухмыляется, кладёт руку мне на талию, обёрнутую плотным полотенцем. И медленно, с чувством сжимает его в своей ладони, при этом, пристально глядя мне в глаза.

В груди всё сладко сжимается, а низ живота горячо пульсирует, несмотря на то, что между мной и Соколовским, словно чёрная кошка перебежала. Меня снова трясёт всю, но уже не от того, что я замёрзла. Меня поглощает другое чувство. Нечто глубокое и необъяснимое. И в то же время настолько очевидное, что трудно дышать.

— Ты, правда, хочешь знать ответ? — Глеб склоняется ко мне и нежно проводит по щеке носом.

— Хочу. — Уверенно киваю, сглатывая. Во все глаза смотрю на брюнета, который

слегка отстраняется и заключает моё лицо в свои ладони. Жду с неким нетерпением и трепетом в груди.

А когда получаю долгожданный ответ, весь мой привычный мир рушится. И даже осколков не оставляет.

— Потому что я люблю тебя, Жемчужинка. И, кажется, очень давно. — Выдыхает Соколовский, и прислоняется своим лбом к моему.

Глеб Соколовский

— Потому что я люблю тебя, Жемчужинка. И, кажется, очень давно. — Прислоняюсь лбом к блондинистой макушке и прикрываю глаза, затаив дыхание.

Давно. Точно. С того самого знакомства в первом классе. Ещё в начальной школе я не мог пройти мимо и не дёрнуть Арину за длинные русые косы. В средней — впервые начал задирать. Кидался в неё записками, которые эта зараза не читала, а просто выкидывала в мусорку, предпочитая им свои любимые книжки.

Она никогда не обращала на меня внимания. По возможности игнорировала. Редко огрызалась, обычно молча уходила, напоследок испепеляя своими серо-голубыми ведьминскими глазами. А в старшей школе уже у меня не было отбоя от девчонок, они сами вешались мне на шею.

Какой здравомыслящий парень откажется от такого внимания со стороны женского пола, особенно с зашкаливающим тестостероном в крови? Вот я и пустился во все тяжкие. Но предшествующим всему этому триггером, была та сама фраза... Грёбанная фраза Арины, которую я случайно услышал:

«— Соколовский? Вот уж кто мне точно не нравится, так это Глеб. Ни за какие коврижки бы с ним не встречалась. Да будь он последним парнем на планете...»

Эта фраза способствовала тому, что я менял девушек, как перчатки, абсолютно не заботясь об их чувствах. Мои же растоптали...

И эта же фраза заставляет меня тут же пожалеть о признании.

Отвергнет, отвернётся, оттолкнёт, — бьёт по голове отбойным молотком.

Но, как только я произнёс признание вслух, всё становится на свои места. Становится легче. Всё это время была только она и никого больше. С самого начала. Я столько лет занимался самообманом, а нужно было всего лишь перевести свои эмоции в слова. Попробовать хотя бы.

А не оставлять анонимный подарок в её шкафчике.

Подарок, который Арина носит до сих пор.

Жду ещё какой-то реакции от Жемчужинки. Меня всего лихорадит: от того, что промок, от волнения, от злости, что Краснов всё никак не отлипнет от моей девочки, от переизбытка чувств к этой маленькой заразе, которая играет мною все эти годы.

Не выдерживаю:

— Арина? Скажи хоть что-нибудь. — Прошу её на грани шепота, чувствуя себя так, словно голый перед ней стою. Уязвимый. Захочет — снова вонзит нож в моё сердце.

Но я больше не стану ранить её в ответ. Наказывать за свою боль. Отпущу, если отвергнет.

Наверное... Надеюсь, хоть это будет мне по силам — отпустить.

Решаюсь приоткрыть веки. Девушка смотрит на меня снизу вверх такими большими глазами, будто я чушь сморозил.

Хотя, почему, будто?

Ухмыляюсь. Терять мне больше нечего. А говорить, что это просто шутка — снова наступать на те же грабли, которые били по лбу все прошедшие года. Никому из нас от этого не стало легче.

Пан или пропал!

— Я люблю тебя, слышишь? — Глажу большим пальцем нежную кожу щеки. Смотрю в её глаза, похожие на сегодняшнее грозное небо, и пытаюсь выискать на их дне хотя бы каплю взаимности. — Хочу, чтобы ты стала моей девушкой. Не могу больше с этим бороться... — Выдыхаю в конце.

Губы Жемчужинки так близко. Они манят меня, как одержимого. Так хочется смять их. Так хочется заключить её в свои объятия, крепко-крепко сжать и не отпускать. Спрятать от всего мира, от всех опасностей и плохих людей. Хочется и дальше проводить вместе дни: ездить по утрам в универ и приезжать обратно, домой; смотреть вечерами сериал, валяясь в постели, или готовиться к парам.

Но я жду. Усилим воли заставляю себя не шевелиться.

Появление Арины в моей квартире изменило всё. Она «оживла». Комнаты больше не кажутся пустыми и серыми, а тишина не давит на уши. В холодильнике теперь не только еда из доставки, но и блинчики с оладьями на завтрак, карбонара на обед и салат с закусками на ужин. И пусть ванная заставлена какими-то непонятными женскими штучками — кремами, хайлайтерами, тониками и т. д. — это самое прекрасное, что случилось с моими полками над раковиной.

Я хочу возвращаться домой — вот о чём я думаю последнюю неделю... А ещё о том, что ни за что не откажусь от этого всего по своей воле. Ни. За. Что. Не после того, как вкусил свой личный «запретный плод».

— Я... — В сознание вторгается тоненький голосок Жемчужинки. Заставляет замереть в ожидании и едва дышать. — Я не знаю, что сказать...

Внутри всё обрывается и падает куда-то в бездну. Вниз. В бесконечность. Грудь стягивают незнакомые доселе эмоции — неприятные и в какой-то степени даже болезненные.

Во рту ставится сухо, поэтому я рефлекторно сглатываю вязкую слюну, прежде чем выдавить:

— Почему?

Я, мать его, знаю почему. Не тупой. Но язык меня не слушается. Я будто растерял сто IQ где-то по дороге домой и со мной остались жалкие двадцать или сорок единиц от основного коэффициента.

Арина опускает взгляд вниз, разрывая зрительный контакт. Но не отстраняется. Её ладошки лежат на моей груди, согревая надеждой на то, что ещё не всё потеряно.

— Ты всегда издевался надо мной. — Говорит она на грани слышимости. Мне приходится напрягать слух, чтобы что-то разобрать. — Все эти годы ты высмеивал меня, демонстрировал презрение и ненависть, как минимум. Как я могу тебе сейчас поверить? — Её голос срывается на хрип.

Скворцова резко вскидывает голову, в её глазах застыли слезы. Они блестят, словно жемчуг на дне кристально чистого озера, как написали бы в её любимых книжках. Она поджимает губы, которые подрагивают, чтобы не расплакаться. Смотрит на меня испытующе. С болью на дне этих завораживающих глаз.

И я вдруг понимаю — она не меньше меня боится и переживает. Вон, как сжала кулачки, в ожидании моего ответа.

— Арина, это не шутка. — Со всей серьёзностью заявляю я и притягиваю девушку к себе. — Я не издеваюсь. Не прикалываюсь. Я люблю тебя! — Повторяю в третий раз. Дл

убедительности.

Между нами одно лишь полотенце. Легкое движение — и оно спадёт. Но меня это абсолютно не волнует. Впервые мной управляет не та голова, что снизу. Всё, чего я так сильно сейчас жажду — услышать искренний ответ. Узнать, что Жемчужинка чувствует ко мне на самом деле.

— Глеб... — С пухлых губ срывается моё имя. Так интимно и нежно, что меня прошибает. В груди загорается пламя. Оно несёт по венам дозу гормонов, которые моментально достигают штанов.

Наверное, я погорячился, когда сказал, что без нижней головы тут обошлось... Но это второстепенное!

— Можешь не отвечать сейчас. — Позволяю себе кривую улыбку. — Я докажу тебе, что серьёзен. Настолько, что ты даже представить себе не можешь. — Неосознанно вцепляюсь ладонями в осиную талию. И склоняюсь ближе к губам девчонки. — Пока ответь лишь на один вопрос: ты станешь моей девушкой?

Минутная заминка стоит мне парочки седых волос в мои девятнадцать.

Треш. Любовь — непростая штука, однако.

— Да, — наконец кивает Арина.

Я скидываю брови от неожиданности, потому что до последнего готовил себя к жёсткому и категоричному «нет».

— Да? — Переспрашиваю. Нервный смешок, сопровождающий вопрос, заставляет Жемчужинку робко улыбнуться в ответ.

— Да. — Увереннее отвечает она.

От восторга, что топит грудь, поднимаю её над полом и кружу.

Да! Я это сделал! Как же я счастлив! Жемчужинка моя! Наконец-то...

— А говорила, что ни за что на свете, — ворчу, как только ставлю девушку на ноги.

Она уже хихикает вовсю, прикрывая рот ладошкой. Вторая рука Скворцовой занята тем, что крепко накрепко вцепилась в края полотенца, чтобы оно не разошлось и не открыло её прелести на мою радость.

Жаль... С её скромностью придётся поработать. Но это греет душу — у Арины никого не было. Поведение девственницы на лицо.

— Ни за что на свете, — растягивает губы в лукавой усмешке. — Ты тоже много чего говорил. Припомнить?

— Женщины... — Закатываю глаза. — И всё вам надо помнить.

— То, что мы с тобой теперь, — щечки девчонки краснеют и она отводит глаза в сторону, — встречаемся, не значит, что я забыла про «зачётные сиськи» и всё остальное. — Под конец фразы седовласка сощуривается и одаривает меня мстительным взглядом.

— Готов искупить любую вину, — двигаю бровями. — Только давай так, что нам обоим было приятно и в удовольствие?

— Глеб! — Вопит Арина и выскальзывает из моих объятий. — Пошляк! — Шутливое ударяет меня по плечу и уворачивается от загребущих лап, которые я тяну к ней. — Я переодеваться, не смей входить! — Грозит мне указательным пальцем, прежде чем пулей скрыться в гостевой комнате и демонстративно щёлкнуть дверным замком.

Я недовольно поджимаю губы, глядя на деревянную межкомнатную преграду между мной и желанным объектом.

И что мне теперь делать со стояком? Зараза... Нужно срочно заняться переселением

Арины из гостевой комнаты в мою!

Поправив штаны в области паха, глухо рычу и скрываюсь на кухне.

Хотя бы поем...

***

— Для октября сегодня на редкость погожий денёк.

Соколовский щурится от яркого солнечного света, заливающего поляну, на которой мы расположились. Выставляет руку перед собой, закрываясь от солнца, чтобы посмотреть на меня.

— Погожий? — Фыркаю я, смеясь. — Где только таких словечек понабрался?

— Скучно было, пока ты дрыхла вчера вечером, ну я и одолжил один из твоих любовных романов, полистал. Впечатлился. — Многозначительно вскидывает брови, придураясь. — Вот там и был «погожий» денёк. Правда, в перерывах между «ох» и «ах», — стонет мажор.

— Эй! — Бью его ладошкой по груди. — Кто тебе разрешал копаться в моих вещах? — Краснею, потому что не успела спрятать парочку романов восемнадцать плюс, и именно в этот вечер у Соколовского внезапно проснулась жажда чтения!

— Всё твоё — моё. — Хитро сузив глаза, Глеб подаётся вперёд и устраивает свою голову у меня на коленях. — Ты же теперь моя девушка. Официально. Да и мне всё понравилось. Теперь я понимаю, почему ты так сильно любишь читать любовные романы.

— Неправда! — Восклицаю я, пытаюсь скинуть чёрную макушку со своих колен. — Там есть сюжет!

— Ну, да, конечно. Я заметил, — язвит парень, ловко уворачиваясь от моих рук. — Дракон похищает попаданку, приходит в себя лишь в пещере, голый после оборота и со стояк...

— Глеб! — Визжу я и зажмуриваюсь, не зная, куда себя деть.

Уши пылают. Мне так стыдно, что словами не передать. Я покупала эту книгу из-за аннотации, а там ни слова об этом не было! Но Соколовскому ведь фиг докажешь!

— Да ладно-ладно, седовласка, успокойся, я ведь просто шучу, — тон брюнета становится нежным и ласковым. Непривычным. Я робко приоткрываю глаза, чтобы увидеть бесконечную теплоту в янтарной радужке. — Что ж ты у меня такая...

— Какая?

— Любимая! — Рычит Глеб. Коварно ухмыльнувшись, он приподнимается, замирает в нескольких сантиметрах у моего лица и намеренно тянет с поцелуем. Вместо этого блуждающим взглядом изучает моё лицо. — Какая же ты у меня красавица, Жемчужинка. — Шепчет парень.

Я всё никак не привыкну к такому Соколовскому. Особенно к тому, что он так открыто выражает свои чувства. И так... часто! Предел отсутствия тактильности для мажора — час. А если лимит превышает, то с меня требуют двойную плату.

Как сейчас.

Мы сорок минут только добирались до парка-заповедника на другом конце города. Потом пока расстелили клетчатый плед для пикника, пока разложили еду, пока обсудили природу и чистый воздух, которого нет в душном центре. И вот, пожалуйста, Глеб снова ластится, как кот.

Не то, что бы я жалуясь, просто... Это ведь Соколовский!

Наверное, пройдёт немало времени, прежде чем я привыкну к такому его поведению и... нашим взаимным чувствам.

— О чём думаешь? — Прикрыв веки, рокошет брюнет. Его пальцы бессознательно поглаживают мою спину, заставляя покрыться мурашками.

— О том, что привыкла к тебе другому...

— Язвительному, омерзительному и злому? — Уточняет Глеб, ведя ладонью вверх по позвоночнику и зарываясь в мои волосы на затылке.

Это отвлекает, заставляет закатить глаза от удовольствия и расслабиться, поэтому я не сразу отвечаю.

— Наверное, — выдыхаю я, кайфуя от лёгкого массажа затылка.

— Наверное? — Хмыкает парень и немного отстраняется, чтобы я смогла вдохнуть желанный кислород.

— Просто... Теперь я так не думаю. Если проанализировать твоё поведение с точки зрения того, что я знаю сейчас...

— Так, стоп, — Глеб отстраняется от меня, вскидывая руки перед собой. — Давай, без вот этого психоанализа. — Морщится он и отворачивается в сторону. — Вся романтика коту под хвост.

— Под хвост коту она ушла ещё в тот момент, как ты напомнил мне про злого, омерзительного и...

— Да понял я, понял. Ладушки. Не хочешь целоваться сейчас — захочешь потом.

Кажется, мажор умеет обижаться.

От этой мысли хочется расхохотаться, но я прикусываю щёку изнутри, сдерживаясь.

Какое-то время мы сидим и молча жуём тосты, приготовленные нами накануне. Я наслаждаюсь тёплым осенним ветерком и красно-жёлтыми листьями, которые он срывает с веток. Они парят в причудливом танце и, в конце концов, оседают на поляну.

Людей в парке много, но из-за обширной территории заповедника, никто друг другу не мешает. А шанс столкнуться с другими группками, так же, как и мы, пришедшими на пикник, — минимальный. Поэтому тишина радует, можно спокойно насладиться всеми прелестями отдыха на природе.

Соколовский настаивал на дорогом ресторане или ужине на крыше при свечах в компании нанятых музыкантов, но я победила. Весь этот лоск, вся эта ширма для богачей, не для меня. Я скорее буду дёргаться и напрягаться весь вечер, чем действительно наслаждаться.

— Твой отец, он..? — Я смотрю на Соколовского, впервые решаясь заглянуть в его душу.

— Я ему не нужен. — Парень дёргает щекой, устраивается поудобнее, и обхватывает руками колени, глядя при этом вдаль, на речку. — Он с детства откупается от меня дорогими подарками и исполняет любые прихоти, лишь бы не видеть меня. Снисходит до меня только в тех случаях, когда я косячу жёстко.

— Это ужасно, Глеб, — не могу сдержать потрясённого возгласа. И лишь после взгляда, который он меня награждает, понимаю, что ляпнула лишнего.

— Кто бы говорил. У самой предки не айс. — Беззлобно бросает брюнет, искривляя губы в горькой усмешке.

— Да-а, не повезло нам с родителями, — тяну, стараясь скрыть печаль в голосе и то, что горло перехватывает неприятным спазмом. — А мама?

— Нет её. Просто нет. По крайней мере, для меня. — Резко отвечает Соколовский, и я начинаю жалеть, что вообще подняла эту тему.

— Прости, хотела узнать тебя получше. Если не хочешь, не рассказывай. — Скрыть

грусть во взгляде не получается, поэтому я рада тому, что мажор на меня не смотрит.

Глеб вздыхает. Срывает травинку, растущую неподалёку, и кладёт её между зубами, прикусывая. После чего откидывается назад и ложится на спину, убрав руки за голову.

— Прогресс, Жемчужинка. Уже пытаешься заглянуть в мой личный омут с демонами. Не страшно? — Зловеще улыбается парень.

— Страшно, — честно признаюсь. — Но попробовать стоило. Я хочу знать, с кем имею дело, прежде чем вляпаюсь по уши.

— То есть, иными словами, я для тебя — не окончательный вариант? — Я не могу прочитать эмоции, скрытые на дне медовых глаз, поэтому просто пожимаю плечами.

— Жизнь — штука непредсказуемая. Я в этом лишний раз убедилась, когда родная мать выгнала меня из дома и сказала, что знать не желает, а мажор, который меня ненавидел, спас, дал крышу над головой и признался в любви.

На этот раз улыбка Глеба веет теплотой. Мрачные тени исчезли с его лица. Он вновь был собой.

— Вот уж точно. — Широко улыбается брюнет, искоса глядя на меня и пожёвывая травинку.

Вечереет. Становится немного прохладно, поэтому я выуживаю два пледа из вязаной корзинки и протягиваю один из них Соколовскому.

— Держи.

— Я хочу с тобой. — Глеб недовольно поджимает губы, выбрасывает пожёванную травинку, и кидает протянутый ему плед на мои ноги, укрывая их. — Злая ты, седовласка. И жадная. — Подытоживает он, заставляя меня расхохотаться.

— Уйдёшь от меня? — Бросаю провокационную шутку, а сама замираю в ожидании ответа.

— Чёрта с два ты от меня так просто отделаешься, Арина! Я не для этого столько мучился. Поэтому, двигайся! Пледа хватит на двоих.

С этими словами Соколовский нагло притискивается к моему боку, а я и не против. Правда, ему об этом пока знать не обязательно. С ним теплее и приятнее. Даже просто голову на плечо ему положить — и уже становится так хорошо и спокойно на душе.

— Ты разбираешься в созвездиях? — Дыхание мажора опалает щёку. Я не поворачиваюсь, потому что сердце сладко замирает от нашей близости. Если повернусь — не смогу удержаться и сама его поцелую.

Видимо, начинаю потихоньку привыкать к его присутствию в моей жизни и постоянному нарушению личных границ. Начинаю привыкать к мысли, что я больше не одна в этом мире.

И это самое опасное чувство в мире. Ненадёжное. Доверишься, расслабишься, а потом сама не заметишь, как придётся собирать себя по осколкам.

— Немного, — запоздало отвечаю Глебу, выныривая из своих безрадостных размышлений. — А ты?

— За кого ты меня держишь? — Прыскает Соколовский. — Я разве похож на ботана-астронома?

— Чего тогда спрашивал?

— Думал, ты разбираешься. Девчонки любят такое. Романтика, все дела. — Брюнет приобнимает меня, примостившись ещё ближе.

— Не знаю насчёт поиска созвездий, но даже просто понаблюдать за звёздным небом,

вне города — уже романтика.

— Тогда, давай, так и сделаем, как только окончательно стемнеет. — Мне, наверное, показалось, но Глеб в этот момент счастлив, как ребёнок.

Время за непринуждёнными беседами пролетает незаметно. Мы не замечаем, как солнце садится за горизонт и темнеет окончательно. Воздух, несмотря на лёгкую морозность, намекающую, что скоро ноябрь, приятен и свеж. В специально предназначенную ямку для костра, мы кидаем заранее купленный хворост и поджигаем его. Пламя становится дополнительным источником тепла и света, выпуская весёлые снопы искр в небо.

Я заморожено наблюдаю за этим, положив голову Соколовскому на грудь. Он поглаживает меня по плечу и периодически целует в висок, глубоко и часто дыша. Я знаю, что это означает, но мне страшно и волнительно сделать первый шаг.

Да, что там... Хотя бы просто голову повернуть в его сторону!

Видимо, что-то почуяв, или уловив изменение в моём настроении, Глеб начинает потихоньку заваливаться назад, и тянет меня за собой. Я не сопротивляюсь, позволяя мажору уложить меня рядом.

— Мои познания ограничиваются Большой Медведицей. — Глупо хихикаю я, устраиваясь поудобнее на его руке.

— Не страшно, я всё равно бы ничего не понял и не нашёл. — Успокаивает меня брюнет. — Поэтому, давай просто наслаждаться чудесным видом. В городе такого не увидишь.

Я согласно вздыхаю, чувствуя жар в груди от нашей близости. И удивляюсь тому, что Соколовский сегодня бьёт все рекорды по сдерживанию своих «животных» инстинктов, не пытаясь целовать меня при каждом удобном случае.

— Смотри! Звезда падает! — Восклицаю я и резко привстаю, наблюдая, как огненный хвост кометы быстро гаснет, скрываясь в веренице звёзд.

— Я вижу тут лишь одну звезду, Жемчужинка. И она затмевает все звезды на небе, которые я сегодня увидел.

От неожиданности, я оборачиваюсь и натываюсь на взгляд, полный скрытой нежности. Там её столько, что можно утонуть. И я, кажется, тону. Позволяю себе раствориться в ней и сама подвигаюсь к Соколовскому.

— Ты знаешь, что смущаешь меня этими фразами? — Почему-то говорю шёпотом.

— Знаю, но твоя реакция бесценна. — Так же тихо хрипит мажор. — И я не могу молчать, ведь ты действительно так прекрасна и душой и телом, что у меня крышу сносит...

Глеб склоняется к моему лицу. Проводит большим пальцем по нижней губе, не отрывая от неё плотоядного взгляда. И, наконец, с рыком впивается в них. Целует меня так, что я сама становлюсь костром. Лгну к брюнету и он пользуется этим, усаживая меня на себя сверху.

Поцелуи становятся глубже. Жарче. Дыхания не хватает. Тело подрагивает каждый раз, как горячие ладони Соколовского проникают под вязаную кофту и гладят обнажённую кожу. Его пальцы впиваются в мою талию и двигают, имитируя волнообразные движения.

— Я точно сойду с ума такими темпами, седовласка. Нам нужно остановиться, иначе мы пропустим самое интересное. — Брюнет отрывается от моих губ, тянется к смартфону, лежащему в одной из корзинок всё это время, и смотрит время. — Сейчас начнётся. — Хрипит он и поднимает взгляд вверх.

Я не понимаю, что происходит и о чём он говорит, но тоже смотрю на небо. В это время Соколовский ловко ссаживает меня с себя и уходит в сторону машины. Его нет буквально минуту, но я всё равно напряжённо вглядываюсь в темноту, в которой он скрылся.

И тут меня отвлекает грохот в небе, вслед за которым поляну озаряет яркое свечение.

— Фейерверки! — С восторгом ахаю я.

Огромные небесные цветы друг за другом «расцветают» над головой. Разноцветные и искрящиеся. Глаз не оторвать.

Я поднимаюсь с покрывала и встаю, чтобы было лучше видно. Вместе со мной на фейерверки любуются те, кто гулял неподалёку. Они восторгаются не хуже меня, парочки обнимают друг дружку, а дети, которых держат за руку родители, прыгают на месте, тыча пальцем в небо и интересуясь, что это такое.

Я пропускаю момент, когда Глеб возвращается, увлечённая зрелищем. Но когда рядом разливается ненавязчивая мелодия, сотканная из россыпи гитарных переборов, я понимаю, что больше не одна.

Соколовский удобно сидит на покрывале и, закрыв глаза, перебирает струны. Уже только от этого эмоции начинают зашкаливать. Но когда брюнет начинает петь, всё и все вокруг пропадают. Остаются лишь он, я, его песня, посвящённая мне и фейерверки.

Фейерверки, которые в самом конце, стоит последнему аккорду оборваться, взрываются в форме прекрасного сердца, с надписью под ним «Я люблю тебя, Жемчужинка».

Последние пару ночей мне плохо спится. Тревожить Глеба, который всеми правдами и неправдами за прошедший месяц добивается того, чтобы я спала с ним в одной кровати, не хочется. Поэтому под утро я встаю и ухожу на кухню.

Пока кофемашина делает мне капучино, я кутаюсь в тёплый плед, зеваю и усаживаюсь на широкий подоконник. Холодное ноябрьское утро принесло первый снег. Он пушистыми хлопьями покрыл землю, сменяя серость, грязь и уныние на белоснежное покрывало. Но, несмотря на столь прекрасное зрелище за окном, на душе скребут кошки.

Окончательно погрузиться в меланхоличное настроение мне не позволяет хриплый мужской бас:

— Опять не спится?

Обычно Глеб спит очень крепко, поэтому я удивлённо оборачиваюсь на звук его голоса.

Соколовский стоит в проходе, зевает до хруста челюсти и сонно потирает глаза. На нём лишь спортивные штаны, поэтому взгляд невольно цепляется за стройный ряд кубиков пресса и провокационную дорожку тёмных волос, которая скрывается за плотной резинкой штанов.

Сглатываю, забывая обо всех своих невесёлых думах. И моментально краснею.

Последнее время просто спать в одной постели с Соколовским становится трудно. Не говоря уже о том, что сам брюнет старательно способствует этому, уж слишком усердствуя с моим «сексуальным просвещением». Ласки и поцелуи с каждым разом становятся всё жарче и смелее. И мне с каждым таким разом всё тяжелее говорить Глебу «нет».

В итоге мучаемся оба.

— Ты заметил? — Отвожу взгляд и прячу пылающее лицо за пушистым пледом, натягивая его до самых глаз. — Я думала, ты спишь, как медведь, и тебя даже выстрелом из танка не разбудить.

— Я проснулся, потому что стало холодно. Открываю глаза, а тебя нет. — Парень с укоризной косится на меня. Подходит к кофемашине, берёт мою кружку с капучино, отпивает немного и кривится. — Как ты пьёшь эту гадость? Там от кофе одно название.

— Эспрессо — вот настоящая гадость. — Парирую, хмыкая. — Жизнь и без того порой несладкая, а тут целая кружка с горьким пойлом. — Высовываю язык. — Ну, такое...

— Зато бодрит. — Глеб пожимает плечами, в три шага преодолевает расстояние, разделяющее нас, и протягивает мне капучино. — Решила погрузиться в духе ванильных фоточек, которыми пестрит интернет? — Подкалывает, опираясь ладонями о подоконник. В непосредственной близости с моим телом.

— Уже нет, — наигранно вздыхаю. — Ты всё испортил.

— Думаю, ты хотела сказать «спас». — Ослепительно скалится Соколовский, склоняясь к моему лицу. Его взгляд темнеет, в нём появляется поволока.

— Тоже мне, капитан «Америка». — Фыркаю, но скорее от набирающего обороты возбуждения. Близость парня очень сильно волнует меня с недавних пор.

Кто бы мог подумать... Я и Соколовский! Скажи мне это кто-нибудь два месяца назад, записала бы в ряды душевнобольных.

— Я предпочитаю тёмную сторону, — сверкает янтарными глазами и томно целует меня в губы.

Я не сразу понимаю, что брюнет играет со мной, поэтому инстинктивно, словно замороженная, тянусь следом, когда Соколовский немного отстраняется. Моё дыхание сбивается, а руки подрагивают от сильного желания прикоснуться к рельефным плечам, провести по ним ладонями и зарыться ими в тёмной шевелюре.

— Я и не сомневалась, — выдыхаю ему в губы, спускаю ноги с подоконника и всё же притягиваю Глеба к себе ближе, обхватив его шею. — Так почему ты не спишь?

— Не могу уснуть без тебя. — Хрипит парень, а у меня внутри всё сладко сжимается от его слов.

Властно раздвинув мои колени руками, Соколовский вклинивается между ними, впивается пальцами в мои бёдра и притягивает к себе. Наши тела оказываются впритык друг к другу. Это так сладко и томительно, что у меня поджимаются пальчики на ногах.

— И почему ты нормально не спишь которую ночь? — Интересует Глеб, лениво поглаживая мои обнажённые ноги. От этих его движений по всему телу проносится табуна мурашек, выдавая меня с головой гусиной кожей. Брюнет чувствует их и довольно скалится. — Расскажи мне, Жемчужинка. Ты же знаешь, что можешь поделиться со мной любой проблемой, и мы её решим. Вместе. Ты больше не одна.

Его голос звучит так ласково и нежно, что у меня на глаза наворачиваются слёзы. Я приникаю к губам мажора, заключая его лицо в свои ладони. Целую неторопливо, вкладывая в поцелуй всю ту бурю эмоций, которую во мне вызывает Соколовский. А особенно — его слова и то, что он подкрепляет их действиями.

Его любовь — больше, чем то, что я могла желать. Глеб стал для меня тем самым лучом света в тёмном царстве. Моей поддержкой и опорой. Но брюнет считает наоборот, часто говоря мне, что это я его луч света.

Наверное, это и есть счастье?

Я не хочу сейчас думать о том, что последнюю неделю мне названивает мама, а я не беру трубку. Не хочу гадать, откуда она узнала мой новый номер. Мне так хорошо и спокойно сейчас, поэтому я отмахиваюсь от причины, по которой не сплю последние две ночи и полностью отдаюсь нашим взаимным ласкам.

Поцелуи становятся жарче. Ласки — смелее. Соколовский часто и рвано дышит, что говорит о том, что парень сильно возбуждён. И, в качестве подтверждения, мне в живот упирается его твёрдое «хочу».

— Ариночка, девочка моя, — иступлёно шепчет брюнет, покрывая мою шею страстными поцелуями-засосами. — Прекрасная, нежная, любимая...

Я откидываю голову назад, полностью открываясь ласкам Соколовского. Лгну к нему ещё сильнее. Глажу плечи, мощную грудь, плоский живот. Скольжу ладонью вниз по той самой провокационной дорожке волос, а потом решаюсь нырнуть одной рукой под резинку его спортивных штанов и погладить то, что упирается мне в живот...

И тут же, испугавшись самой себя, вынимаю руку и сжимаю её чёртову резинку на поясе.

— Арина-а, — не то шипит, не то рычит брюнет. — Если ты сейчас не остановишься...

— Не хочу останавливаться, — вцепляюсь свободной рукой в его плечо, удерживая на всякий случай.

Мы это уже проходили. Но тогда я действовала на эмоциях, желая заглушить боль. А сейчас... Сейчас я понимаю, что...

— Я люблю тебя, — шепчу Глебу на ушко и трюсь своей щекой о его щёку.

— Ч-что? — Запинается он, замирая. Слегка отстраняется, несмотря на то, что я удерживаю его всеми силами за плечо, и впивается янтарными глазами в моё лицо. — Повтори! — Требует. — Я ведь не ослышался?

— Я люблю тебя, — нежно улыбаюсь, глядя на того, кого полжизни считала своим заклятым врагом.

— Боже, я, наверное, сплю, — брюнет радостно смеётся, упираясь лбом мне в плечо. Трётся об него носом и оставляет на нём невесомый поцелуй.

— Не верится? — Хихикаю в ответ.

— Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — прикусывает небольшой участок кожи на шее.

— Ещё раз повторить? — Благодушно предлагаю я.

Но его ответ мне не суждено услышать.

В квартире хлопает входная дверь, а из коридора доносится:

— Глеб, ты дома?

Мы не успеваем отпрянуть друг от друга. Кухня выходит в коридор, поэтому уже в следующее мгновение наши сцепленные в порыве страсти тела оказываются под прицелом двух пар глаз.

Отцу Соколовского, Николаю, удаётся сохранить лицо при взгляде на нас. Он выглядит довольно сдержанным, и лишь с намёком прочищает горло. А вот та, кто пришла вместе с ним, расширяет глаза и начинает вопить, тыча пальцем в нашу с Глебом сторону:

— Вот! Вы только поглядите на этот разврат! А я вам говорила, что ваш сын совратил мою дочь и теперь использует её, как... как... Как подстилку!

Николай кривится и хмуро смотрит на мою мать.

— Оставьте детей в покое, Ольга. Они уже взрослые. — Затем переводит взгляд светло-коричневых глаз на Глеба и обращается к нему. — Хоть бы предупредил, что живёшь с Ариной. Тем более так давно. — Говорит с нажимом.

И вправду. Если посчитать, то мы с Глебом живём вместе уже около месяца или больше. Видимо, это мать доложила обо всём Соколовскому старшему, когда не смогла до меня дозвониться. По крайней мере, похоже на то, что явились они сюда явно по её наводке.

— Ты бы ещё в шесть часов утра приехал, может, застал бы нас за интересным делом, — грубо бросает отцу брюнет, закрывая меня собой и не отходя ни на шаг. — То, что у тебя есть ключи, не даёт тебе права вламываться без стука. Моя личная жизнь — не твоё дело. И уж тем более, — мажор кивает на мою мать, которая круглыми глазами смотрит на всё это, — не её.

— Как отвратительно вы воспитали своего сына, Николай. — Мать едва держит себя в руках, выражение её лица максимально убийственное. — Мало того, что абсолютно ничего не стыдится, так ещё и хамит!

— Сказала та, кто выгнала родную дочь из дома на улицу и не интересовалась её жизнью. И чего это вдруг вы вспомнили про Арину? — Язвит Глеб. Черты его лица заострились. Он стал похожим на хищника, готового к прыжку в любой момент.

Николай с любопытством смотрит на мою мать.

— Вы же сказали, что потеряли Арину.

— Так и есть! Я всё это время искала свою блудную дочь. Мы поругались, она демонстративно собрала вещи и ушла. Я думала, она посидит на лавочке и вернётся, а она... — Родительница театрально машет рукой в мою сторону и быстро-быстро моргает,

словно одна мысль о том, что она потеряла дочь, причиняет ей невообразимую боль.

Ложь. Фарс. Демонстративное поведение. Двуличие.

Как же всё это отвратительно...

Я жмусь к Глебу и чувствую его поддержку, моральную и физическую. Его руки покровительственно обнимают меня. Сам он стоит вполборота к нашим родителям, изредка достаивая тех взглядом.

— Некрасиво заставлять родителей волноваться, — Николай скрещивает руки на груди, продолжая стоять в коридоре. Его фраза звучит так, словно он ни к кому конкретно не обращается, но осуждает.

Всё это выглядит, как самый настоящий театр абсурда. Я не знаю, что сказать и куда себя деть. Если бы сейчас подо мной разверзлась земля и утянула меня в бездну, я была бы не против.

— Некрасиво бросать своих детей. — Парирует брюнет. — Я даже обсуждать это не хочу. Вы заявили в мой дом без приглашения, чего-то требуете от нас, где ваше воспитание? Может, уже выйдете, в конце концов, и подождёте снаружи? — Гортанно басит парень, а я ощущаю, как напряжены его мускулы под моими руками.

— Глеб, — предостерегающе произносит Николай. А потом вдруг тяжело вздыхает. — Хорошо, мы вернёмся через десять минут. Надеюсь, к тому времени вы приведёте себя в порядок. Нам всем нужно поговорить.

— Да о чём тут разговаривать? — Взвизгивает мать, молчавшая до этого. — И так всё видно! Я требую или объяснений или компенсации!

Меня будто громом поражает.

Компенсации?

Компенсации?!

Так вот для чего она мне названивала и внезапно вспомнила о моём существовании... Ей нужны деньги...

Ипотека, которую взял Олег, сама себя не выплатит, а тут подвернулся удобный случай — дочь связалась не абы с кем, а с Соколовским, сыном депутата у которого можно потребовать денег, если вдруг выяснится, что я беременна или меня удерживают силой.

Кошмар. Господи, какой кошмар!

— Мы обо всём поговорим, Ольга. — Николай кладёт руки на плечи женщины, зовущей себя моей матерью, и выводит её в подъезд. Она возмущается, шипит, но всё же даёт себя вывести, успокоенная тем, что разговор про компенсацию всё же состоится.

— Кринж... — Мы остаёмся одни. Соколовский крепко сжимает меня в своих объятиях, поглаживая по волосам. Я вся дрожу, и он это чувствует. — Если хочешь, мы просто уедем. Пусть сами с собой разговаривают.

— Глеб! — Я поднимаю на него глаза, полные слёз. — Ты слышал? Компенсация! Ей нужна денежная компенсация!

Парень мрачнеет. На его лицо ложатся тени, стоит ему увидеть мои слёзы.

— Одно слово, Арина. — Сжимая челюсти, басит он. — Их не касается наша жизнь. Мы сами по себе.

Я отрицательно качаю головой в ответ.

— С этим нужно покончить раз и навсегда. — Зло стираю ладонями мокрые дорожки с щёк. — Пойдём, приведём себя в порядок, — передразниваю отца Глеба, — и поговорим, раз уж они так сильно этого хотят.

Брюнет опасно скалится. На дне золотистой радужки появляются знакомые мне чёртики.

— Вот это моя девочка.

— Итак, молодые люди...

— Пап, давай без этого фарса, — кривится Глеб, отчего становится похожим на своего отца. — Ближе к теме, у нас свои планы на выходной.

Николай Дмитриевич Соколовский, несмотря на утро, выглядит свежим и собранным. На нём дорогой костюм «тройка», выглаженный по всем правилам. Чёрные, как у Глеба, волосы, зачёсаны назад и зафиксированы гелем. В них уже прослеживаются намёки на седину, но мужчине идёт. Для своего возраста Николай выглядит не просто солидно, но и молодо. Я бы не дала ему больше сорока, хотя на деле депутату около пятидесяти.

— Это невозможно, как вы его терпите? — Расширяет глаза моя мать, которая выглядит ошарашенной поведением Соколовского младшего. Хотя, на самом деле, на дне её льдистых глаз плавает безразличие ко всему происходящему.

Теперь я это хорошо различаю.

Тонкий расчет и ничего более.

Николай пропускает замечание матери мимо ушей. Бросает взгляд на дорогие часы на левом запястье и хмурится, словно вспомнил о чём-то важном. Это не укрывается от Глеба, пристально следящего за отцом.

— Дела? — Иронично выгибает бровь, не выпуская мою руку, которую крепко держит под столом, за которым мы все сидим.

— Подождут.

Николай смотрит прямо на меня. В его светло-карих глазах множество вопросов относительно происходящего. Упрёка я не замечаю и это хоть немного, но успокаивает.

— Я жду, Арина. — Мать тянет одеяло внимание на себя. Очевидно, ей не нравится, что оба Соколовских её игнорируют, поэтому она вовлекает в ещё толком не начавшийся разговор меня. — Объясни мне, что происходит? Почему ты сбежала из дома и не вернулась? Почему не сообщила где и с кем ты живешь? Почему сменила номер и не отвечала на звонки? Мне с трудом удалось разузнать твой новый номер. Я искала тебя. — Укоризненно добавляет в конце.

Родительница выглядит скучающей. Или спокойной. За своими эмоциями, которые кроют меня после обвинительного монолога матери, я уже не могу различить точно. Но, прежде чем я успеваю гневно выпалить, что это не я выгнала сама себя из дома, Николай произносит:

— Ольга, я считаю, что, раз Арина живёт у Глеба, то он, как мужчина и должен отвечать. Вся ответственность лежит на нём, ведь я тоже не в курсе, что мой сын завёл серьёзные отношения. — Депутат делает небольшую паузу. — А может, это вообще дружеский акт взаимопомощи? Судя по тому, что я услышал, данный вариант развития событий имеет место быть. Всё-таки Глеб и Арина знакомы с первого класса.

— На что это вы намекаете, Николай? — Моментально взвинчивается мать. — Я не выгоняла родную дочь из дома! За кого вы меня вообще держите? Молодёжь в наше время врёт в три короба, особенно, когда им это выгодно. — А после обращается только к Николаю. — Я думала вы в состоянии отличить правду ото лжи. Единственное, в чём я с вами согласна — это в том, что Глеб несёт ответственность за то, что похитил мою дочь или помог сбежать, неважно. Важно, что всё это время он укрывал Арину у себя дома, пока мы

всех на уши поставили, чтобы найти её.

Я ошарашено молчу, глядя на Ольгу, и понимаю вдруг, что совсем не знаю эту женщину. Она так изменилась после появления Олега в нашей жизни, а я все эти годы абсолютно не замечала, что когда-то родная мама стала незнакомкой. Абсолютно чужой и вызывающей чувство неприязни.

Родительница сегодня приделась. На ней велюровое платье цвета ночного неба, замшевые полусапожки и приталенное пальто. Волосы она уложила лёгкими волнами, а на лице макияж.

Мать точно готовилась к встрече с Николаем. И все мои подозрения не беспочвенные.

— Как удобно, — брюнет закатывает глаза и утешающе поглаживает большим пальцем тыльную сторону моей ладони.

Страх и волнение куда-то испаряются. словно само присутствие Глеба наполняет меня смелостью. Я набираю полную грудь воздуха и отвечаю, смотря на мать прямым взглядом:

— Я ушла, потому что ты выгнала меня из дома. — Мой голос звучит твёрдо и я рада этому. Маленькое личное достижение. Раньше я бы не смогла дать ей отпор. — Идти мне было некуда. Глеб был свидетелем того, что произошло, поэтому согласился помочь мне и позволил временно пожить у него.

— Как интересно... — Низко тянет Николай и почему-то довольно улыбается. — Глеб? — Судя по всему, мужчина ждёт его версию, прежде чем сделать выводы. И уже только это черта показывает отличные дипломатические навыки нашего депутата.

Мажор вдруг в одно мгновение преображается. Расслабленно откидывается на спинку стула и ухмыляется одним уголком рта. Прежде чем ответить, он окидывает долгим взглядом сначала отца, затем мою мать.

— Всё так, как говорит Арина, — пожимает плечами. — Единственное, она кое о чём умолчала, потому что мы ещё не до конца обсудили все детали, — таинственно заканчивает он.

Я кошусь на брюнета, не совсем понимая, о чём речь. И, похоже, не только я. Николай выглядит заинтересованным, а Ольга — озадаченной.

Что ты задумал? — кричит мой взгляд, направленный на Соколовского младшего. На что он лишь незаметно для всех подмигивает мне.

— Николай, я начинаю уставать от детских игр. Я хочу забрать дочь домой, но прежде требую компенсации за то, что ваш сын похитил её! Вы представляете, сколько денег мы потратили на поиски? — Шипит, подобно змее Ольга. — Какие доказательства вам ещё нужны?! — Следующее адресовано уже лично мне. — Подростковое бунтарство должно было кончиться в шестнадцать лет, Арина! — Взгляд матери, направленный на меня полон ярости.

Я выдерживаю его. И уже обираюсь ответить ей, но Глеб покровительственно приобнимает меня за плечи, прижимает к себе и выдаёт, шокируя нас всех:

— Детские игра кончились, Ольга Викторовна, в тот момент, когда вы выгнали родную дочь из дома, и когда Арина приняла моё предложение выйти за меня замуж. Так что забудьте о своей идее пожить за счёт дочери, теперь у неё новая семья. Своя, — припечатывает брюнет.

Я впадаю в самый натуральный ступор. Но, быстро опомнившись, пытаюсь сохранить лицо. Получается плохо, потому что слова Глеба шокируют и меня. Благо, никто этого не замечает — всё внимание старшего поколения приковано к Соколовскому.

— Да как ты смеешь, поганец?

Мать вскакивает из-за стола, хлопая ладонями по столешнице. Её идеально уложенные локоны лохматятся от слишком резких движений. Лезут ей в лицо, и она раздражённо приглаживает их.

Похоже, играть определённую роль становится не так-то просто, когда всё идёт не по плану, — с отвращением проносится в моей голове.

— Держите себя в руках, Ольга. — Впервые за утро лицо Николая темнеет от едва сдерживаемого гнева. — Глеб, нам нужно поговорить наедине. — С нажимом произносит мужчина.

— Я не оставлю Арину наедине с этой пираньей.

Мажор, наоборот, расслаблен так, словно не он сейчас находится меж двух огней. На его лице блуждает ехидная полуулыбка. Весь его корпус развёрнут в мою сторону, пытаюсь укрыть собой. Заслонить. Спрятать.

От нежности, щемящей грудь, я тоже перестаю замечать кого-либо вокруг. Вижу лишь его — парня, который в мгновение ока преобразился в мужчину, готового защищать свою женщину до последнего. А прямо сейчас я ощущаю себя именно его женщиной. Что бы это ни значило.

Это чувство глубже любого признания в любви. И я вдруг понимаю, каким-то шестым чувством, что Глеб не шутил насчёт своей семьи. Он просто напроосто вынашивал эту идею у себя в голове, ожидая подходящего момента в наших отношениях. Ожидая, когда я созрею.

Как давно эта мысль оформилась и укоренилась в его голове? А что если...

Додумать мне не дают.

Происходят сразу две вещи одновременно: Николай строго кивает сыну в сторону выхода, а моя мать, кипя от негодования, что её назвали пираньей, краснеет вся, как рак, в несколько шагов преодолевает расстояние между нами, и дёргает меня за запястье.

— Хватит, моё терпение лопнуло, Арина. Быстро домой! — Она едва держит себя в руках. Я чувствую, как мать потряхивает от злости — её рука, больно вцепившаяся в мою, дрожит.

Николай, поднявшийся, чтобы выйти и поговорить с Глебом наедине, хмурится и медленно опускается обратно на стул. Ему явно не нравится, как моя мать ведёт себя. И если депутат ещё обдумывает мысль вмешаться или нет в уставы чужой семьи, то Соколовский не раздумывает ни секунды.

Янтарная радужка темнеет, когда брюнет поднимается с места, вцепляется в предплечье матери и точно так же, как и она минутой ранее, отдёргивает руку родительницы в сторону.

— Не смейте прикасаться к Арине. Ей восемнадцать. Она сама вправе решать, куда пойти и где ей оставаться. — Низко рычит брюнет.

Мать по-настоящему пугается, стоит ей взглянуть на разъярённого Глеба. Она сглатывает, кидает взгляд на Николая, ища у него помощи или поддержки, но не находит ни того, ни другого. Её грудь быстро вздымается и опускается. Она уже не в состоянии контролировать себя. На лице Ольги появляется гримаса из целой смеси непередаваемых эмоций.

— Ты об этом пожалеешь, Арина! Помяни моё слово. Сама приползёшь к порогу родного дома и будешь вымаливать прощение, когда твой защитничек с тобой наиграется. — Выплёвывает мать. Что-то внутри меня неприятно сжимается от её слов. — И вы тоже пожалеете. — Тычет пальцем в Соколовского старшего. — Видит Бог, я хотела по-

хорошему! — Она разворачивается на каблуках и, не говоря больше ни слова, вылетает из квартиры, громко хлопая дверью.

У Николая вырывается нервный смешок, глядя матери вслед. Осуждающе качая головой, он поражённо выдыхает:

— Действительно, пиранья.

— Разве я когда-нибудь ошибался в женщинах? — Парирует Глеб. Его теплая ладонь ободряюще сжимает моё плечо, усаживая одеревеневшую меня, обратно на стул. После чего он сам садится рядом.

Николай окидывает сына долгим, задумчивым взглядом, прежде чем тихо подтвердить:

— Никогда.

Мне так стыдно за мать, что я не могу подобрать слов. Извиниться за её поведение — меньшее, что я могу.

— Простите, пожалуйста, что вам пришлось... — Начинаю я, но депутат сдвигает брови и как-то устало отмахивается.

— Оставь это, Арина. Родителей не выбирают. Я, как видишь, тоже не образчик примерного отца. — С этими словами он отводит взгляд и глядит перед собой. — Можешь поинтересоваться у Глеба.

Лезть в чужие семейные взаимоотношения кажется мне чем-то неправильным, поэтому я тактично помалкиваю.

— Зачем приехал? — За меня тему переводит брюнет.

— Ольга заявила к нам домой сегодня ни свет ни заря. Была взволнована, сказала, что потеряла Арину. Из её сумбура я понял только то, что ты к этому причастен и Арина сейчас находится с тобой. Подумал — бред. — Мужчина разводит руками и лукаво косится на сына. — Дома ты давно не появлялся, поэтому я предположил, что ты в городской квартире сейчас. Взял Ольгу с собой, она выглядела очень переживающей. Ну, а дальше вы знаете.

— Она упоминала про компенсацию?

— Ты же знаешь, что женщины очень эмоциональные существа. Я решил, что она просто сильно злится и переживает за дочь, поэтому не придавал этому значения.

Воцаряется тишина. Каждый из мужчин думает о своём. А вот мне жутко неловко. Я чувствую себя не в своей тарелке. Мать перешла все видимые и невидимые границы. В открытую шантажировать депутата, заявиться к нему домой... Благо, что Николай Дмитриевич оказался мировым мужиком. А если бы..?

Даже думать не хочу.

— Ну, раз уж мы остались наедине, а от невесты у тебя секретов, как я понимаю, нет, поговорим о предстоящей свадьбе, сынок? — В уголках глаз Соколовского старшего собираются лучики-морщинки, когда он улыбается, тепло глядя на сына.

Наблюдая за ними, я не могу представить, что Николай плохой отец. Может, между ними произошло что-то такое, что заставило их выстроить стену друг между другом? Или это «на публике» депутат так же, как и моя мать, играет определённую роль? Он ведь сам только что сказал, что не самый лучший отец.

— Мы ещё не обговорили этот момент с Ариной, я не собираюсь сейчас это обсуждать. Вы с Ольгой вынудили наперёд сказать то, что было только в планах. — Глеб морщится и косится на меня с извинением.

Я смущённо отвожу взгляд.

Поверить не могу... В какой момент всё стало настолько серьёзно между нами?

Я и Глеб... Муж и жена...

Неосознанно трясу головой, чтобы выбросить из головы этот образ, потому что не могу до конца осознать всё. Наши взаимные чувства и без того стали для меня неожиданностью, с которой я только-только примирилась. А тут свадьба...

Настоящая свадьба!

Надеюсь, Глеб всё-таки просто защищал меня перед матерью таким способом.

Только сейчас замечаю, что мужчины наблюдают за мной. И не выдерживаю. Подрываюсь с места и, бормоча извинения, скрываюсь в ванной.

Пусть сами разбираются! С меня на сегодня хватит потрясений!

С того дня Николай ещё раз три за прошедшие две недели заглядывал к нам под различными предлогами. Глеб бесился. А я замечала то, что он никак не хотел замечать в отце — любовь к сыну и затаённую печаль на дне карих глаз.

С чем была связана грусть, похожая на давний шрам, во взгляде Соколовского старшего, мне оставалось лишь гадать. Лезть брюнету в душу я не собиралась. Он и без того ходил какой-то взвинченный после каждого разговора с отцом.

Учёба ближе к концу семестра становилась всё труднее, и забирала всё больше свободного времени. Нормально поговорить об упомянутой Глебом свадьбе нам не удавалось. Да и никто из нас двоих не желал первым поднимать эту тему. Мне было неловко, а Соколовский, видимо, чувствовал это и продолжал молчать, ожидая подходящего момента.

Тем временем приближался день студентов, вечеринка посвящения, которую традиционно проводят в честь первокурсников. Однокурсники, особенно женская часть нашего потока, активно готовились к предстоящему мероприятию. Кто-то даже вступил в студенческий совет, чтобы стать организаторами.

Полина оказалась среди таких активистов.

— Уже выбрала платье?

Мы с Красновой сидим в библиотеке, готовясь к промежуточному модулю. За окном осень борется с зимой за свои права, что выражается в промёрзлой погоде и почти голых деревьях. Поэтому среди ряда книжных полок относительно прохладно.

— Глеб заранее позаботился об этом. — Фыркаю я, пытаюсь сдержать нежную улыбку, рвущуюся изнутри. — В тот день, когда мы с тобой впервые познакомились, он увидел платье, которое я рассматривала в одном из бутиков, и подарил мне его. Я даже поначалу решила, что это от Стаса.

Мы с подругой переговариваемся вполголоса, чтобы библиотекарьша не услышала и не выгнала нас вон.

— Всё никак не могу привыкнуть, что ты не только встречаешься с Соколовским, но и живёшь у него. — Полина закусывает колпачок от ручки и смотрит на меня исподлобья нечитаемым взглядом, поэтому я не могу разобрать, осуждает она меня или просто переживает. — Кто бы мог подумать, что этот шкаф способен на светлые чувства, а не только разводить гарем вокруг себя и пользоваться женским вниманием.

— Не поверишь, но я сама в шоке. — Хихикаю.

— Стас до сих пор болеет. — Неожиданно произносит Краснова и тут же хлопает себя ладошкой по губам, жмурясь. — Чёрт. Я не должна была этого говорить. Стас был прав, язык мой — враг мой.

Я удивлённо хлопаю ресницами, глядя на подругу.

— Болеет? Так ты же давно выздоровела и не могла его заразить... — Начинаю я и обрываю сама себя.

Она про другую болезнь.

Полина видит перемену в выражении моего лица и поджимает губы, утыкаясь в конспект. Я не продолжаю тему, потому что чужие чувства для меня — тёмный лес. Тем более невзаимные. Мне бы свои понять до конца.

Это всегда больно, когда выбирают не тебя, а кого-то другого. Вот только невозможно

заставить себя полюбить в ответ, поэтому никто не виноват в сложившейся ситуации. Стас встретит другую и его «болезнь» закончится. Так всегда бывает.

— Ты сегодня со мной или Глеб тебя заберёт? — На лице подруги нет ни единого намёка на то, что между нами состоялся странный разговор про её брата.

— Не знаю, он ничего не писал насчет этого. Занят, наверное.

На самом деле меня волнует то, что Соколовский до сих пор мне не написал. Обычно он заранее предупреждает, когда не мы едем домой не вместе. Это происходит довольно редко, но всё же бывают большие разрывы между его расписанием и моим. В таких случаях мы возвращаемся домой поодиночке.

— А ты выбрала себе платье? — Неожиданно даже для самой себя, перевожу тему.

— Да, хочешь глянуть? — Воодушевляется Полина, забрасывая конспект. Я киваю. Она достаёт свой яблочный смартфон и начинает показывать мне платье.

К стыду, за своими мыслями я не слышу и трети восторженного монолога подруги. Киваю в нужный момент и мельком рассматриваю ярко красное платье. Интуиция подсказывает мне, что что-то происходит. Что-то, что мне не понравится или сделает больно.

Внутри всё неприятно сжимается. Внутренности скручиваются в узел.

Обычно предчувствие никогда меня не обманывает.

— Ладно, пошли домой, а то у меня чего-то уже ни сил, ни настроения нет грызть научный гранит. — Цокает языком Краснова, при этом внимательно глядя на меня сапфировыми глазами.

Подруга всегда странным образом улавливает перемены в моём настроении, хотя я стараюсь никак это не показывать. И вот сейчас она снова чувствует меня, практически волоком утаскивая из библиотеки.

— Если это из-за Стаса...

— Нет, — резче, чем планировала, отвечаю я, когда мы оказываемся на улице. — У меня нехорошее предчувствие. — Решаю поделиться с Полиной.

— По какому поводу? — Она осторожно прощупывает почву, наблюдая за мной.

— Не знаю. Я не уверена, но это как-то касается Глеба.

— Хочешь, пойдём и найдём его? Я же учусь с ним в одной группе, забыла?

Точно. Краснова ведь учится с Соколовским и Крицкой. Я действительно совсем забыла об этом. Тогда получается...

Словно читая мои мысли, подруга продолжает:

— У нашей группы пары закончились часа два назад. После этого я сразу пошла в библиотеку, готовиться вместе с тобой.

— Я позвоню ему.

Нервозность и волнение набирают обороты. На улице холодно. Пальто на мне не спасает от пробирающего до костей ветра, что усугубляет мои попытки не дрожать. Я достаю телефон из кармана и набираю Соколовского.

Долгие гудки тянутся невыносимым ожиданием. С каждой прошедшей секундой моё сердце сжимается всё сильнее, а подруга мрачнеет.

— Давай не будем предполагать самое худшее. Это же Соколовский. Он всегда сам себе на уме. Может, настроение плохое? — Полина пытается успокоить меня, когда я заторможено убираю телефон обратно в карман. Кладёт руки на плечи и ободряюще трёт их.

Впервые за всё время Глеб мне не ответил. Даже сообщением.

Я не хочу даже думать о причинах. А вдруг с ним что-то случилось?

— Я должна найти его. — Выпаливаю я, стремглав сорвавшись в сторону парковки.

Может, он ещё не уехал и отрабатывает задолженности по учёбе, — успокаиваю себя сама.

Но то, что меня волновало на самом деле — слова матери, брошенные напоследок. Они, как отравленное семя, засели в голове и начали давать свои первые ростки.

Краснова сначала удивлённо таращится на меня, а после бросается следом.

— Постой ты! Ненормальная! Он всё равно мимо проедет: выезд через парадные ворота. Задник ремонтируют.

Её слова заставляют меня сбавить шаг. К тому моменту, как Полина нагоняет меня, я чувствую, что руки и щеки горят от того, как быстро кровь циркулирует по сосудам. Но зато я согрелась.

— Глеб дурно на тебя влияет, — возмущается подруга, беря меня под локоть. — Его неадекватные замашки на лицо.

Краснова по-своему показывает, что переживает за меня. Это в её стиле. Поэтому я только улыбаюсь в ответ.

— С кем поведёшься, — отшучиваюсь, несмотря на то что, чем ближе мы подходим к парковке, тем сильнее сжимается что-то в груди.

Я не успеваю увидеть, что там за поворотом, потому что Полина резко дергает меня назад и пришибивает к стене здания.

— Цыц! — Прижимает указательный палец к губам, призывая меня молчать.

Я хочу спросить, что случилось, но вопрос отпадает сам собой, потому что я слышу тот самый голос, который узнаю где угодно и когда угодно. Особенно теперь, после всего того, что между нами было.

— Откажись.

— С какой стати я должна отказываться? — Надменно отзывается Лена.

Полина делает страшные глаза, видя, что я высовываю голову из-за угла, но не останавливает. Сейчас меня даже бульдозер не сумел бы остановить. Я своими глазами хочу убедиться, что услышанное мной — не галлюцинация. И не бред воспалённого сознания.

— Ничем хорошим это не закончится. Мы когда-то были друзьями и у нас были общие взгляды, как мне казалось. — Басит Соколовский, небрежно опёршись на Порше и скрестив руки на груди. Напротив него, как обычно одетая с иголки, стоит Крицкая. — Поэтому прошу тебя в память о нашей дружбе, откажись.

— Дружба кончилась в тот момент, когда ты предпочёл меня этой замарашке. — Зло сузив глаза, покрашенные жирными стрелками, брюнетка отбрасывает свои волосы назад.

— Не советую наживать врага в моём лице, Лен.

Сердце колотится так, что голова начинает кружиться. Злость и ревность берут надо мной верх, и я выскакиваю из-за угла. Взгляды обоих моментально приковываются ко мне. Соколовский выглядит потерянным, явно не ожидая меня тут увидеть, а вот Крицкая, наоборот, становится довольной, как кошка, которая только что поймала мышь.

Вот только я больше не мышь.

— Что здесь происходит, любимый? — Рычу не хуже разъярённой пантеры, цепляясь за локоть брюнета.

Офигевают все: Глеб, приоткрывший рот и странно покосившийся на меня; Полина, быстро шагающая следом за мной; Лена, скептически выгнувшая бровь. И я в том числе. От

собственной смелости. От силы ярости. От ревности и желания прикопать соперницу под ближайшим кустом.

Внезапно Крицкая начинает заливисто смеяться. Она оскаливает красивый ряд белоснежных зубов и слегка запрокидывает голову назад. Но взгляда от меня не отводит. На дне её глаз злое веселье и ревность, ничем не уступающая моей.

— Похоже, твоя замарашка почуяла запах денег, Глеб. Поняла, что ты для неё выгодная партия. — Лена перестаёт пялиться на меня и теперь смотрит на Соколовского. — Вот только не забывай, кто для тебя выгодная партия.

— Хватит страшать всех, — к нам подходит Полина. Подруга останавливается между мной и Крицкой так, словно не считает мажора тем, кто сможет за меня сейчас вступить. — Для разнообразия можно иногда побыть милой, Леночка. — Ядовито улыбается Краснова.

— Именно это я сейчас и делаю. Стараюсь быть милой и не точить когти о двух беспомощных мышек. — Копирует её улыбку брюнетка. — Участвовать в этом цирке не собираюсь. Набери меня, когда снова начнёшь трезво мыслить. До встречи, Глеб. — Она выделяет его имя, кидая Соколовскому на прощание взгляд, поверх наших с Полиной голов. Разворачивается, чуть не хлестнув подругу своим хвостом по лицу, и быстро уходит в направлении своей машины.

— И что это было? — Злость и страх требуют выхода, и я срываю их на мажоре. — Ты не отвечал на звонки, не писал мне... — Я делаю небольшую паузу, отпуская руку парня и отходя от него на шаг, чтобы наши лица были друг напротив друга. — И всё это из-за Крицкой?

Мне нужна лишь секунда, чтобы осознать то, что я сказала. Понять и принять.

Сглатываю неприятный ком в горле, пока жду ответа.

Челюсть Глеба напряжена. Его взгляд мечется с меня на Краснову и обратно.

— Я не собираюсь обсуждать это при ней. — Хмуро отвечает брюнет. — Едешь домой? — Бросает мне холодно.

Моя дрожь усиливается. Как и неприятное предчувствие. Вся моя бравада, злость и ревность разбиваются о холодную стену отчуждения между мной и Глебом. Грудь топит неконтролируемый страх.

Что происходит?

Полина замечает мой потерянный взгляд.

— Вот как ты запел, Соколовский? Не стыдно? Я думала, ты изменился.

— Тебя это не касается, Краснова. — Зачем-то выделяет её фамилию.

На мою грудь будто бетонную плиту положили. Дышать тяжело. Сердце бьётся глухо и болезненно.

— Поль, спасибо, — беру подругу за руку и смотрю на неё умоляющим взглядом, — но не нужно. — И добавляю одними губами. — Я сама разберусь.

Та пожимает плечами.

— Как знаешь. — Но я успеваю заметить обиду на дне её синих глаз.

Краснова уходит, оставляя нас с Глебом наедине. Мажор не двигается с места, рассматривая трещины на асфальте парковки. И не моргая. Вся его поза выглядит так, словно он безмерно устал.

— Поехали домой, — наконец, тихо выдыхает брюнет. Открывает мне дверь Порше и ждёт, пока я сяду в машину.

— Всё хорошо? — Вопрос срывается с губ до того, как я успеваю прикусить язык.

— Будет, как только мы окажемся дома.

— Ты объяснишь мне, что происходит?

Проходит целая минута, прежде чем он утвердительно кивает. И я бы поверила ему, если бы в конце он не отвёл глаза.

Всю дорогу Глеб до отвратительного молчалив и не похож на себя. Его руки с силой сжимают руль. Так, что костяшки пальцев белеют. За прошедший месяц мы, как бы удивительно это ни звучало, научились тонко ощущать перемену в настроении друг друга. Словно родственные души. И сейчас я отчётливо чувствую, что брюнет на грани.

Поджав губы, смотрю в окно. Ожидание убивает. Заставляет накручивать себя до изнеможения. Успокаиваться. А затем снова. И так по кругу. Бесконечному и невыносимому. До тех самых пор, пока правая рука Соколовского не ложится поверх моих, нервно сжатых в замок.

Он ничего не говорит, а лишь успокаивающе поглаживает тыльную сторону моих напряжённых рук. Но от этих простых движений меня накрывает дикая волна облегчения. Чтобы ни происходило, он всё ещё тот «новый» Глеб, которого мне довелось узнать.

Пока.

Не успеваем мы переступить порог квартиры, как брюнет обхватывает мои бёдра и перекидывает мою тушку через плечо. Возмущения застревают в горле, когда я понимаю, куда он меня несёт.

— Что ты задумал? — Сердце колотится в горле. Я пытаюсь не двигаться лишний раз и не вырваться, чтобы не удариться ненароком.

— Мне срочно нужна доза успокоительного. — Загадочно рокошет Глеб. Открывает дверь, ведущую в ванную, и лишь здесь сгружает меня, аккуратно поставив на ноги.

— А причём тут я? — Растерянно хлопаю ресницами, сложив руки на груди брюнета и глядя на него снизу вверх. — Или ты хочешь, чтобы я приняла ванную, пока ты будешь громить квартиру?

Что-то в моих словах заставляет его улыбнуться. Порочно. Опасно. До дрожи в коленках.

— Нет, девочка моя, громить квартиру я не собираюсь. По крайней мере, пока. — Его янтарные глаза наполняются смесью желания и порочного намёка. — Ты и есть моё успокоительное. Поэтому ванную мы будем принимать вместе.

Опешив, отстраняюсь от парня. Отхожу назад, позабыв, что хищника нельзя дразнить охотой — это только раззадорит его. Соколовский надвигается на меня с неспешным предвкушением, вновь сокращая расстояние между нами. Но прежде отрезает нас от всего мира щелчком закрывшегося дверного замка.

У меня нет и шанса на побег.

Брюнет смотрит не отрываясь. Его золотистая радужка темнеет. Атмосфера вокруг накаляется, становится тяжелее. И эта тяжесть отдаётся томлением внизу живота. Тело вдруг становится таким слабым и податливым, что хочется осесть.

Я бы, наверное, так и сделала, если бы руки Соколовского не подхватили меня. Поймали. И заключили в объятия.

Не произнося больше ни слова, Глеб принимается стягивать с меня всю одежду, которая сейчас кажется лишней. Я заморожено смотрю на брюнета с осознанием, что не просто хочу этого мужчину. Я хочу, чтобы он был моим. Целиком и полностью.

Это жадное и эгоистичное желание настолько заполняет меня, что я становлюсь смелее. Стягиваю с парня худи цвета хаки, и кладу руки на пояс его джинс. Глеб шипит, и на мгновение закатывает глаза от удовольствия, когда я дразняще провожу пальчиками по краю его обнажённого торса.

— Арина... Ты играешь с огнём. — Опаляет меня взглядом из-под полуопущенных ресниц.

— Ты тоже, — с вызовом смотрю на него. — Или только тебе одному можно меня дразнить? Ты ведь не собирался всерьёз принимать со мной ванну. — Утверждение.

— Возможно, я дал бы тебе выбор. Но не сегодня. — В который раз за этот день ошарашивает Соколовский. И утыкается своим лбом в мой. — Ты нужна мне, Жемчужинка. Прямо сейчас. Обещаю, что как только ты скажешь остановиться, я в тот же момент отпущу тебя.

Ложь. Он жадно желает меня. Так же, как и я его.

Но я не подаю вида. Соглашаюсь, расстёгивая пуговицу на его джинсах, как призывк действию. Не проходит и минуты, как мы оказываемся друг перед другом в одном нижнем белье. Одежда небрежно валяется под нашими ногами, забытая и ненужная.

Мне кажется, или в ванной стало как-то слишком жарко?

Глеб смеётся своим раскатистым и сексуальным смехом, от которого мурашки по коже. Похоже, последний вопрос я задала вслух.

— Если тебе уже жарко, то ты расплывишься от моих прикосновений, любимая. — Возвращает мне неосторожное слово, брошенное мною на парковке.

Не отпуская меня от себя, словно боится, что я убегу, мажор включает кран, добавляет пену и усаживается на чёрный, хромированный край, пока вода с шумом наполняет ванну.

Кроме этого момента, больше он не отвлекался от меня.

Притянув мою тушку к себе, Соколовский интимно прислоняется щекой к моей груди, которая оказывается прямо перед его лицом. Моё сердце колотится так, что я боюсь, оно вот-вот выпрыгнет из груди.

Глеб довольно улыбается, слыша его стук. И, словно этого мало, проводит сильными пальцами по бокам моей талии. Неторопливо и ласково. Пока не наткнется на преграду в виде белых кружевных трусиков.

Обычно я не ношу кружево, тем более один из моих любимых комплектов, коих у меня очень мало. Но что-то дёрнуло меня сегодня надеть вязаный свитер цвета слоновой кости и светлые брюки, а из белого нижнего белья у меня только этот комплект.

Может, это и вправду знак поощрения от Вселенной?

Я вцепляюсь в плечи брюнета, опираюсь на них, дабы устоять на ногах, и охаю, когда его средний палец ощутимо проводит по самому средоточию желания. Я вздрагиваю, но не отстраняюсь, а наоборот, повинуюсь желанию тела, прижимаюсь к Соколовскому ещё ближе.

Ванную заполняет аромат пены для ванной. Инжир и иланг-иланг. Обострённые ощущения воспринимают это, как дополнительный афродизиак, заставляя меня буквально плавиться от прикосновений мажора.

Глеб скользит ладонью по моему животу вверх. Обхватывает томящуюся грудь поверх кружевного лифа, ласково сжимая её. Я откидываю голову назад и не сдерживаю стон. А когда его губы начинают спускаться вниз, оставляя влажную дорожку из поцелуев на животе, я окончательно теряю голову.

— Ванна готова, Жемчужинка.

Я опускаю взгляд. Смотрю на мужчину, который, кажется, вылеплен из самого настоящего порока. Сглатываю, потому что в горле пересохло. И понимаю, что это было предупреждение.

Сейчас мы будем абсолютно нагими друг перед другом. И в прямом и в переносном смысле.

Наверное, я могла бы уйти прямо сейчас. Он всё-таки дал мне выбор. Но...

— Тогда давай насладимся ей вместе, — выдыхаю я, сквозь распахнутые губы. Обхватываю ладонями лицо bruneta, наклоняюсь и требовательно целую его.

До Посвящения остаются считанные дни. Я жду эту вечеринку почти как Новый Год, потому что мы пойдём туда с Глебом вместе. Отдых и молодёжные танцы — это то, что мне, да и, наверное, всем первокурсникам, нужно сейчас. Особенно после недели модулей. К тому же, мечта каждой девочки с самого детства — попасть на бал со своим принцем или встретить его там.

Я кручусь у зеркала, прикладывая атласное платье небесного цвета, подаренное Глебом. Думаю, какую сделать причёску, мельком ловя ассоциации, что моё отражение очень похоже на Снежную Королеву или Золушку.

С губ слетает нервный смешок стоит понять, что пример с Золушкой подходит мне, как нельзя кстати.

И смешно и грустно. Туфелек хрустальных не хватает.

Я хихикаю вслух. Квартира отвечает мне тишиной — Соколовский сказал, что ему нужно ненадолго уехать по кое-каким делам. Но он обещал вернуться до вечера. После той ночи, когда мы стали ещё ближе, я отбросила все сомнения в нём и пообещала уже самой себе верить ему и в него.

Но одно дело сказать, а другое — сделать.

Прикусив щёку изнутри, не могу избавиться от мыслей, что Глеб, как и в прошлый раз, мог уехать на встречу с Крицкой. И что его «дела» могут стать в итоге тем, что мне не понравится. Или ещё хуже — семенем раздора в наших отношениях. Не зря же мажор так загадочно отмалчивался, когда я спросила, куда это он собрался в выходной и без меня.

Если вкратце, то после ванной, наполненной удовольствием во всех смыслах этого слова, и заставляющей меня даже сейчас краснеть от того, что мы там вытворяли, у нас всё же состоялся разговор. Правда, уже на следующее утро. Глеб был максимально скуп в объяснениях, но мне хватило и того, что он сдержал своё обещание и рассказал о том, что произошло на парковке.

Крицкая и Соколовский победили в общем голосовании на звание Мистера и Миссис Университет. И должны открывать церемонию вместе. После пар они как раз обсуждали этот момент. Мажор просил её отказаться от условий открытия вечеринки Посвящения или найти себе другого кавалера.

Итог сего разговора мы с Красновой имели честь лицезреть на парковке.

Что-то в версии Глеба не сходилось, но я отгоняла негатив от себя. Его и без этого достаточно в жизни. Главное, что больше я ни разу не видела их с Леной вместе. Он всё свободное время проводит со мной. А Полина укрепила уверенность в брюнетке, рассказав, как Соколовский жёстко сбрил брюнетку, когда та подсела к нему на следующий день. Над ней вся группа потом хихикала.

Так что сомневаться в Глебе нет смысла, хоть он и умалчивает о чём-то. Я чувствую.

Звонок мобильного становится неожиданностью. Сейчас практически все общаются сообщениями. Даже Соколовский звонит мне только по каким-то срочным причинам, в основном чатится.

На экране высвечивается неизвестный номер. Я подавляю в себе липкий страх, внезапно сковавший грудь. И около минуты решаю: ответить на звонок или нет? Удивительно, что звонивший к тому времени не сбросил вызов.

— Алло?

— Привет, замарашка.

Два слова и больше не нужно гадать, кто находится по ту сторону связи. Елена Крицкая.

— Назовёшь меня так ещё раз, и весь поток будет знать тебя только как высокомерную курицу. — Шиплю в ответ, сама от себя не ожидая.

Видимо, наша с Полиной фирменная шутка «с кем поведёшься», далеко не ирония. Так отвечать — манера Соколовского. Я раньше никогда такой не была. Промолчала бы просто, чтобы избежать конфликта. А сейчас я ловлю себя на том, что меня переполняют холодная ярость и ледяная решимость.

— Да-да, я уже поняла, что жизнь с Глебом не прошла для тебя даром. Но коготки — не зубки, их можно отрезать. А к тому времени, как у тебя прорежутся зубки, Соколовский и думать про тебя забудет.

— Если ты звонишь просто ради того, чтобы испортить мне настроение, то найди себе другую девочку для битья. Я тебя предупредила.

Я собираюсь нажать кнопку «отбой», но в последний момент меня останавливает фраза Лены:

— Завтра вечером твой любимый Глебушка будет на званом ужине в семейном особняке Соколовских.

Большой палец висит над красной кнопкой на экране смартфона в миллиметре. Я медленно подношу динамик обратно к уху. Всё это время Крицкая молча ждёт и, наверняка, упивается тем, что у неё получилось задеть меня за живое.

— Он ничего мне не говорил об этом. Ты врешь. — Мой голос звучит сухо и безэмоционально.

— На твоём месте, я бы не верила нашему красавчику столь безоговорочно. Жаль мне тебя, Скворцова, наивные дурочки очень больно падают в конце. Это реальная жизнь, Арина. — Брюнетка вдруг становится очень серьёзной, без привычной змеиной манеры общения. — Забудь все сериалы, что ты смотрела. Это не сказка. В жизни всё по-другому. — Припечатывает она. — Богатые женятся на богатых, чтобы приумножить капитал или извлечь выгоду от договорного брака. И если Глеб первое время покочевряжится на фоне своей псевдовлюблённости в тебя, то против отца вряд ли пойдёт. А я тебе уже говорила, ждать я умею.

— Зачем ты всё это мне говоришь? — Едва шевелю пересохшими губами. — Почему просто не можешь оставить нас в покое? Или ты получаешь извращённое удовольствие, издеваясь над другими?

— Какая ж ты ещё глупенькая, маленькая девочка, — цокает языком девушка. — Если не веришь мне, приезжай завтра к семи вечера к особняку Соколовских. Глеб вряд ли тебе расскажет, желая уберечь от ненужного, по его мнению, знания. А это важно для тебя самой. Чем раньше ты спустишься с небес на землю, тем скорее займёшься своей жизнью и подыщешь себе кого-то вроде Станислава Краснова. Не сын депутата, но их семья тоже не бедствует. Там не будет такой жестокой борьбы за то, чтобы стать его женой. Опыт охмурения у тебя уже имеется...

— Замолчи! — Мой голос звенит от ярости.

— О-о, — тянет она, — тяжелый случай. Ладно, как знаешь. — Почему-то быстро соглашается со мной. — Но если захочешь узнать правду, ты знаешь, куда подъехать завтра к семи вечера. Не опаздывай, мышка.

Я слушаю гудки, доносящиеся из динамика смартфона, ещё какое-то время, прежде чем убираю его в сторону и, словно в замедленной съемке, оседаю на кровать. Платье выпадает из рук, ореолом ложась у моих ног, очертаниями напоминая небесное облако.

То самое, с которого, по прогнозам Крицкой, мне предстоит упасть.

***

Чтобы не думать остаток дня о словах Крицкой, я успела убрать весь дом, перебрать собственные вещи и приготовить ужин. Но время, как назло, тянется, подобно киселю, заставляя меня снова и снова возвращаться к телефонному диалогу с Леной.

Неужели Глеб и вправду так поступит со мной? Неужели всё, что между нами было за последние два месяца — фарс? Но, тогда зачем ему всё это? Не понимаю...

Выдыхаю и включаю плазму, висящую на стене спальни Соколовского. Мне везёт — какая-то рандомная американская комедия увлекает меня, и время до приезда мажора пролетает незаметно. И, что самое приятное, без лишних болезненных размышлений.

Стоит щёлкнуть дверному замку, моё сердце замирает. Фильм становится абсолютно неинтересен. Я сжимаю в руках пульт, а сердце колотится, как перед прыжком в пропасть.

Вот сейчас всё решится. Если Глеб скажет, что завтра у него тоже «дела», больше не останется сомнений в том, что Крицкая была права.

Брюнет появляется на пороге комнаты с усталой улыбкой и тремя коробками в руках.

— Привет, малышка.

— Привет, — я сглатываю вязкий комок в горле. И не поднимаюсь с кровати. Не бросаюсь к нему навстречу, как обычно. Это не ускользает от Соколовского. — Как съездил?

Он театрально вздыхает. Ставит коробки на кресло у книжного шкафа и подходит ко мне сам, заключая в крепкие объятия. Мы заваливаемся на кровать, и какое-то время лежим так, наслаждаясь друг другом.

— Без тебя было невероятно скучно, но сюрпризы требуют жертв... — Глухо отвечает парень, уткнувшись носом в мою шею. — Я соскучился, седовласка.

Слово «сюрприз» заставляет сердце неприятно сжаться. И всё из-за гадкой Крицкой!

— Если не секрет...

— Секрет, — перебивает Глеб, поднимая на меня загадочный взгляд. Янтарные глаза светятся радостным предвкушением чего-то, что даёт мне надежду на то, что все мои страхи — всего лишь выдумка.

Ну, не может человек обманывать вот так! В лицо!

Или я ничего не знаю об этой жизни.

— Потерпи, Жемчужинка. Ещё немного и ты обо всём узнаешь. Осталось решить только парочку моментов и всё. — Соколовский вдруг расплывается в похабной улыбочке и проводит по моей спине, заставляя вздрогнуть всем телом от прикосновений горячих пальцев.

— Прекрати это. — Строго смотрю на него.

— Как бы мне ни хотелось продолжить, — вновь вздыхает мажор, — придётся прекратить. Сначала ты должна померить туфельки и выбрать те, что понравятся. Я очень старался выбирать те, что подходят моей красавице. Ну, и под платье. — Кивает на шкаф, в котором висит его подарок.

Я вскидываю брови.

Туфельки?

Меня пробирает на нервное хихиканье.

Я ведь недавно думала о хрустальных туфельках и Золушке! Это уже даже не смешно!

— Ты чего? — Непонимающе хмурится Глеб. И прикладывает к моему лбу ладонь. —

Переработала сегодня что ли? Температура?

Я отмахиваюсь от него и выбираюсь из медвежьих объятий.

— Да ну тебя!

Соколовский таинственно улыбается уголком рта, встаёт и приносит три коробки к кровати. Садится на ворсистый ковёр серебристого цвета, лежащий у подножия, и открывает первую коробку, выживая оттуда белоснежные туфельки, украшенные стразами и снежным узором, как на окнах зимой.

— Давай свою ножку, — говорит и одновременно с этим берёт мою ступню в свою руку, примеряя туфлю. — Продавщица не обманула. Сели как влитые. — Радуетя брюнет. А потом тяжёлым взглядом проходится по моей оголённой ноге снизу вверх. В золотистых глаза полыхает пожар желания.

Я смущенно отвожу взгляд, совсем забывая про туфлю. Да и вообще обо всём на свете.

Глеб прочищает горло, прежде чем сказать:

— Давай, сначала наденем платье? Думаю, так будет проще выбрать, какие лучше всего подходят к нему. — Он смотрит на меня снизу вверх, неосознанно поглаживая пальцами щиколотку.

Я киваю, не в силах вымолвить и слова. Его прикосновения напрочь отключают разум. Этот мужчина явно обладает надо мной властью. Он завладел не только моим сердцем, но и телом.

Я продолжаю сидеть на кровати, пока брюнет приносит платье и кладёт его рядом со мной.

— Помочь? — Кивает на мою пижаму.

Во мне борются две стороны. Одна хочет, чтобы Соколовский помог мне, и это закончилось тем самым приятным времяпрепровождением, как в ванной, а вторая скромничает.

После того раза Глеб ограничивался только ласками, говоря, что моему телу нужно отдохнуть недельку, чтобы внутри всё зажило. Но моё тело требовало этого мужчину уже на следующий день. Поэтому огонь моей страсти с каждым днём лишь копился. Что вылилось в пожар прямо сейчас.

Мажор не дожидается ответа. Вместо этого он садится между моих ног и ведёт руками вверх по ногам, не отводя от меня янтарного взгляда с расширенными до предела зрачками. Коснувшись шортиков, ловко стягивает их и оставляет лежать на ворсистом коврике.

Голова брюнета находится на уровне моих бёдер. Он подаётся вперёд и прикасается горячими губами к нежной коже внутренней стороны бедра. Я ахаю и судорожно всхлипываю. А Глеб продолжает шире раздвигать мои ноги и покрывать их дорожками из поцелуев.

Когда язык Соколовского касается средоточия желания сквозь ткань, я откидываюсь назад, чувствуя, что задыхаюсь. Моё тело пылает. Жаждет его. Я запускаю руки в его волосы, притягивая к себе, и парень поддается. Поднимается с коврика и укладывается на кровать. Нависает надо мной.

— Глеб, — умоляюще шепчут мои губы.

— Сначала туфельки и платье, любовь моя, а потом десерт. — Порочно ухмыляется брюнет, дразняще целуя мои губы.

— Ты изверг! — Обличительно шепчу я, сводя ноги от сильного желания, которое я едва могу контролировать.

— Твой изверг. — Хрипит Соколовский, тянет края моей футболки вверх, и как бы случайно касается налитой груди.

Я шиплю и отталкиваю парня от себя. Стягиваю остатки пижамы, оставаясь в одном нижнем белье. Ускользаю от очередной дразнящей ласки, но Глеб предусмотрительно хватается за платье и качает головой.

— Нет-нет, девочка моя. Я помогу тебе. — Он поддевает указательными пальцами бретельки и подвешивает на них платье, не переставая глядеть на моё пунцовое лицо и понимающе ухмыляться.

Я бы разозлилась, но один быстрый взгляд в область его ширинки успокаивает меня. Мажор тоже мучается, как бы стойко себя не вёл.

От мысли, что я тоже имею над ним власть, во мне будто что-то переключается. Словно роковая красотка, которой я никогда не была, плавно поднимаюсь с кровати. Соблазнительно провожу по лифу, прежде чем его снять.

Улыбка слетает с губ Соколовского. Его кадык дёргается, когда я поворачиваюсь к нему спиной и стягиваю ещё и трусики, прогибаясь в спине. Снимать их не нужно было, но уж очень мне хотелось проучить брюнета и тоже поддразнить.

— Ну, так помогай, — смотрю на него через плечо. Томно. Из-под ресниц.

И, будь я проклята, но я упиваюсь взглядом, полным обожания, которым награждает меня мажор. В такие моменты в моей голове не проскакивает ни одна мысль на тему того, что Соколовский может меня предать. Эти эмоции — настоящие. То, что происходит между нами — реально.

Я не должна в нём сомневаться.

Глеб помогает мне надеть платье через голову. Встаёт позади меня, кладёт руки на мои плечи и подводит к зеркалу во весь рост, расположившемуся в дальнем углу комнаты.

— Ты так прекрасна, Арина, — шепчет мужчина.

И я ему верю.

Мои с детства вьющиеся волосы, которые я упорно выпрямляю утюжком чуть ли не каждый день, сейчас завиты аккуратными белоснежными локонами. Небесный цвет платья оттеняет мою слишком светлую кожу, придавая ей аристократичную бледность. Тонкие бретельки подчёркивают узкие плечи с выступающими ключицами. И, несмотря на то, что на мне сейчас нет лифа, небольшая острая грудь, которую не скрывает тонкая ткань, не придаёт образу вульгарности.

Соколовский нежно берёт мои локоны и раскидывает их по плечам и спине, открытой до поясницы. Я ощущаю прохладное прикосновение нитей золотистых цепочек на спине, протянутых от одного края платья до другого и кокетливо свисающих вдоль.

— Ты — королева моего сердца. И станешь королевой вечера. Я уверен. — Произносит Глеб.

Горло перехватывает от его слов, а на глазах появляются бисеринки слёз, которые я моментально смаргиваю.

— Туфли. — Каркающим голосом напоминаю я, желая уйти от неловкого момента.

Буря эмоций кипит во мне, порождая щемящую нежность к Соколовскому. Он не просто восхваляет меня и мою красоту, а заражает уверенностью в себе. Я всю жизнь воспринимала себя, как самую обычную. Серую мышь, как меня называет Крицкая. Но то, как на меня

смотрит Глеб, вынуждает усомниться в том, что я всю жизнь думала о себе.

Возможно, для кого-то я так и останусь серой мышкой. Возможно, для себя тоже. Но не для моего мажора. Он будто смотрит на меня сквозь призму розовых очков, делающих меня краше. Или брюнет видит то, что не видно мне самой...

Всё это неважно. Важен лишь наш общий мир, который мы строим вместе.

Соколовский подходит ко мне с коробками. Опускается на одно колено и ставит на него мои ноги по очереди, аккуратно надевая туфельки из другой пары. Они великолепно подходят к платью. Такие же нежно-голубые, усыпанные блесками, словно звёздами на небе.

Я не могу оторвать глаз от этого великолепия.

— Вижу, ты в восторге. — Ласково улыбается Глеб. — Но давай дадим шанс третьей паре?

Последние туфли оказываются не менее красивыми, но я уже сделала свой выбор. О чём и говорю брюнету.

— Уверена? Можем оставить и эти, — показывает отвергнутые мной коробки с туфлями.

Я округляю глаза, представив, сколько они стоят, и быстро-быстро качаю головой из стороны в сторону.

— Нет, спасибо. Лучше продукты купи.

Мажор одаривает меня снисходительным взглядом.

— Уже купил. Прекрати заботиться о моих деньгах, Арина. — Цокает языком. — Если я покупаю тебе всё это, значит, могу себе позволить.

— На деньги своего отца? Я не хочу быть должна семейству Соколовских. — Хмурюсь и прикусываю язык, потому что не хотела этого говорить. Но опасения уже прорвались наружу неосторожными словами.

— Я помогаю ему, так что всё это, — обводит взглядом покупки, — честно заработано мной.

— Когда ты успеваешь?

— Вместо некоторых занятий, — легкомысленно подмигивает мне, — которые мне не нужны и за которые проще заплатить на зачётной неделе.

— Фу таким быть, Глеб, — пытаюсь сохранить хмурое выражение лица, но уголки губ всё равно дёргаются вверх.

Этот парень неисправим.

— Зато я честно оцениваю свои возможности и правильно расставляю приоритеты. — Брюнет убирает коробки с туфлями, которые я забраковала, в сторону. — Переодевайся и пошли ужинать, я очень голодный.

Соколовский окидывает голодным взглядом мою фигуру, вынуждая меня усомниться в характере его голода. Но, словно борясь с самим собой, заставляет себя выйти из комнаты.

Я иду на кухню, достаю из холодильника заранее приготовленный мною ужин и ставлю в микроволновку разогреваться. За шумом не слышу, как Глеб подкрадывается ко мне сзади, и вздрагиваю, когда его руки обвиваются вокруг моей талии.

— Меня не будет завтра вечером, нужно помочь отцу уладить некоторые дела, — говорит мажор и чмокает меня в висок. — Так что отдохни завтра, седовласка. Постараюсь вернуться, как можно скорее.

У меня внутри всё опускается и холодеет. Соколовский говорит что-то ещё, но я не слышу его, стараясь удерживать на лице то же выражение, грозящее вот-вот рассыпаться

мелкой крошкой.

Это правда... Крицкая не соврала...

И, похоже, завтра мне предстоит убедиться в том, что всё выстроенное мной и Глебом за последние месяцы, рассыплется, как карточный домик. Ведь откуда Лена могла знать о том, что завтра вечером в особняке Соколовских должен состояться ужин?

Из всех вариантов и исходя из контекста разговора и намёков, на ум приходит только одно — она приглашена туда лично. Как та самая богатая невеста.

Обособняк Соколовских горит приветственными огнями из окон, когда такси подъезжает к воротам. Я расплачиваюсь с таксистом и выхожу наружу. Мои руки подрагивают, а сердце то и дело замирает от страха, что я найду здесь то, ради чего приехала.

Ноябрьский морозный вечер вынуждает плотнее закутаться в пальто и спрятать нос с шарф. Стоит мне подойти к кованым воротам особняка, хмурая охрана встречает меня. Но их лица далеки от дружелюбия.

— Вы к кому?

— Я — особая гостья вечера, — решаю пойти ва-банк. Напускаю на себя стервозный вид, уподобляясь Крицкой. — Вас разве не предупредили? — Выгибаю бровь.

Охранники переглядываются, ведя немой диалог между собой. Сомневаясь. Я уже успеваю перенервничать, как слышу:

— Простите, не признали. Вы особая гостья?

В этот момент кажется, что осколок в моём сердце начинает шевелиться и рвать рану. Но я заставляю себя уверенно ухмыльнуться и кивнуть.

Передо мной открывают дверь и впускают внутрь. Я быстрым шагом преодолеваю дворик, стуча каблуками демисезонных сапожек по дорожке, выложенной светлым камнем. Обхожу фонтан, расположившийся посередине, и поднимаюсь по невысоким ступенькам. У парадного входа меня встречает дворецкий.

— Добрый вечер. Ужин проходит в гостевой. Позвольте ваше пальто? — Любезничает высокий, статный мужчина с проседью в волосах.

— Спасибо, но я ненадолго. Мне нужно увидеть Глеба, передать ему то, что он просил меня привезти, и я сразу же уеду.

— Что ж... — Усатый дворецкий не меняет выражение лица, будто оно вылеплено из камня. Прохладно уважительный до оскомины на зубах. — Тогда давайте я провожу вас.

— Не стоит. Я знаю дорогу. — Отмахиваюсь от него, едва слыша звуки вокруг, за стуком бешено колотящегося сердца.

Если дворецкий и удивился, то вновь не подаёт вида, а лишь слегка кивает головой, что я могу идти. Но его пристальный взгляд следит за мной ровно до того момента, как я скрываюсь в коридоре за поворотом, ведущим к гостевому залу.

Странно, что меня так легко пропустили...

Эта мысль волнует меня ровно до того момента, как я достигаю гостевой. А после испаряется, словно её там и не было. Всё моё внимание занимает громкий звук смеха нескольких людей. Я замедляюсь и осторожно подхожу к прикрытым дверям. На моё счастье приглашённые официанты сейчас где-то ходили, но оставили створку приоткрытой, на случай, если их решат позвать.

Званный ужин в самом разгаре. В гостевой зале, выполненной в золотистых тонах, сидят люди за круглым столом. Они пьют и веселятся. Обсуждают что-то далёкое от моих скромных познаний в бизнесе. Трёх из присутствующих я знаю: Лена, Глеб и его отец, Николай. Оставшихся женщину и мужчину я вижу впервые, но догадаться, кем они приходятся Крицкой, очень просто, учитывая их сходство, заметное невооружённым глазом.

— Что вы Николай, мы уверены в том, что наших детей ждёт светлое будущее. — Темноволосая женщина, сидящая напротив Глеба и Николая, манерно прикладывает руку к

груди. — Они ведь знакомы уже почти десять лет. Да и их свадьба была оговорена чуть ли не с самого начала.

Десять лет...

Я и подумать не могла, что Соколовский и Крицкая настолько близки. Почему Глеб ни разу об этом не упомянул?

Грудь сжимают болезненные тиски, когда я вижу отеческую улыбку Николая, который не так давно улыбался точно так же, сидя за столом в квартире Глеба. И до меня постепенно начинает доходить, зачем Соколовский старший приезжал к сыну так часто.

Они разговаривали о свадьбе. О договорном браке. И обо мне. Ведь Глеб твёрдо заявил, что хочет на мне жениться.

«Но после ни разу об этом не упоминал», — сразу же проносится в моих мыслях.

Может, Соколовский просто хотел так защитить меня перед матерью? Может, всё, что между нами происходит, не более чем синдром спасателя, как сейчас модно говорить? Может, Крицкая и моя мать правы, и я для него просто новая игрушка, с которой он скоро наиграется и выбросит за ненадобностью, потеряв всякий интерес?

Как же больно...

Я прикладываю руку к груди, сжимая её в кулак. До боли. До побелевших костяшек. До того, что ногти впиваются в ладонь, оставляя на ней глубокие борозды в форме полулуний. Физическая боль отвлекает от душевной, и я, наконец, поднимаю взгляд, чтобы посмотреть на мажора.

Глеб выглядит скучающим. Немного задумчивым. Но не более. Рассеянно ковыряется вилкой в своей тарелке, пока родители Крицкой и его отец обмениваются любезностями. Они продолжают обсуждать благотворный брак своих детей и радостно улыбаться, обрисовывая дальнейшие перспективы развития бизнеса и его расширения.

Я заставляю себя стоять на месте. Заставляю себя ждать. Чего — сама не понимаю. Не знаю, что что-то должно произойти. Вот сейчас, Глеб либо опровергнет всё, либо согласится и не станет идти против отца.

Я не стану делать поспешные выводы. Я дам Соколовскому шанс.

Так я думаю ровно до тех пор, пока Крицкая не открывает рот.

— Это всё, конечно, хорошо, — вкрадчиво начинает она, заставляя присутствующих обратить на неё внимание. — Но я хочу гарантий.

— Дочка! — Возмущённо прерывает её мать. — Некрасиво перебивать чужой разговор. Где твои манеры?

— Мои манеры? — Крицкая выгибает бровь точно так же, как и я недавно у ворот. — Они кончились тогда, когда мой будущий жених завёл себе забаву для развлечений. Поэтому я имею полное право на то, чтобы потребовать гарантии. Договор вполне сойдёт.

Брюнетка откидывается на спинку бархатного кресла кремового оттенка и скрещивает руки на груди.

— Елена. — Строго смотрит на неё отец и хмурит брови.

— Подожди, Жень. — Мать Крицкой кладёт руку на бедро своего мужа. — Это правда? — Обращается к Соколовскому младшему.

Николай в это время прочищает горло, багровеет и тянется к вину в пузатом бокале, стараясь как можно скорее запить своё раздражение.

— Что именно? — Глеб в своей манере отвечать вопросом на вопрос ставит женщину в тупик. Вынуждает её повторить ещё раз. — Не знаю, о чём говорит Лена. Никаких забав и

развлечений у меня нет.

— Ты знаешь, о ком я говорю! — Подскакивает со своего места Крицкая и со стуком приземляет свои ладони на стол. — Хватит строить из себя дурака и притворяться.

— Елена, ну-ка быстро сядь на место, — не повышая тона, однако, очень холодно обращается к ней отец.

— Не сяду, пока Глеб не пообещает мне, что избавится от своей зверушки и женится на мне. Причём в письменном виде. Иначе можете забыть о нашем договорном браке!

— Леночка, — Николай, справившись с собой, цепляет на лицо маску благодушия, — не горячись, мы с Глебом уже всё обсудили. Он пообещал, что всё уладит к тому времени. А пока, давай не будем рубить с плеча.

Но Крицкая не сводит с Глеба орлиного взгляда.

— Обещай! Обещай, что женишься!

Соколовский впервые за всё время отрывает скучающий взгляд от своей тарелки. Янтарные глаза горят недобрым огнём. Его губы сжаты в тонкую линию.

И в этот момент я слышу шум в коридоре — официанты так не вовремя решают вспомнить о своих обязанностях. Мне нужно убираться отсюда, пока меня не заметили! И так слишком повезло...

Если это можно так сказать.

Но, прежде чем я делаю шаг в обратном направлении, мне в спину прилетает ответ. Тот самый, который решает мою судьбу.

— Обещаю, что женюсь...

Я покидаю особняк Соколовских со скоростью молнии. Пролетаю мимо дворцевого, на ходу бросая ему вежливое «прощайте», чтобы он не развёл панику. Меня душат слёзы, пока я вызываю такси обратно. На грудь, словно бетонную плиту положили. Я нетерпеливо мнусь за коваными воротами, пока жду свою машину, то и дело поглядывая на экран мобильного.

Во мне теплится небольшая надежда, что вот-вот Глеб обо всём узнает, догонит меня, позвонит или напишет, заверит, что всё услышанное мною — ложь. Не более. Но мой телефон молчит. Охрана всё также странно косится на меня, но не задаёт вопросов и не сообщает хозяину особняка о странной гостье.

Уже в такси я дрожащими руками набираю номер Красновой.

— Поль, я могу у тебя переночевать пару дней?

***

— И долго ты будешь прятаться ото всех?

Дом Красновых оказался чуть меньше особняка Соколовских. Белоснежный и загородный. Островком уюта он спрятал и пригрел меня. Точнее, не сам дом, а семейство Красновых. Родители Полины и Стаса оказались на редкость милейшими людьми. Это тот самый редкий случай, когда деньги никак не повлияли на людей.

Я стою на арочном балконе, опираясь на каменные перила, и смотрю на звёзды, когда Полина решает нарушить моё уединение. Оборачиваюсь. И вижу на лице подруги неподдельное волнение за себя.

— Арин, так нельзя, — вздыхает она. Подходит ближе и накидывает на мои плечи тёплый плед, располагаясь рядом.

Какое-то время мы обе смотрим вдаль, находясь в полной тишине. Комфортной и не напрягающей.

— Спасибо вам, Поль. За всё... — Говорю я, не зная, что ответить на её предыдущие

высказывания.

Подруга хмурится и смотрит на меня упрямым взглядом из-под пушистых ресниц, мол, от разговора тоже не убежишь.

— Тебе нужно было зайти туда и всё прояснить, а не бегать от Соколовского. В крайнем случае, оттащить Крицкую за волосы или разбить пару посуды об голову Глеба. — Фыркает шатенка.

Я шокировано таращусь на подругу.

— Вот это кровожадность.

— Каждый должен получать по заслугам, — пожимает плечами Краснова и вдруг начинает хихикать. — Зато представь их лица! — Улыбка девушки вянет, когда она не ожидается от меня нужной ей реакции. — Всяко лучше, чем вот так вот съесть себя заживо догадками. — Бурчит, надувая щёки.

— Там нечего гадать, Глеб ясно выразил своё мнение по поводу предложения Лены.

— Ты не дослушала, — не соглашается со мной. — Там могло быть что угодно! Вплоть до того, что он бы пообещал жениться на ней, когда рак на горе свиснет.

Сказанное вызывает тусклую улыбку.

— Может, ты и права.

— Не «может», а права! В общем, заканчивай хандрить и спускайся вниз. Родители ждут нас на ужин. Отказы не принимаются. — Полина приобнимает меня и скрывается за двустворчатыми дверьми, ведущими в просторный холл.

— Как же я благодарна судьбе за то, что она послала мне вас... — Тихо говорю ей вслед и плотнее кутаюсь в плед.

Постою так ещё пять минут и спущусь. Некрасиво заставлять хозяев дома ждать. Особенно после такого радушного приёма абсолютно незнакомой им девушки. Пусть Полина и рассказывала родителям, что я её подруга, но до вчерашнего дня они меня знать не знали лично и в глаза никогда не видели. К ни го ед . нет

Моим родителям поучиться бы у Красновых...

— Всё прячешься, — настигает меня низкий мужской бас. — Куда делась та уверенная Арина, которая взяла за руку Глеба Соколовского и ушла с ним в закат?

До сегодняшнего дня Стаса не было дома. Он уезжал на соревнования по баскетболу. Видимо, недавно вернулся.

Интересно, как много Полина успела рассказать своему брату? Порой она такая болтушка...

— Наверное, та Арина исчезла в тот момент, когда поняла, что ни в ком нельзя быть уверенной на сто процентов. — Отвечаю, не оборачиваясь. Мне стыдно смотреть Стасу в глаза после того, как я узнала о его чувствах ко мне от Полины.

И после того, как прилюдно отвергла его и выбрала Глеба, а теперь вот прячусь от своего выбора в доме его же родителей.

— Знаешь, наверное, то, что я скажу тебе, покажется странным, но...

Краснов на мгновение замолкает. Встаёт на то же место, где не так давно стояла его сестра. Он не облакачивается на перила, а прячет руки в карманы. Его синие глаза, таящие печаль на глубине, устремлены в холодное небо.

— Прости меня. — Тихо произношу я, сглатывая ком в горле. — Ты был прав.

— Нет, Арина. Я не был прав. В тот день я вёл себя эгоистично, навязывая своё общество и не желая замечать то, что ваши с Глебом чувства взаимны.

От его слов у меня бегут мурашки по коже, а сердце пропускает удар. Я поднимаю взгляд и смотрю на высокого парня с прямой осанкой. И спрашиваю саму себя: почему я выбрала не его?

Ответ прилетает почти моментально.

«Потому что твоё сердце уже давно принадлежит одному вредному брюнету».

— Почему ты так уверен? — Не знаю, что я хочу услышать от Краснова, но сердце то и дело замирает в ожидании его ответа. Словно это сможет воскресить мою надежду и веру в Соколовского.

Словно я сама ищу повод. Причину. Хотя бы мельчайшую зацепку, чтобы включить телефон, набрать Глеба и попросить всё объяснить.

— Соколовский, конечно, тот ещё мудака бывает, но я заметил, что он честен. Со всеми. А когда он смотрит на тебя... — Стас хмыкает. Замолкает, вскидывая брови, и медленно качает головой, словно сам не может поверить в то, что это говорит. — Ты для него — особенная. Поверь мне, я знаю, о чём говорю. С нами такое случается от силы два раза в жизни.

— Случается что?

— Любовь. Большая и сильная. — Огорошивает меня. — Он всё это время боролся за тебя. А теперь твоя очередь. Не отступай. За своё надо бороться. Не позволяй одному недоразумению разрушить всё между вами. Дай ему хотя бы шанс объясниться. Оправдаться. Даже у приговорённых к смерти есть последнее желание, Арина. Не будь слишком жестока. Особенно, если сомневаешься в своих действиях, как сейчас.

Беззвучные слёзы скатываются по щекам, и я не в силах остановить их. Я тронута словами Краснова и силой его поступка. Парень позволяет себе смахнуть влажные капли на моих щеках большими пальцами. Но не более.

— Не плачь, Ариш. Лучше ворвись завтра на вечеринку Посвящения дерзко и уверенно. Так, чтобы офигели все. — Гортанно смеётся Стас, глядя на меня с теплотой в глазах. — И Соколовский в том числе. Не переживай, небольшой стресс от твоей пропажи пойдёт ему только на пользу.

— Я...

— А теперь пошли ужинать. Для того чтобы всё повернуть и разгрести, нужны силы. Очень много сил.

Аргументов против его высказывания у меня нет. Поэтому я позволяю Краснову дружески взять меня за плечи и увести с балкона. Но, прежде чем мы скрываемся внутри, я успеваю увидеть то, что так долго ждала, стоя там.

Огненный хвост сгорающей кометы разрезает сонное небесное полотно. Такая редкость в ноябре. Падающая звезда. Тот самый знак, что если и погибать, так ярко. А уже судьба сама распорядится, будет ли это началом чего-то нового. Большого. Или станет фееричным концом.

Студенческий совет выбрал, пожалуй, лучшее место для проведения праздника посвящения в студенты. «Аврора» — один из самых популярных клубов в городе. Славится тем, что отдых здесь себе могут позволить только те, у кого имеются деньги в кармане. И не малые. Но студсовет выбил хорошую сумму у спонсоров университета, да и мы, студенты, тоже сдавали деньги на организацию.

И вот.

Передо мной шикарный клуб с просторным танцевальным залом, огромной LED-проекцией на всю стену за спиной диджея; с кучей стробоскопов и тематической барной стойкой в дальнем конце. Столики с диванчиками расположены за колоннами по бокам зала так, чтобы не мешать танцующей толпе.

А толпа уже не просто танцевала, а тусила, к тому моменту, как мы с Полиной и Стасом приехали на праздник. Диджей и ведущая проводили ряд конкурсов с частью студентов. А более спокойные сидели за столиками и общались. Может, знакомились. Те, кто приехал сюда с одной целью — выпить, рассредоточились у барной стойки.

— Похоже, мы припозднились, — кричит мне на ухо Поля.

Подруга сегодня одета в роскошное красное платье с открытым плечом и разрезом вдоль ноги. Её волосы уложены гладко, как у балерины или леди, с пучком на затылке. На лице красуется яркий макияж с акцентом на бордовых губах. В руках у Красновой небольшая сумочка-клатч с самым необходимым.

— Наоборот, вся скучная часть уже закончилась. Так что мы вовремя. — Стас наклоняется к нам так, чтобы мы могли его слышать.

Краснов одет с иголочки. В тон сестре. Тёмно-красная рубашка с наглухо застёгнутыми пуговицами хорошо дополняется чёрными брюками и лакированными туфлями. «Ёжик» на голове Стаса сегодня приглажен косо и назад. И ни одна непослушная прядка не торчит, как обычно это бывает в будние дни.

Они с сестрой смотрятся, как парочка. Красиво и эффектно.

— Я забронировала нам седьмой столик. — Полина показывает нам самое дальнее и тихое местечко в зале. Так как она — одна из тех, кто организовывал Посвящение, судя по всему, успела выбрать лучший столик для нас.

Мне казалось, что шум толпы и гул музыки помешают нам всем нормально слышать друг друга, но на удивление, хоть децибелы и превышают норму, но не мешают разговорам.

— Пойду, сделаю заказ, а вы пока присаживайтесь. — Говорит Стас и скрывается в толпе.

Мы не успеваем сделать даже шаг в сторону бронированного столика. Перед нами, словно из-под земли вырастает Соколовский. Он мрачен. Весь его вид — будто траурное одеяние.

Я морально готовила себя к этой встрече весь день. Но этого оказалось недостаточно. Стоит только янтарному взгляду обвинительно впиться в моё лицо, и волнение окутывает, подобно кокону, заставляя сердце биться чаще, а ладошки вспотеть.

— Добрый вечер, дамы. — Его голос, как возмездие, настигает мои уши, и я невольно содрогаюсь. Но глаз не отвожу. Смотрю погибели в лицо. — Краснова, я могу украсть твою спутницу ненадолго?

— У неё и спрашивай, я тут причём? — Надменно хмурится Полина, скрещивает руки на груди и пожимает плечами. — Вечно у тебя проблемы с пониманием того, что Арина — не вещь. — Фыркает подруга и поджимает губы.

— Ты же укрываешь её у себя, а значит, она прячется и не хочет говорить со мной по каким-то причинам. — Вроде бы Соколовский говорит с Полей, но его взгляд не отрывается от моего лица. И столько всего намешано в нём, что становится страшно оставаться с Глебом наедине.

— Каким-то причинам?! — Заводится шатенка. Но уже спустя секунду, всплеснув руками, удаляется со словами: — Сами разбирайтесь! Иначе я точно придушу и тебя, Глеб, и Крицкую!

Нервный смешок срывается с моих губ, слегка разбавляя напряжённую атмосферу между мной и мажором. Студенты, видимо, инстинктивно чувствуя ауру брюнета, обходят нас по кругу, несмотря на то, что мы стоим чуть ли не посреди прохода.

— Поговорим? — Цедит сквозь зубы. Я закусываю щёку изнутри и оглядываюсь в поисках запасного плана под кодовым названием «побег». — Не так быстро, девочка моя. Теперь я с тебя глаз не спущу. — Глеб замечает мои намерения, протягивает руку вперёд, и его ладонь замыкается кольцом на моём запястье.

— Это обязательно? — Между моими бровями пролегает морщинка. А на место волнения приходит злость, подкрепляемая тем, что я видела и слышала в особняке Соколовских.

Брюнет подходит ко мне на шаг ближе:

— Жизненно необходимо.

Я едва удерживаюсь от того, чтобы сделать шаг назад.

— Для кого? Тебя или меня?

— Нас. Обоих.

— Мне так не кажется. Ты уже выбрал и всё для себя решил. — Срывается с языка злое.

— Давай пойдём на балкон и поговорим обо всём, что тебя волнует. — Не меняя тон, отвечает Глеб. Но и руку высвободить из своего захвата не даёт.

— Меня? Значит, это меня волнует? — Шиплю я.

— Арина, ты хочешь говорить здесь? — С намёком уточняет мажор и я впервые с того момента, как в моём поле зрения появился брюнет, оглядываюсь вокруг.

Мы привлекаем к себе внимание. И многие с интересом таращатся на то представление, что разгорается между мной и Соколовским. А, учитывая, что Глеб — популярный парень в университете, даром это не пройдёт. Ни для меня, ни для него.

— Хорошо. Веди.

Брюнет чувствует себя в толпе, как рыба в воде. Он ловко разрезает плотные скопления людей своей внушительной фигурой и злобной физиономией. Я семеню следом и, к чести мажора, он намеренно делает шаг меньше, чтобы я за ним поспевала.

Свежий морозный воздух ноября врывается через ноздри в лёгкие. Освежает не только тело, но и мысли. В духоте помещения клуба и в толпе я этого не замечала, а сейчас поняла, что мне остро не хватает кислорода.

От глубоко вдоха и выдоха кружится голова. Мне хочется по привычке опереться на Глеба, но я вовремя вспоминаю, как он со мной поступил. Его слова на репите крутятся в моей голове с того самого вечера.

Балкон пустует. Все студенты тусуются внутри. Желаящих проветриться пока нет. Что

на руку Соколовскому, но не мне. Остаться наедине с этим зверем, по меньшей мере, страшно.

Я помню, каким Глеб может быть.

В небе висит полная Луна. Она заливает своим светом балкон, серебря чёрный костюм мажора. Он кажется одним сплошным чёрным пятном. И лишь его практически жёлтые глаза, глаза хищника, смотрят мне прямо в душу, выделяясь на фоне клубящейся тьмы, которой мне сейчас представляется брюнет.

Соколовский вдруг вздыхает и отводит взгляд. Выражение его лица становится печальным, когда он смотрит куда-то в пустоту.

— Ты так красива, Жемчужинка. Невыносимо. Смотреть на тебя и сдерживаться — пытка.

Его комплимент выбивает почву под ногами. Я растерянно смотрю на Глеба, неосознанно хватаясь рукой за кулон на шее. Вся та обвинительная тирада, которую я собиралась произнести, которую репетировала заранее, куда-то испарилась, оставив пустоту в голове.

— Я не учёл, что снаружи настолько прохладно, — говорит мажор и, не спрашивая, накидывает на меня свой пиджак, оставаясь в чёрной рубашке с распахнутыми двумя верхними пуговицами на груди.

В этом весь Глеб Соколовский. В любом образе он остаётся самим собой. Свободным, как ветер. И твёрдым, как скала.

Меня окутывает запах брюнета. Пробирается внутрь, вызывая желание вдохнуть его, как можно глубже. Дышать чаще. Вызывая не прошеные воспоминания о той ночи, когда мы с ним стали одним целым.

— Почему ты мне обо всём не рассказала? — Рокочущий бас Соколовского врывается в туман воспоминаний, развеивая их.

— А ты? — Поднимаю на него взгляд.

— Я хотел тебя уберечь.

— От чего? От Крицкой? От вашей с ней предстоящей свадьбы? — Мои губы изгибаются в язвительной ухмылке. — Плохо старался. В итоге она тебя обыграла.

— Знаю. — И поспешно добавляет: — Теперь знаю. — На скуластом лице брюнета играют желваки, когда он закрывает глаза и суёт руки в карманы. — Ты позволишь мне всё объяснить?

— Только один раз. — Сжимаю руками края его пиджака и плотнее кутаюсь в него.

— Большого я и не смею просить, — он открывает глаза и демонстрирует мне бледную тень его фирменной ухмылки.

Похоже, Глеб Соколовский не настолько не прошибаем, каким хочет казаться, и всё-таки можно проделать дыру в его напускной обороне и маске, которую он носит постоянно. Вот только мне от этого ни капли не легче. Лучше бы он и дальше демонстрировал холод и злость.

Потому что, как только я вижу боль на дне его янтарных глаз, и моя оборона тоже крошится на мелкие осколки, обнажая перед ним душу.

— Я уже говорил, что давно питаю к тебе чувства. — Начинает Глеб. Он стоит напротив и смотрит на меня открытым и спокойным взглядом. Всей своей позой показывая, что не только я сейчас «обнажена» перед ним. — Ты стала моим наваждением. Но я не понимал природу чувств к тебе. До определённого момента.

Мне тяжело выдержать его взгляд, но я не отворачиваюсь. С меня достаточно игр в прятки и трусливых побегов от него и самой себя. Пора взрослеть.

— Поэтому ты не отрицал возможность помолвки с Леной? — Догадываюсь я.

— Не только. Так было спокойнее и мне и отцу. Да и я всегда воспринимал Крицкую, как сестру или друга. Как временное прикрытие до тех пор, пока мы оба не найдём тех, с кем действительно захотим прожить всю жизнь. Но никак не любовный интерес. И считал, что она испытывает ко мне то же самое. — Он кривится, но заставляет себя продолжить. — Я умею учиться на своих ошибках, поэтому буду с тобой предельно откровенен, чтобы между нами не оставалось больше никаких тайн. У нас с ней был секс пару раз. И это лишь отдалило меня от неё. Крицкая же, как выяснилось недавно, просто ушла в глухую оборону и копировала моё безразличие. А сама имела на меня иные виды.

То, что эти двое спали хоть и предсказуемый факт — отзывается во мне небольшой тошнотой. Но, что было, то было. Прошое должно оставаться в прошлом. Поэтому буду воспринимать остальную информацию, просто как данность. Факты.

— Я оценила твою честность.

— Это не всё. — Его голос хрипит от эмоций, которые он сдерживает. А глаза напряжённо следят, чтобы я не ушла. Чтобы выслушала до конца.

— Я не уйду, Глеб. Обещаю. — Поддавшись порыву, делаю шаг навстречу брюнету и беру его за руку. Впервые ледяную, а не горячую. — Выслушаю до конца, как бы больно ни было.

— Не хочу причинять тебе боль. Никогда больше. — Тихо произносит Соколовский и тянется к моей щеке. Но его рука останавливается на полпути. Он сжимает ладонь в кулак и возвращает руку на место.

Что-то внутри меня сожалеет о том, что Глеб так и не сделал то, что хотел.

— Я тоже сделала тебе больно своим побегом. Так что, считай мы квиты.

Моя шутка не вызывает улыбки у мажора. Он становится напряжённое. Я начинаю растирать его ладонь, покоящуюся в моих руках, пытаюсь успокоить и согреть. Не сразу, но это срабатывает и брюнет немного расслабляется. Продолжает.

— Когда я понял, что люблю тебя, всё изменилось. Приход Крицкой ко мне домой был первым кринж звоночком, на который я не обратил внимание. Я замечал, что она проявляет к тебе нездоровый интерес, и решил, что это просто банальная собственническая ревность, ведь, кроме как с ней, я больше ни с кем так тесно не общался. Сказал ей держаться от тебя подальше, и чтобы она прекращала свои игры, иначе нашей дружбе конец. Она заверила меня, что погорячилась и больше не будет выполнять подобные мувы.

Он переводит дыхание, прежде чем продолжить.

— Потом на горизонте появился Краснов, который стал для меня, как красная тряпка для быка. Потом твоя мать с её выходками, и я понял, что нужно просто утащить тебя в свою берлогу и всё. Завоевать твою любовь действиями, а не словами. И тайно оберегать от тех, кто желает тебе зла. А потом к нам в гости заявился мой отец, да ещё и с твоей матерью, и всё пошло по наклонной.

— Дай угадаю? Он поулыбался мне, а потом проводил с тобой беседы? Поэтому приезжал так часто?

Соколовский кивает и на мгновение опускает взгляд в пол. Хмурится.

— Я сказал, что слышать ничего не желаю. Это моя жизнь и портить её договорным браком я не собираюсь. Отец устроил мне скандал и показательное выступление,

припомнив, чем для него закончился брак по любви с моей матерью. Что все женщины предадут, особенно те, что почувствовали вкус денег. И что он не желает того, что произошло со мной, для своих внуков.

Барьер между нами даёт трещину. Мы одновременно делаем шаг навстречу друг другу, но замираем на расстоянии пятидесяти сантиметров. Кадык брюнета дёргается, когда он опускает глаза на мои губы.

Не он один едва держит себя в руках, чтобы не кинуться в объятия. Не сократить дистанцию. Не прильнуть к этим желанным и любимым, несмотря ни на что, губам. Но нам необходимо поговорить. Жизненно необходимо, как выразился Глеб.

— Слова твоего отца всё изменили? — Ком в горле давит, но я упрямо отгоняю от себя любой намёк на эмоциональное вовлечение в рассказ Соколовского. Нужно выслушать его и уже после делать выводы.

Парень ухмыляется:

— Ни капельки. Ты не такая, как другие. Ты — это ты, Арина. Всегда будешь. Ты — моя Жемчужинка в этом океане. Поэтому навсегда будешь особенной. — Ласково произносит мажор и тяжело выдыхает.

Его слова навсегда вырезаются в моём сердце. То, как он на меня смотрит. То, каким голосом всё это говорит. То, что таится на дне его медовых глаз. То, как он всем телом тянется в мою сторону. Всё это мне не забыть никогда.

— Отец обманул меня. Сказал, что принимает мой выбор, и, под предлогом помощи ему в работе, заманил меня на тот ужин. Дальше ты видела. — Он набирает полную грудь воздуха и начинает быстро и виновато тараторить. — Я должен был предугадать то, что отец не пошёл у меня на поводу. Должен был понять, что Лена испытывает ко мне. Должен был догадаться, что ты не жалуешься мне на Крицкую. Должен был не с Леной тогда разговаривать на парковке и отговаривать её от договорного брака, а с тобой. Должен был...

Стена между нами рушится. И мы буквально падаем в объятия друг друга. Я удивлена, что до сих пор никто так и не решил проветрить голову и выйти на балкон, но благодарна судьбе или высшим силам, или что ещё там помогает нам в трудных ситуациях, за это уединение. За то, что они позволили откровенному разговору случиться.

— То же самое можно сказать и обо мне. Я тоже много чего должна была сделать. Но по сути, никто никому ничего не должен. — Мой голос глушит грудь Соколовского, в которую я уткнулась, с наслаждением вдыхая любимый запах. — То, что нам действительно было необходимо — всего лишь поговорить. Скольких проблем и ошибок можно было избежать...

— Ты мне веришь? — Глеб крепко обнимает меня. Прижимает к себе так, словно уже миллионы раз потерял меня в своей голове, без возможности увидеть снова.

Брюнет замёрз, стоя в одной рубашке, зато я пылаю. Горю в своём собственном огне, которым собираюсь поделиться прямо сейчас.

— Верю, — горячо заверяю его и смотрю вверх на такое родное скуластое лицо, осунувшееся за эти два дня. Скольгу взглядом по тёмным кругам под глазами и, в конце концов, тону в омуте янтарного взгляда.

— Тогда давай сбежим отсюда? Далеко-далеко. От всех. — Берёт мои руки в свои ладони, и прижимает их к своей груди. Это абсолютно новая сторона Соколовского, которую я никогда не видела до сегодняшнего дня. Он раним и открыт передо мной. Максимально откровенен. — От моего отца. От твоей матери. Начнём всё заново. Так, как мы хотим. Где

никто не будет знать, кто мы. Где никто нас не найдёт. — Шепчет Глеб, склоняясь к моим губам.

Мне страшно. Страшно бросать всё. Возможно, это глупо, но... Но я не буду одна. Я буду с тем, кого люблю. Да и... Мне-то терять особо нечего.

Зато Глебу есть.

— А как же ты... Твоя семья, дом...

— Это всё неважно. Ты — моё главное сокровище. Я хочу провести с тобой всю жизнь. Если понадобится, я выгрызу нам место под солнцем где угодно, Жемчужинка. Обещаю.

Глеб с надеждой смотрит на меня. И я сдаюсь.

— С тобой — хоть на край света. — Говорю банальную фразу и счастливо смеюсь.

У меня будто крылья за спиной вырастают. Становится так хорошо и легко на душе, что хочется смеяться и танцевать, несмотря на безумство нашей затеи.

Брюнет дарит мне самый сладкий, неторопливый поцелуй на свете, прежде чем сказать:

— Тогда подари мне танец, фея моего сердца, а потом мы улетим отсюда.

Соколовский протягивает мне свою ладонь, обаятельно улыбаясь при этом. Становясь знакомым мне наглцом. И я вкладываю свою ладонь в его. Позволяю своему возлюбленному увести меня за собой.

В новый мир. В новую жизнь. В счастливое будущее.

Я знаю, что мы справимся, несмотря ни на что, потому что любовь способна преодолеть любые преграды.

Чуть больше полугода спустя...

Я сижу на веранде и жду, когда муж вернётся с работы. Летний ветерок развеивает мои волосы, и я с наслаждением прищуриваюсь, отпивая лавандовый чай из чашки. Наблюдаю, как солнце медленно клонится к горизонту, и почему-то именно сейчас окунаюсь в ностальгию и вспоминаю вечер Посвящения.

Какими же глупыми и безбашенными мы были той ночью. А ведь казалось, что сбежать — самый очевидный и лучший выход из сложившейся ситуации.

Хорошо, что на следующее утро всё сложилось иначе. Это уберегло нас от стольких ошибок.

Мы никуда не улетели. Точнее, нам банально не позволили.

Сотрудники аэропорта отправили нас обратно на выход под конвоем охраны депутата (отец Глеба постарался), как только увидели в паспорте мажора фамилию «Соколовский». Брюнет побузил немного на охрану, но, в конце концов, сдался.

Тем утром нас привезли в особняк Соколовских, где Николай отчитал нас, как говорится, и в хвост и в гриву. Депутат не думал, что Глеб настолько серьёзно настроен и в итоге сдался. Пошёл на любые условия, лишь бы сын остался здесь с ним и продолжал его дело.

Сейчас я согласна с каждым словом, которое услышала в тот день от Соколовского старшего. Он был прав насчёт того, насколько безумна была наша затея. Прав, что отчитал нас, как подростков. Мы оба могли похерить своё будущее, ведь пришлось бы бросить институт. Да ещё и жить в чужой стране, без поддержки. Как слепые котятка.

Шанс того, что всё сложилось бы хорошо — минимален.

Зато как хорошо всё стало после. Словно то решение было необходимо для того, чтобы, наконец, в нашей судьбе начала властвовать светлая полоса. Глеб сделал мне предложение на новый год. Спланировал свадьбу поздней весной после моего дня рождения. А отец Соколовского помог с размахом.

За полгода жизни в особняке, Николай кардинально изменил ко мне отношение и стал относиться чуть ли не как к дочери. Не говоря уже о том, что, наконец, если и не завоевал прощение родного сына, то явно вышел на тропу перемирия.

Я же радостно наблюдала за тем, как Глеб со временем перестал хмуриться, видя отца на горизонте. И даже открыто улыбается ему теперь. Нет настороженности и обиды. Нет пассивной агрессии. Да, прошлое не изменить, но зато они могут выстроить будущее так, как хотят. Особенно теперь, когда Соколовский официально вступил в права наследования отцовского бизнеса.

Что касается меня, я окончательно разорвала связь со своей семьёй. Мать ещё несколько раз пыталась меня шантажировать и требовала денежную компенсацию за то, что содержала меня все эти годы, а я гадко кинула их, выгодно выйдя замуж.

После того я не захотела иметь с семьёй ничего общего. И ещё ни разу об этом не пожалела.

Увидев, как Порше Глеба въезжает во внутренний двор, внезапно прослезилась — меня накрыла волна нежности к этому мужчине. Он столько для меня сделал. И продолжает делать. Соколовский за эти месяцы изменился. Возмужал ещё больше. Стал серьёзнее и

ответственнее. Настоящий мужчина.

Мой.

«Что-то я стала слишком сентиментальной последнее время», — думаю я, утирая слезу.

Я успеваю допить лавандовый чай к тому моменту, как брюнет заходит на веранду. На нём домашние шорты и серая футболка, обтягивающая мускулистый торс. Я невольно подвисяю, словно вижу его в первый раз.

К слову, я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что этот шикарный мужчина (а помимо этого — Глеб Соколовский! Тот самый Глеб! Да-да, Арина!) — мой муж.

Парень замечает, как я на него смотрю, и растягивает губы в понимающей ухмылке.

— Соскучилась?

— Невероятно, — говорю я и встаю плетёного стула, чтобы обнять его и поцеловать. — Как дела на работе?

— Скучно, нудно и, как всегда, отец выжимает из меня все соки до последней капли. — Брюнет отстраняется, закатывая глаза, но не выпускает меня из объятий. Поглаживает мою поясницу через тонкую ткань муслинового платья большими пальцами. — Как прошёл твой день?

— Готовилась к последнему экзамену. А ещё поняла, что, похоже, нужно покупать новую одежду, — с этими словами я опускаю одну руку вниз и поглаживаю округлившийся за три месяца живот.

Да, медовая неделя за границей для нас не прошла даром. Но две полоски на тесте были приятным шоком для нас обоих. Этот момент мы обговаривали ещё до того, как поженились. Решили, что позволим событиям идти своим чередом и если я забеременею, так тому и быть.

А уж как обрадовался Николай. Заранее заказал будущему внуку или внучке кучу игрушек, развиваек, всяких распашонок и ползунков. А сейчас рабочие делают детскую из одной из гостевых комнат.

— Закажешь на дом или съездим в ТЦ завтра вечером после работы? — Нежно щурится Глеб, с благоговением поглаживая мой живот своей большой ладонью.

— Хочу тебя немножко помучить. — Дразняще морщит носик, чмокая брюнета в губы.

— Я весь в твоём распоряжении. Только давай ты начнёшь мучить меня уже сегодня ночью? — Мажор закусывает нижнюю губу, глядя на меня со страстным пожаром в янтарной радужке. — И, пожалуйста, медленно. Со вкусом, — хрипит он, склоняясь к моим губам.

Я хихикаю, но подыгрываю ему.

— Как скажешь, любимый. Я вся в твоём распоряжении.

— Навечно?

— Ощущение, что я подписала контракт с дьяволом на свою душу. — Хохочу я, тыча ему пальцем в рёбра.

Брюнет охает от неожиданности и корчит шутливую гримасу.

— Подлая женщина. Кто кого ещё околдовал. — Его взгляд падает на мою шею. — Кстати, ты знаешь, кто тебе подарил эту цепочку? — Поддевает жемчужинку указательным пальцем.

подавив улыбку, рвущуюся наружу, я делаю самое серьёзное выражение лица, на которое способна. Прикладываю палец к нижней губе и задумчиво постукиваю по ней.

— Даже и не знаю. Много кто испытывал ко мне симпатию в школе. Коля? — Предполагаю и, видя округлившиеся глаза Соколовского, тут же хмурюсь и отвечаю сама

себе. — Нет, вряд ли. Никита? Тоже нет, он вроде потом с Ленкой мутил. Лёша? Точно, наверное...

— Ты издеваешься? — Сощуривается брюнет, догадавшись и гася искры бешенства в глазах.

— Нет, — отвечаю с самым невинным выражением лица.

— Ну, всё! Ты напросилась. — Рычит парень. — Сейчас я проведу индивидуальный курс специально для тебя, мелкая. «Антиамнезия» называется. Память быстренько вернётся. — Гаденько улыбается он, но моё сердце приятно замирает от этой улыбки. — Как миленькая будешь выкрикивать имя красавчика, подарившего тебе кулон.

Глеб подхватывает меня на руки. Я сопротивляюсь, но, скорее, для вида, потому что обожаю его «наказания».

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, когда двое уединились в спальне, даря друг другу ласку и любовь. Тем временем счастливая история Жемчужинки, ставшей единственной драгоценностью для Мажора, только начиналась...

Больше книг на сайте - Knigoed.net